



Нам 10 лет. Всех с Юбилеем!

О провинциальном интеллигенте замолвите слово ...



Все началось в небольшом карельском городке Костомукше, в котором всегда жили творческие люди. В прежние годы в городе был сборник костомукшских писателей и поэтов - "Мы из Костомукши". К началу XXI века в городе назрела необходимость объединения творческих людей, которые имели большой запас произведений, но не имели возможности их опубликовать. Эту потребность понял Сергей Пашков. Он постоянно думал, осознавая необходимость развивать литературное творчество в карельской глубинке, городе металлургов на границе с Финляндией. Сергей вместе с молодым поэтом Андреем Филаретовым решили попробовать творческие силы жителей города в конкурсе. Они объявили в местных газетах конкурс творческих людей под девизом: "Войди в историю Костомукши". Где любому творческому жителю города предлагалось принять участие в конкурсе современной поэзии или рисунка. Лучшие работы по итогам конкурса предполагалось включить в совместный альманах.

В итоге в мае 2008 года были определены все участники, а затем в свет вышел альманах костомукшских поэтов и художников «Стихии». Это были новые творческие личности Костомукши. Решено было объединить их не только под обложкой альманаха, но и в реальной литературной жизни. Так было создано литературное объединение при местном культурно-музейном центре Костомукши. Я тоже стал с интересом посещать встречи в ЛИТО. Вскоре я выяснил, что большинство членов литературного объединения не только не имеют интернета, но у многих просто нет компьютера, чтобы себе набирать тексты и распечатывать их. На наши встречи многие приходили с текстами, написанными от руки, и читали друг другу свои стихи и короткие рассказы. Вечера проходили с интересом. Но было очевидно, что все накопленное творчество наших друзей замыкалось в себе, оставалось в кругу нашего ЛИТО. Это был определенный тупик. У Пашкова и Филаретова назрела идея выпустить свою газету. Название пришло необычное, и в тоже время простое - «Провинциальный Интеллигент».

Первый номер был выпущен в октябре 2008 года в количестве 500 экз. Так мы стали настоящими «провинциаль-

ными интеллигентами». Следующие номера выпускались тиражом до 999 экз. Мы решили не распространять газету через почтовые ящики, как это делается с обычными рекламными изданиями. «Провинциальный интеллигент» просто выкладывали в людных местах, например, в больнице, в поликлинике, на почте и в других, но чтобы газета попадала в руки заинтересованных читателей. Эта тактика оказалась верной. Новая газета стала пользоваться спросом. Обычно ее разбирали в течение первых трех дней. Заинтересованные люди брали ее домой, передавали родственникам и соседям. Газету стали спрашивать, интересоваться датами выпусков следующих номеров. Именно в те первые годы стал создаваться имидж газеты как современного литературного издания, ее особый стиль подачи информации, оригинальное и изящное художественное оформление на белой бумаге хорошего качества в стиле черно-белой графики художницы нашего еще того ЛИТО Ольги Зирки. В эти годы формировались и лидерские качества Сергея Пашкова, будущего главного создателя медийной группы "Интеллигент". Однако читать из номера в номер одних и тех же авторов людям становилось уже не столь интересно, да и городок наш небольшой, чтобы поддерживать у разных людей интерес к одним и тем же поэтам и писателям. Газета вышла на республиканский уровень, стала многостраничной, узнаваемой, цитируемой. Мы стали инициаторами ряда литературных дискуссий, обзоров. Появились первые награды, стал изрядный редакторский портфель с работами поэтов и писателей со всей республики Карелия. Работа редакционного совета становилась все более профессиональной. Сложилось так, что в тихой Костомукше не все наши друзья из ЛИТО поняли и приняли курс на расширение литературных и издательских приоритетов, одни члены ЛИТО посчитали себя ущемленными и требовали все вернуть обратно и остаться в тихой и спокойной атмосфере литературных вечеров, а другие напротив, поддерживая жизнь нашего ЛИТО, хотели еще большего масштаба. Косвенно первых поддержала и местная власть, тогда как других стали поддерживать творческие люди в регионах и русскоязычные авторы из зарубежья. После того как компромисс не был найден, раскол в ЛИТО и редакционном Совете стал неизбежным... Так образовалось два издания, одно чисто литовское - "Провинциальный Интеллигент", а вторая газета стала частной (учредитель Сергей Пашков) и стала называться «Провинциальный Интеллигент 1» (далее ПИ-1). Разошлись творческие пути и двух главных создателей

литературной газеты «Провинциальный Интеллигент». Всегда больно, когда нечто общее начинают делить и ведут различные споры и разбирательства. Пока литовцы все больше вели этих споров и разбирательств, Сергей Пашков заключив договора с художниками и дизайнерами, заручившись поддержкой из различных регионов и зарубежных авторов, начал издавать первые номера «ПИ 1» с вкладкой из того или иного Российского региона или страны, откуда ему стали присылать материалы представители газеты «ПИ1». Надо честно признать, что создавать свое представительство в разных регионах и странах, при этом на бесплатной основе, только на энтузиазме этих же самых представителей, — очень не простое занятие, как для самих представителей, так и для провинциального издания! При этом, издание ПИ-1 стало выходить в свет ежемесячно на регулярной основе. Я с интересом наблюдал, как Сергей и его представители из разных регионов России и из зарубежных стран, через новые коммуникации, развивают проект. Заразительная энергия Сергея и его видение перспективы требовали дальнейшего неуклонного развития нашего издания. Мы почувствовали необходимость расширить масштаб работы, перейти на более высокий и сложный уровень литературной деятельности, знакомя читателей с русскоязычными авторами России, стран СНГ, литераторами со всего мира.

Я предложил двигаться дальше, осваивая и другие амбициозные и современные направления организации литературной работы. Имея опыт проведения сетевых международных литературных конкурсов, я предложил разместить новый литературно-издательский конкурс от нашей газеты на известных литературных сайтах в Интернете. Затем были опубликованы итоги литературного конкурса и также лучшие литературные произведения, занявшие призовые места. По окончании конкурса организовали фестиваль поэзии и музыкантов, на котором вручались призы. В честь участников, гостей фестиваля и победителей конкурса был организован концерт, в котором могли бы принять и сами конкурсанты со своими стихами и даже песнями. Питание и проживание так же было предоставлено гостям фестиваля. Хотя из зарубежных участников конкурса и гостей были только представители из Финляндии, но круг знакомств, контактов и культурного обмена увеличился в разы. Я был доволен тем, что многие прежние мое знакомые по литературным интернет-ресурсам уже лично активно участвуют в проекте. Раскол тоже внес свои коррективы, и в последующем Сергей Пашков стал проводить и свой фестиваль в столице республики, в городе Петрозаводске.

Газета ПИ-1 из восьмиполосной стала двенадцатиполосной, но масштаб участников был уже не совместим с печатной площадью такой газеты. Были и огорчения. Судьба нашей газеты оказалась сложной. Неожиданно для нас на ПИ-1 начали воздействовать разные силы: от местных властей до республиканских изданий и деятелей различных литературных союзов. Ладно бы только несправедливая критика, но газету и ЛИТО стали выдавливать из привычного круга общественных организаций и в Карелии проекту Сергея и Алексея Ильина, который стал на этом этапе его помощником, объявили полное, так сказать, забвение.

Многое уже в прошлом. Коротко скажу: мы — обычные творческие люди, и в глубинке не понимали, в чем виноваты и кому перешли дорогу? Были попытки просто отнять ПИ-1. Мы, во главе с Сергеем Пашковым, не сдались, а решили преодолеть местные республиканские невзгоды и перейти на более высокий уровень издательской деятельности. С этого времени, как только я понял, что моя помощь уже не требуется закаленному бойцу Сергею Пашкову, я вышел из Редсовета, занялся своими творческими проектами. Перейти на региональные и зарубежные связи и отношения оказалось

тогда верным решением в преодолении местнического диктата и влияния.

Однако, забегая вперед, скажу, что далеко уйти от редакционных дел и забот мне не удалось. Всегда старался быть рядом, оказывая Сергею помощь по необходимости. Решено было оставить печатать «ПИ 1» местным творческим лицам, но опять у них что-то никак не получалось издать хоть один номер этой газеты. Газету также решил покинуть, тогда еще главный редактор, Игорь Даблев, но не все так просто... Так как уже реализовывался проект медийной группы «Интеллигент». Так в 2011 году появились газеты «Интеллигент Санкт-Петербург» редактор Наталья Крофс (Австралия), «Интеллигент Москва», «Интеллигент США» редактор Дина Лебедева (Россия г. Петрозаводск), где газета «Интеллигент Санкт – Петербург» была основной для известных авторов и для интересных авторских работ. Сергей создал новую успешную команду, а, благодаря Ольге Грушевой из «МОСАЛИТА», сохранил все виртуальные копии изданий и наладил новые горизонты по сотрудничеству. Надо отметить и роль тех редакторов которые начинали сам проект медийной группы «Интеллигент», а именно Феликс Суркис из Санкт-Петербурга, Тамара Москалева из Нью-Йорка которые заложили основы, так сказать, внутренней самодисциплины.

Новые издания были оригинальными, они печатались на мелованной белоснежной бумаге, были плотными и срок хранения такой газеты был гораздо больше, но, опять же, хотелось собрать под одной обложкой самые интересные материалы и самых интересных авторов. Более того, в издания стали обращаться музыкальные обозреватели, художники, учредили разных конкурсов, и это все в купе привело к решению издавать два журнала: «Интеллигент Избранное», где печатаются лучшие авторы и их работы в поэзии и прозе, а в журнале «Интеллигент Нью-Йорк» освещаются различные конкурсы, публикуется критика на различные оперы и спектакли, публикуются художники, публикуются материалы об известных творческих людях, рассказы о разных странах... Новый медийный проект стал очень популярным, приобрел заслуженную известность, получил международное признание. Заслуженные награды, дипломы, благодарственные письма проекту просто потекли рекой не только из Москвы, Санкт-Петербурга и других Российских городов, но и из-за рубежа, от Австралии, Великобритании, Новой Зеландии, Индии, Греции, Израиля, США, Бельгии, Болгарии, Испании... и от самой большой национальной библиотеки, Библиотеки Конгресса США, Национальной Библиотеки Австралии. Медийный проект Сергея Пашкова и его многочисленных русскоязычных авторов по всему миру поддержала Национальная литературная премия ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ и ее учредители — Светлана Савицкая и Александр Бухаров. Первые награды от международного литературного конкурса ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ в 2011 году получила газета «Интеллигент Санкт-Петербург».

К проекту медийной группе «Интеллигент» стали обращаться различные издания для разного рода сотрудничества, от перепечатки их материалов у себя в издании до обмена авторскими подборками и интервью. После прихода нового соучредителя Сергея Малашко, проект приобрел новые черты. Появилась газета «Интеллигент Магадан» и журнал «Интеллигент Русского Мира», и уже эти издания и их учредители Сергей Малашко и Сергей Пашков получили заслуженные награды.

Уже в этом, 2018, году нынешний главный редактор Юлия Рудомазина из Санкт-Петербурга и Сергей Малашко были награждены в Москве почетными призами «Золотое перо Руси».

Есть такое определение: когда нечто делается один раз и это даже заслуживает внимания, то это может быть везением или случайностью, когда же это делается более трех раз, а затем получает опять признание, то это уже закономерность! За десять лет проект и его участники состоялись как прекрасные коммуникабельные организаторы и умелые редакторы, оформители, авторы. Впервые из такого небольшого провинциального городка как Костомукша на севере Карелии, творческий человек Сергей Пашков смог осуществить такой грандиозный международный проект. Наша маленькая Костомукша, наша северная Республика Карелия, наша великая Россия и сообщество русскоязычных

авторов за рубежом могут гордиться этим замечательным международным медийным проектом. А я горжусь своим старинным приятелем и коллегой Сергеем Пашковым, который смог сделать это современное медийное чудо из милой сердцу провинциальной газеты, которую мы на первых порах издавали в складчину.

Спасибо за все, Серега! Будь здоров! Береги себя и «Интеллигента».

Карен Агамирзоев,

*член Международного союза писателей
«Новый Современник»*

Журналистское продолжение жизни родителей

Дорогая моя любимая мамочка не знала, что ее финское имя и Шведская фамилия от первого супруга продлили ее жизнь почти на 2 десятилетия. Я писала много заметок в газеты и журналы, указывая псевдонимом «Хильма Пораль» авторство лучших моих заметок в благодарность памяти мамы. С этой фамилией она меня родила и воспитывала до 14 лет. Только после смерти И. В. Сталина финским женщинам разрешили при заключении брака взять фамилию мужа. Опыт псевдонима я позаимствовала от журналиста – своего супруга Вячеслава Шевцова, который аналогично продлил жизнь моего отца на 20 лет, подписывая свои заметки «Иван Коков», когда одновременно в одном номере газет давались несколько его материалов.

Я не журналист, но с удовольствием пишу о событиях, которые мне очень дороги. В школьные годы дважды в 3-м и 9-м классах учителя вслух читали мои сочинения. Спасибо моим незабвенным преподавателям – первой учительнице Марии Ивановне Тикковой и одаренному филологу Нинель Анатольевне Ульяновой из политехнической школы № 30 г. Петрозаводска. В школьные и трудовые годы, во время последипломной практики я всегда выпускала и оформляла стенгазеты. Конечно, узнав об организации учебы для рабочих корреспондентов и редакторов стенгазет, я пошла на занятия в эту школу, созданную талантливым председателем Союза журналистов Карелии Геннадием Сорокиным.

Я благодарна многим коллегам моего супруга, щедро поделившимся со мной своим опытом: зав. отделом культуры Елене Иосифовне Полуко, подготовившей к печати первое мое обращение к музыке в СМИ, обладателю высоких журналистских наград Валентине Владимировне Акуленко, без усталости годами сотрудничавшей со мной по профессиональ-

опыт работы при подготовке информации о Музее изобразительных искусств Республики Карелия, о музыкальных вечерах, вернисажах и концертах, организуемых в музее – от обаятельной петрозаводской талантливой четы Вавиловых с уникальной родословной. Бесконечно благодарна Сергею Пашкову из современного молодого карельского города Костомукши – журналисту, прозаику и поэту, художнику и издателю международной медиа-группы «Интеллигент» за знакомство с его творчеством и за продвижение русскоязычных с искрой божьей авторов разножанровых произведений в десятки стран Европы, Азии, Америки и Австралии.

Я признательна Сергею Львовичу за размещение моей заметки «Ярчайшее дарование» в журнале «Интеллигент - Нью-Йорк», что позволило героине моего очерка Кондопожской певице с лирическим сопрано полного диапазона Татьяне Кирилenco получить глобальную известность и в журналистском мире, а также способствовало получению звания «Заслуженного работника Республики Карелия».

Сергей Пашков высоко поднял титул Карелии, сделав ее и многочисленных героев произведений, а также их авторов (прозаиков, поэтов, художников, музыкантов, журналистов, артистов, искусствоведов) известными глобальному Миру. В Карелии много замечательных людей, Сергей – один из них – с большой, щедрой, трудолюбивой и умной душой.

Людмила Шевцова



Немного от автора проекта:

Спасибо всем! Спасибо, что очень многие поддержали и помогли чем могли! Благодарен всем и даже врагам, что дали мне преодолевать многие трудности и укрепляться в верном направлении.

Честно, не искал себе славы и наград, просто хотел сделать что то для реализации русскоязычных авторов не только в нашем провинциальном городке, но и для тех, кто проживает в разных уголках земного шара.

Постараюсь поблагодарить всех помощников медийной группы «Интеллигент»: Игоря Даблеева, Алексея Ильина, Анатолия Иванова, Карена Агамирзоева, Веру Ильину, Сергея Истомина, Лену Пархоменко и других лиц из города Костомукши, кто искренне поддержал начинания и развитие проекта медийной группы «Интеллигент». Благодарен Татьяне Дунаф, Федору Панышину, Игорю Монакову, Ольге Бурыгиной, Наталье Лайдинен, Людмиле Шевцовой, Андрею Сунгурову из Карелии.

Благодарен дизайнерам и художникам: Сергею Истомину, Маргарите Рогозник.

Редакторам: Игорю Даблееву (г. Костомукша), Тамаре Москалевой (г. Нью-Йорк), Феликсу Суркису (г. Санкт-Петербург), Наталье Крофтс (г. Сидней), Дине Лебедевой (г. Петрозаводск) и ныне действующей Юлии Рудомозиной (г. Санкт-Петербург).

Благодарен тематическим редакторам, зам. редакторам, членам редакторского совета: Карену Агамирзоеву (г. Костомукша) Ольге Аксёновой (г. Мытищи), Екатерине Асмус (г. Санкт-Петербург), Наталье Гордеевой (г. Нью-Йорк), Нине Большаковой (г. Нью-Йорк), Вячеславу Барыбову (г. Омск), Светлане Савицкой (г. Москва), Ольге Грушевской (г. Москва), Майе Шварцман (Бельгия), Ирине Анастасиаде (Греция), Наталье Богдановой (г. Санкт-Петербург), Светлане Дион (Испания), Михаилу Нежину, Вере Зубаревой, Сергею Гора, Зиновию Коровину (все США), Залману Швейману (г. Мельбурн), Георгию Кирееву (Новая Зеландия), Алексею Ильину (Финляндия), Юрию Тубольцеву (Германия), Елене Литвинской (г. Москва) Злате Раповой (г. Москва), Марии Викторовой (Прибалтика), Ларисе Зеленюк (Франция), Александру Матусевичу (г. Москва).

Представителям в регионах Р.Ф: От Карелии до Колымы, от Белого моря до Черного моря. Представителям за рубежом: из Австралии, Новой Зеландии, Италии, Франции, Великобритании, Израиля, Украины, Прибалтийских стран, Болгарии, Польши, Германии, Испании, Греции, Франции, Казахстана, США, Канады, Исландии...

Благодарен соучредителям и добровольным помощникам: Андрею Медведеву, Сергею Лебедеву, Игнату Силкину, Алексею Ильину, Вере Ильиной, Анисе Терентьевой, Светлане Горевой и ныне моему другу и соучредителю Сергею Малашню из Магадана.

Большая благодарность моей маме, которая всю свою жизнь меня поддерживала до окончания своего века, в том числе и в этом моем проекте!

Учредитель проекта медийной группы «Интеллигент» Сергей Пашков





Нора Крук

Поэт и переводчик. Родилась в 1920 году в Харбине, с 1942г. работала журналистом в Шанхае, и позже – в Гонконге. С 1976г. живёт в Австралии. Русские стихи печатались в журналах и в антологии «Русская поэзия Китая» (Москва, 2000). Автор трёх сборников английских стихов, призёр Содружества австралийских писателей (1993) и Ассоциации австралийских писательниц (2000).

Ясен мир размеренных занятий,
Жизнь безоблачна? Какая ложь!
Искус несомкнувшихся объятий
Заронил мучительную дрожь.

Только внешне я ещё спокойна.
Всё в душе смятенье и тоска.
Знаю: и грешна, и недостойна,
И к непоправимому близка.

Горький хмель переполняет вены,
К чистой радости не подойдешь,
А когда сомкнется круг измены,
Я вживусь в чудовищную ложь.

Влажный и ласковый тающий вечер,
Высь невесома, а воздух – как плоть.
Плодотворяющий взывает ветер...
Взгляды скользят и пронзают встречи.
Радостной грусти не побороть.

Мир рождается в детстве. Такой
голубой и зелёный!
Весь без острых углов, весь –
пронизанный солнцем хрусталь.
Он растёт вместе с нами – большой,
молодой и влюблённый,
Чуть скрывая в тумане такую
манящую даль.

Возмужанье полно драгоценно-
простых откровений,
Мир дано полюбить и познать. И,
скрывая испуг,
Биться с силами тьмы, вознося
человеческий гений,
И, столкнувшись с невидящим Богом,
вернуться на Крук.

И уже разуверившись в Истине и
Совершенстве,
И уже потеряв Мирозданья
ненайденный смысл,
Мир дано полюбить и принять в
первозданном блаженстве
Кожей, слухом, глазами осмыслив
гармонию числ.

Так становится синтез творенья
неведомым знаком,
И в погоне за смыслом теряются
смысла следы.
Ощутимый всё ярче мой мир
рассыпается прахом...
Нет, не прахом, а солнечной пылью,
журчаньем воды.

Джакаранда роняет листву, как перья,
Оголясь, расцветает персидским цветом.
Вопреки реальности и неверью,
Возрождаюсь женщиной и поэтом.

Этот праздник кожи и обонянья
Тянет в мир таинственный – за порог,
И сомненья старые и прощанья
На развилке дорог.

Тяжесть лет свинцом на моих подмётках,
Шрамы тонкие светятся на запястьях,
Дни скользят, замолённые, как чётки,
Но весна колдует, и это – счастье!

При всей моей любви
К словам живым и мёртвым,
Непонятым словам,
Словам трусливо стёртым,
Я не сказала тех,
Что жгут сегодня грудь.
Шепчу себе: забудь.

На фоне этой щедрой красоты
Вдруг опалило первобытным жаром,
И вот из памяти уходишь ты
Под солнцем испаряющимся паром.

Как страшно, что ещё томится кровь,
Всё заслоняя заревом пожара,
И словно молодость вернулась вновь,
Без жалости – за данью, но без дара!

Бессонницей, чудовищной тоской,
И лихорадкой – все пригодны средства –
Уносит мой заслуженный покой,
Лишая златосенного наследства.

Чтоб опытом и зрелостью потом
Лицом к лицу меня столкнуть с Обманом,
Ползушим на меня в лесу глухом
Волшебным зачарованным туманом.

О былом

Пенится азалия у входа,
А жасмин играет под сирень
Те же лепестки, но в них свобода
Ароматом заполняет день.

На столе камелии из сада,
Из Шанхая – серебро, хрусталь,
Опьяненью я сегодня рада,
Воскрешает прошлого спираль.

Прошрое, Города, Столицы
Тысячелицы.
Светится через быль
Прошрое.
Города безлики,
Мелькают блики,
И снегом – пыль.

Где-то
потом
позже
Что-то влетает в дом
Радует?
Согревает памятью о былом.



Ирина Нисина

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Педагогический институт. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живет на Голд Кост в штате Квинслэнд, преподает в школе. Автор многочисленных публикаций в русскоязычной периодике, в том числе в «Литературной газете», в журналах «Новый Журнал», «Чайка», «Нева», «Австралийская мозаика» и многих других.

Звезды долго не падают

Электричка замедлила ход, колеса щелкали, переходя с одной колеи на другую, подтягиваясь к пригородной платформе. Аня поднялась с места и надела сумочку на плечо наискосок. Вытащив в проход два больших чемодана, она откатила их в тамбур. За окнами замелькали пристанционные постройками. Анина бабушка называла их смешным словом «пакгаузы». «Покойная бабушка, — мысленно поправила себя Аня, — царство ей небесное!» Бабушку хоронили без нее, потому для Ани было трудно представить, что бабушки уже нет. Колеса зашуршали, тормоза, и двери стали открываться. Аня спрыгнула на платформу, волоком сняла чемоданы с высокой ступеньки, приладилась, и покатила свои неподъемные к выходу на вокзальную площадь.

Ветерок затеребил косынку: на шоколадном поле оливковые и серебряные бумеранги, челку Ане взметнул, волосами, в конский хвост стянутыми, заиграл. Аня окинула взглядом знакомую площадь. Здесь все было как прежде: пыльный скверик посередине, стоянка такси, поодаль остановка трамвая, как всегда толпа собралась — не пробыться. Аня вздохнула и потащилась к стоянке такси.

— До Маргаринки возьмете?

Таксист поднял голову от газеты.

— Наша, что ли? Что-то не припомню...

Маргаринкой поселок молочного комбината называли только свои.

Аня кивнула.

— Местная, мы напротив школы жили, за Фрегатом. Так сколько до Маргаринки?

— Не бойсь, — водитель открыл багажник, — со своих лишнего не берем. Садись, довезу с ветерком!

Ветерок и вправду всю дорогу продувал душный салон, холодил Анины щеки, путал волосы. Это был особенный озорной ветерок из Аниного детства. Аня дружила с ветерком, бегала с ним наперегонки по берегу озера, а бабушка махала им рукой со скамейки. Как давно это было!

Анин отец был начальником цеха на Маргаринке — молокозаводе, построенном в их городке в середине восьмидесятых взамен старого, полуразвалившегося. Строили тогда с размахом: на заводе поставили немецкое оборудование, привезли из Германии наладчиков, которые за полгода должны были обучить новое поколение рабочих обращаться с умными автоматами. Перед заводскими воротами торжественно открыли памятник Ленину на гранитном постаменте и заложили на «жилплощадке» сразу шесть пятиэтажек. Секретарь обкома на митинге сказал, что в новом районе будут жить «рабочие новой формации, люди счастливого будущего!»

В дом улучшенной планировки с раздельным санузлом и лоджиями вселили семьи итэзровцев. На крышу дома, подгадав к октябрьским праздникам, водрузили огромный макет Авроры, за что народ сразу прозвал дом «фрегатом». В остальные новостройки заселялись не верящие в свое счастье рабочие старого молокозавода, много лет маявшиеся в послевоенных бараках. Маленькая Аня с родителями въехали в трехкомнатную, шикарную по тем временам квартиру — с двумя балконами и большой кухней. Мама, поддерживая руками огромный живот, поднималась по лестнице, улыбаясь Ане. Это был, наверное, последний их счастливый день: мама была с ними, и маленькой Ане казалось, что так будет всегда.

Маму вечером забрали в больницу, а из больницы она ушла жить к дяде Диме, папиному брату. И забрала с собой новорожденных Сашу и Наташу, которые, как объяснила Ане бабушка, были совсем не папины дети, а дяди Димины.

— Болеет папа, — объясняла маленькой внучке бабушка, укладывая ее спать, — переживает он, легко ли на родного брата злобу держать!

Бабушка тогда перешла жила к ним, по утрам варила для Ани манную кашу, вечером жарила котлеты, и все уговаривала Аниного папу «помять» и «простить». Папа приходил поздно, когда Аня уже спала, и виделись они только по утрам. Он смотрел на нее жалостно, молчал, старался поскорее уйти из кухни.

Кровать ей так и не купили, и бабушка укладывала Аню в большой комнате на диване. Однажды Аня проснулась ночью: папа сидел у подуш-

ки и гладил Анины растрепавшиеся кудряшки.

— Красивая она, — всхлипывал он, — и жили хорошо, и все в доме, и ребенок... я ее на руках носил! Так любил, что звезды падали!

Он еще долго говорил и плакал, но Аня запомнила только про звезды. Зимой папа перенес Анины вещи в бабушкин дом, поменял в маленькой комнате обои с темных немарких на веселые голубые с мишками и куклами. Он купил раскладной диван, письменный стол, повесил книжные полки, словно Ане было не три года, а, к примеру, десять, и была она школьницей с домашними заданиями и уроками. Потом папа собрал свои вещи в чемодан, крепко обнял Аню и уехал «на север». Бабушка объясняла Ане, что уехал он, чтобы «перегорело», потому как Димка-паскудник все-таки ему брат родной, а ей, бабушке, — тоже сын. Аня поняла только, что бабушка — последнее, что осталось из ее прошлой счастливой жизни, и решила следить, чтобы бабушка никуда не задевалась. Просыпаясь ночью, Аня искала теплую бабушкину руку и, прижав ее к щеке, снова засыпала. Пришлось им с бабушкой вдвоем спать на раскладном диване еще лет пять.

На книжных полках Аня рассадит кукол и большого плюшевого мишку, на письменном столе расставила кукольную мебель и кубики. Через год папа прислал Ане настоящие меховые унты и красивую шубку с капюшоном. И еще раз прислал, когда Аня во второй класс пошла. А потом перестал присылать. Бабушка говорила Ане, что папа женился и что у него теперь есть жена Валя и ее сын Петрик. Папа карточку прислал: Петрик у них с Валей на коленях сидит, — совсем такая, как у бабушки в альбоме, только рядом с папой — мама, а на коленях у них маленькая Аня.

— А что подарков не шлет, — объясняла бабушка, — так ведь он тебе всю квартиру оставил. Вырастешь, замуж выйдешь — в такие хоромы въедешь. Шутка ли: три комнаты, два балкона, кухня большущая!..

В квартире жили чужие люди, платили бабушке немалые деньги, так что даже когда бабушка оставила работу, они с Аней не нуждались. На пустовавшую жилплощадь в двух шагах от проходной точили зубы заводское начальство, предлагая обменять ее на «равноценную» в обычном доме, но дядя Дима, вышедший в замдиректора завода, каждый раз квартиру отстаивал. Он навещал бабушку раз в неделю, пил чай, рассказывал заводские новости, говорил о детях, но никогда не приводил к бабушке ни близнецов, ни жену. На Аню дядя Дима старался не смотреть.

Маргаринка разрасталась: подмяла под себя поселок Ветлики, где жили Аня с бабушкой, потом пятиэтажки шагнули далеко в поле. В год, когда Аня пошла в первый класс, поселковую школу закрыли, а для детей Маргаринки построили новую двухэтажную. Бабушка ходила на родительские собрания, ругала за тройки; штопала Анины колготки и пришивала оторванные пуговицы, выхаживала Аню от скарлатины и сидела ночами у Аниной кровати, когда та болела ангиной.

— Баба, ты не уйдешь? — спрашивала Аня, засыпая.

— Не уйду, Аннушка, я с тобой до самой смерти буду! — уверяла бабушка каждый вечер.

«До смерти» казалось Ане бесконечностью, и она спокойно засыпала.

Куклы на полках в ее комнате сменились книгами, кубики убрали в кладовку, а под стекло на письменном столе Аня положила фотографии артистов и певцов. Маму Аня иногда встречала в магазинах или на рынке. Мама улыбаясь Ане, мимоходом спрашивала, как дела в школе, и не слушая ответ, уходила. Отца Аня не видела двенадцать лет и совсем забыла бы, если б не письма, которые он присылал бабушке раза три в год. Бабушка читала их вслух по многу раз, и Аня всегда притворялась, что ей интересно, хотя никакого интереса к этим чужим ей Вале и Петрику не испытывала. Каждое письмо заканчивалось одинаково: «Аннушка, доченька, помни — если что, у тебя есть семья...» Аня помнила — и что?

Известие о смерти отца пришло письмом. Бабушка, плача, сказала Ане, что папа ее «на машине убил», и они долго плакали, обнявшись: бабушка о сыне, а Аня потому, что ей было очень жаль бабушку. Потом бабушка бегала звонить дяде Диме на работу. Дядя Дима приехал очень ско-

ро, бабушка снова плакала, потом они долго шепотом что-то обсуждали.

– Ну, какая она родня! – возмущался дядя Дима. – Они же не расписаны были, детей общих нет. Ей ничего не положено! Еще не известно, сколько денег после Андрюхи осталось, – на севере хорошие заработки.

Вечером бабушка рассказала Ане, что Валя с Петриком хотят с севера уехать, но жилья своего у них нет, а потому Валя просит пожить у них, пока, мол, не осмотрятся.

– Сноха – как не пустить, – утешала себя бабушка, – а он мне внуком будет. Трое внуков, а только тебя одну и знаю! Может, она, Валя эта, и неплохая женщина – все ж таки десять лет они вместе прожили.

Валя так и осталась в бабушкином доме. Если не она, разве уехала бы Аня, разве оставила бы бабушку одну?! С Петриком у Ани подружиться не получилось. Прожили три года, чай вместе по утрам пили, вечером ужинали на кухне, огород полили. Слова плохого друг другу не сказали, все вежливо да с улыбкой, а вот родными себя не чувствовали. И к бабушке он как к чужой относился, по имени-отчеству называл. Вот Валя Ане сразу понравилась: простая, душевная, работающая. Уже через неделю нашла Валя работу на той же Маргаринке. Через год предложили ей комнату в общежитии для малосемейных, но бабушка не отпустила. Даже дядя Дима смирился, что Валя с бабушкой всегда жить будет. После школы Петрик учиться дальше не захотел, уехал куда-то на заработки, потом в армию его забрали. Два года изредка письма писал, а потом перестал. Полгода – ни строчки! Валя разыскивала его, в военную часть писала. Ответили, что демобилизовался и отбыл по месту жительства. Пропал бесследно! Валя верила, что живой, – до сих пор надеется, что однажды объявится. А Аня не знает, во что верить, только думает она, что Петрик живой, прекрасно устроился, и нет в его жизни места для них с Валей и бабушкой. Ну, вроде, как дядя Дима. Он из начальников в бизнесмены шагнул, теперь весь город держит: и банк у него, и завод, и казино, и транспортная фирма. А вот к бабушке стал приходить редко – занят очень, не вписываются посещения родителей в жизнь делового человека. Месяцами не появляется, но деньги исправно шлет, – а то разве на пенсию проживешь, тем более, что Валя уже тоже пенсионерка.

Такси свернуло на мост, и ветерок подул с другой стороны. Аня растегнула заколку и потрясла головой, освобождая волосы – пусть ветер поиграет. Ветерок... Ветров...

В Сашку Ветрова Аня была влюблена с первого класса. Их посадили вместе на третью парту у окна. Пока рассаживали остальных, Сашка, пытая, вытаскивал из портфеля подтаявшую шоколадку.

– На, поломай пополам! – сказал он. И солидно добавил: – Дружить будем!

Они дружили все десять лет. Сашка Ветров из розовощекого большеглазого коротко стриженного мальчишки вырос в чубатого широкоплечего парня. Аня из тонкокожей первоклашки с белыми, как пух одуванчика, волосами стала, по словам бабушки, «настоящей красавицей» с золотыми русалочьими кудрями. Весной десятого класса Аня поняла, что жизни своей она без Ветрова не представляет. А Сашка Ветров тогда уже во всю гулял с Ирой Мальцевой – яркой красавицей без комплексов, смелой и раскованной, полной противоположностью скромной акварельной Ани. После выпускного вечера Ирка Мальцева быстро забеременела. После женитьбы Сашка Ветров никогда с Аней не разговаривал, а, встречая на улице, здоровался, глядя в сторону. Ирка родила сына Максика, родители ее звали Аню с бабушкой «на родину». Сашка катал по снегу синюю коляску, потом подталкивал Макса на трехколесном велосипеде... Через пару лет случился какой-то скандал, и Саша с Ирой развелись. Мальцева уехала в Москву, где, по слухам, сделала карьеру массажистки и уже была хозяйкой собственного салона в Бирюлево. Саша жил с родителями, работал на Маргаринке, растил сына и помогал стареньким Иркиным родителям, о которых дочка и думать забыла.

Разве уехала бы Аня, если бы с Сашкой все вышло иначе!

А вышло нехорошо, нерадостно, как-то скрытно, словно чужое взяли. Аня тогда приехала в город, вот как сейчас, вещами груженная. Университет закончила, все вещи из общежития забрала – набралось два чемодана и еще картонный короб с книгами. В электричке столкнулись с Сашкой нос к носу и неожиданно, в первый раз после выпускного вечера, разговорились, как раньше. Ветрова на вокзале встречал младший брат на мотоцикле, и Сашка уговорил его отвезти на такси Анины вещи к бабушке, а мотоцикл оставить им. Где они ездили целую ночь, Аня не помнит, и как все случилось, тоже в подробностях не запомнила. Вспоминает эту ночь не как цепь событий, а как огромное счастье, которое бывает раз и никогда больше не повторяется. Ну, вот как тот день, когда в новую квартиру вселились. Блеснуло и погасло – все.

Звезды долго не падают.

Сашка Ветров на следующий день уезжал в Москву утрясать с бывшей женой какие-то дела. Потом болел маленький Максик, в больнице лежал, потом Сашка его на море возил, чтоб здоровье поправить. Аня уехала работать по распределению и на целых два года потеряла Ветрова из виду. Она слишком поздно поняла, что беременна, а поняв – долго смеялась. Она поймала свою звезду, маленькую звездочку! Дядя Дима тогда уже поставил бабушке телефон, и Аня звонила каждую неделю. Она рассказывала им с Валей о своем счастье. Назавтра ей позвонил дядя Дима. Голос его звучал почти без эмоций, как доклад на собрании:

– Аня, я, как твой дядя, несу ответственность за тебя и твоё благополучие. Бабушка очень расстроена твоим известием, она считает, что ты сломала себе жизнь. Я присматривал для тебя хорошую партию, теперь

об этом можно забыть, но что-нибудь я, конечно, смог бы найти, ты же мне не чужая. Но без ребенка! Я посоветовался с врачом, очень хорошим специалистом...

Дальше Аня не слушала. Дядя Дима еще немного погудел в трубку и настороженно спросил:

– Ты слушаешь?

– Слушаю-слушаю! – заверила Аня

– Искусственные роды – и ребенок рождается нежизнеспособным, а урон для организма минимальный. Ты выйдешь замуж за достойного человека...

– Я не хочу выходить замуж, дядя Дима, – сказала Аня, улыбаясь, – Я просто хочу иметь ребенка. Именно этого ребенка, потому что он от любимого человека.

– Я хочу знать имя этого мерзавца! – взревел на том конце провода дядя. – Если он думает, что останется безнаказанным, то очень сильно ошибается! А если он подбирается к квартире...

– Дядя Дима, – устало сказала Аня, – пришлите мне бумаги, я подпишу отказ от квартиры, но и вы обещайте не лезть в мою жизнь. Ребенок будет!

Рожать в родном городе Аня отказалась. Ей казалось, что Сашка Ветров сразу догадается обо всем. Бабушка уже не могла сама приехать помочь Аня, прислала Валю. Пока Аня лежала в роддоме, Валя успела смотаться в Москву, где на вещевом рынке можно было купить все приданое вдвое дешевле. К выписке Валя успела еще связать для малышки розовую шапочку. Забирали Сашеньку домой при полном параде: в красном одеяльце с кружевным уголком и с огромным розовым бантом. Валя пожила с ними почти месяц и все-таки уговорила уехать к бабушке до конца отпуска. Отпуск затянулся, и на работу Аня уже не вернулась.

Здесь, в старом бабушкином доме Сашенька сделала первые шаги. Здесь она сказала первое слово «ва-ва», протянув ручки к Вале.

Разве уехала бы Аня, если бы Сашенька не была так привязана к Вале!

Аня, с помощью дяди Димы, устроилась работать в бухгалтерии Маргаринки. Через год он предложил ей перейти на работу в банк, заведовать отделом операций.

– Я в этом банке почти не бываю теперь, – сказал он Ане. – Мне свой человек позарез нужен, а ты – он усмехнулся, – честная до рвоты. И жизнь себе по глупости испортила, с ребенком непонятно от кого хорошую партию не сделать. Потому и будешь всю жизнь на меня за зарплату работать!

Платил ей дядя Дима щедро. О том телефонном разговоре они никогда не упоминали. Квартиру Аня по-прежнему сдавала, не хотела уходить от бабушки. А бабушка просто души не чаяла в правнучке.

Жизнь текла скучно, размеренно и привычно. Аня знала, что в пятницу после работы поедет домой есть вареники, а в понедельник Валя сварит борщ. В сентябре они будут заклеивать окна на зиму, в январе чистить от снега дорожки, а на ветку старой березы повесят кормушку для птиц.

Сашка Ветров, здороваясь с ней, старательно отводил глаза. Маленький Максик Ветров пошел в первый класс, и Аня часто видела, как он после продленки ждет отца, сидя на низком заснеженном заборе школы. Максик был маленький и очень одинокий, а Сашка приезжал за ним поздно. Однажды Аня не выдержала и остановилась с ним поболтать, дала завалявшийся в сумке леденец. Максим отвечал односложно, но видно было, что он рад поговорить даже с незнакомой теткой, чтобы хоть немного отвлечься. Кончилось, конечно, плохо, потому что подъехал Сашка Ветров и, не здороваясь и не выходя из машины, стал злым голосом звать Максика. Аня даже испугалась, что мальчику попадет. Больше она никогда с Максом не заговаривала.

Решение поменять жизнь кардинально пришло неожиданно. В их отделе работала незамужняя женщина за сорок, недавно похоронившая мать и оставшаяся совсем одна. Она обратилась к интернету в поисках общения, и, совершенно неожиданно для себя, открыла, что одинокая, бездетная и хорошо образованная, она имеет высокий рейтинг на рынке невест для иностранцев. Взахлеб рассказывала всем, кто соглашался послушать о заграничных женихах, обремененных поисками одиноких интеллигентных невест среднего возраста. Аня из чистого любопытства зарегистрировалась на сайте, посмотрела фотографии лысых носатых стариков с фарфоровыми улыбками, демонстрирующих крепкие мышцы пятидесятилетних плейбоев и решила, что это не для нее. Через неделю проверила почту. Ее ждало письмо от Терри Грина из Австралии. Они стали переписываться, несколько раз говорили по телефону. Терри тоже работал в банке, был разведен и жил в собственном доме с маленьким садом. Терри ездил в отпуск на Большой Барьерный риф и плавал там с аквалангом, любясь на подводные красоты.

Ане ее собственная жизнь стала казаться еще тоскливее. Отпуск она проводила на Азовском море, купала в теплых волнах Сашеньку и не могла даже отплыть далеко от берега. Так прошло четыре месяца. Теперь Аня говорила с Терри по интернету каждый день и скучала, если по каким-то причинам разговор приходилось отменить. Терри звал к себе, обещал помочь с работой, обучить водить его огромный джип. Почти на всех фотографиях, присланных из Австралии, этот белый джип стоял позади, и блестящий металлический «кенгурятник» сиял как путеводная звезда. Терри собирался в долгое путешествие по всей Австралии, с недельным отдыхом на Золотом берегу и на Барьерном рифе. С Аней ему будет гораздо легче, ну, и приятнее, конечно. Он так и написал в «аське»: «Регулярный секс сделает это путешествие намного приятнее!»

«Приятность» с чужим человеком Аня представляла с трудом. У нее после звездпада с Ветровым случились два романа. Один с клиентом, местным бизнесменом, сорокалетним, седоватым, моложавым. Бизнесмен владел газетой и телеканалом, был очень интересным собеседником, непритязательным в еде и легким в общении. Аня изображала радость в редкие интимные минуты – благо, много времени это не отнимало. Потом бизнесмен стал все чаще пропадать в Москве, купил там продвинутый молодежный телеканал... Потом он пришел прощаться и повинулся, что пришло время жениться, а дочка будущего делового партнера как раз подходящего возраста. Аня вздохнула с облегчением. Второй роман был с служащим – лысоватым, очень интеллигентным и скучным заместителем главного бухгалтера. Любовником он оказался внимательным: следил, чтобы Аня получала удовольствие, дарил ей маленькие подарки, возил в компанию таких же скучных интеллектуалов. Его друзья все время говорили о «современной концепции». Эту «концепцию» они привязывали к каждому предмету: от современного мира и до кухонного отсека в квартире-студии. Роман продолжался почти год, концепции плодились и множжились... Во время обсуждения концепции сексуальности современного общества Аня тихонько оделась и вышла в холодную Маргаринку. На пустынные улицы медленно сыпал снег, сугробы почти закрывали дощатые заборы и заснеженные дома, и казалось, что Маргаринка впала в зимнюю спячку. Снег медленно падал на Анину шубку, расцветивал коричневый мех блесками под редкими фонарями бриллиантовыми искрами. И опять Аня чувствовала, что освободилась от чего-то ненужного и тягостного. И опять на душе у нее был покой.

Бабушка, правда, очень огорчилась, ей нравился бухгалтер, он был положительный и надежный.

Разве уехала бы Аня, если бы бабушка так не убивалась из-за ее неустойчивости!

Терри звал, настаивал, прислал приглашение, а следом посылку с игрушками и разноцветными маечками с веселыми австралийскими зверушками для Сашеньки. Тут уж пришлось все рассказать бабушке и Вале. Обе, не сговариваясь, стали уговаривать Аню рискнуть. Бабушка пришла к ней в спальню, присела на кровать и стала гладить Аню по голове – совсем как в детстве.

– Деточка моя, – говорила она, – по всему видно, что счастье свое ты здесь не найдешь. Поселок маленький, вся жизнь на виду. И всем-то мы поперец горла встали. Сначала история с Димкой беспутным и мамой твоей, и с квартирой, что тебе одной досталась. И брат с сестрой тебя знать не хотят, будто твоя это вина, что так вышло. И Вало-то мы приняли к себе без скандала, ничего не делили, грязное белье не трясли. Сашенька у тебя неизвестно от кого, по сию пору бабы гадают. Верка, соседка наша, ехидничает: «Не моим ли хулиганам сестрица, тоже по деревьям лезть любит!» И работа у тебя хорошая, зарабатываешь, спасибо Диме, больше любого мужика. Ну, кто на Маргаринке тебе в пару? Езжай, доченька, мне все равно уже скоро помирать, а тебе жить и радоваться...

Бабушка плакала, на плач ее пришла Валя и стала слово в слово повторять бабушкины слова.

И Аня уехала. Бабушка просила дядю Диму не сердиться, простить, что уезжает с такой хорошей работы, подводит его. Но он не очень переживал, и на Анино место взял свою дочку Наташу. Аня впервые заговорила с сестрой, когда передавала дела. Общались как коллеги, вполне доброжелательно. Наташа пожелала ей счастья на новом месте. С мамой попрощаться не пришлось.

Аня обещала Сашеньке приехать за ней через полгода. За это время она привыкнет к Терри, освоится с языком, который, по словам того же Терри, нуждался в ежедневной практике. Может, даже успеет сдать экзамен и получить лицензию, найти работу. Поедут они с Терри на Барьерный риф, поживут неделю на берегу океана, потом она обустроится в его доме... Но как все это будет, Аня не представляла совсем. Все чужое, друзей никого, – ну, кроме Терри.

– Что ты будешь делать без меня, Сашка? – спросила Аня дочку перед самым отъездом.

– Буду ждать, – серьезно отозвалась Сашенька, – и играть зверушками из посылки. А потом ты приедешь и повезешь меня посмотреть на них в зоопарке.

Аня обнимала Сашеньку, глотая слезы, и чуть было не отказалась от всей затеи, но Валя с бабушкой настояли, и она улетела к Терри.

В Австралии не сложилось.

Нет, ничего страшного не произошло, Терри оказался именно таким, каким представляла его Аня из переговоров по скайпу. Он бегал по утрам, ходил в тренажерный зал после работы, усиленно занимался с Аней английским языком и старательно объяснял ей основы налогового законодательства. Барьерный риф оказался чудесной голубой сказкой! Аню, не умеющую плавать с аквалангом, опускали на дно в гидрокостюме с прозрачным круглым шлемофоном, чтобы и она могла полюбоваться красками подводного мира. Терри готовил отличные барбекю, с удовольствием ел Анины пирожки и вареники, запивая их австралийским пивом. Он был нескупным попутчиком в машине, отличным соседом и щедрым на ласку партнером по сексу. Именно партнером, потому что любовником Аня его назвать не могла даже мысленно. Терри, ей казалось, всегда смотрел на нее чуть покровительственно:

– Для русской женщины ты просто отлично говоришь! – восхищался он.

– Аня сразу освоила принципы налогообложения! – удивлял он своих коллег.

– Как ты смогла сама разобраться в нашей программе! – недоумевал он. – Я полтора месяца постоянно на телефоне висел, говорил с отделом технической поддержки.

Аня ждала целых пять месяцев – ну должно же что-то произойти, должна же она привыкнуть, если не полюбить, так хотя бы подружиться, или хоть пожалеть, что ли. Но жалеть Терри было не за что, он был здоров, весел, доволен жизнью и все время это озвучивал. Подружиться тоже не получалось. К Терри приходили друзья, они смотрели по телевизору спортивный канал, пили пиво и громко смеялись. Они звучно рыгали от пива, не забывая при этом сказать «Пардон!». И от этого «пардона» опять гоготали. Их подружки не видели в этом ничего необычного, они тоже любили пиво и спорт, и Аня в эту шумную компанию не вписывалась. А полюбить Терри – Аня знала всегда – она не смогла бы никогда.

Аня накупила для Сашеньки целый чемодан подарков, выбрала красивые наряды для Вали, сувениры для подруг и очень дорогой и красивый бумажник из крокодиловой кожи для дяди Димы – кто знает, может быть, он не сердится и снова возьмет ее на работу.

– Эна, – уговаривал Терри, – не принимай скоропалительных решений, подожди, мы еще раз поедем в отпуск, мы посмотрим Сидней, нам же было хорошо вместе.

– Было! – согласилась Аня, закрывая замки чемодана. Она постояла, набравшись храбрости, и сказала, честно глядя ему прямо в глаза: – Прости, Терри, я не смогла тебя полюбить, а без любви семья не склеится.

– Какой любви! – возмутился Терри. – Семья создается на взаимном уважении и доверии. Я тебе давал пользоваться своей кредиткой – видишь, как я тебе доверяю!

– Извини, Терри, – Аня покачала головой, – но русской женщине нужна любовь, жалость, нежность, да мало ли что...

– Жалость? – переспросил Терри. – А что меня жалеть, я не лузер какой-то, я успешный финансист, я за прошлый год получил тридцать тысяч бонусов, я...

Аня просила Терри ее не провожать, вызвала такси. Сидней она все-таки посмотрела: пока ждала рейса в Токио, поехала на экскурсию и полюбилась знаменитым мостом через Сиднейскую бухту.

Такси повернуло на главную улицу Маргаринки – Индустриальный проспект; и ветерок подул Ане в лицо, охлаждая пылающие щеки. Валя писала, что Сашка Ветров после смерти бабушки стал часто заходить к ним. «И сыночка с собой приводит, – писала Валя, – уж такой мальчик хороший, такой милый. А с Сашенькой они теперь не разлей вода, играют вместе, а больше разговаривают, и Максим ей книжки читает. А Саша все о тебе спрашивает, письма я ему читаю, а он вздыхает. Я уж, грешным делом, думала, может, любовь у вас».

«Время к вечеру, вдруг Сашка Ветров у нас сидит», – подумала Аня. Ветерок еще немного поиграл Аниным шарфиком и дыхнул ей в лицо родными запахами Маргаринки: густым молочным духом и жаром изношенного металла. Такси заехало во двор к самому бабушкиному дому; шофер помог выгрузить чемоданы, взял деньги и, довольный, уже выезжал на улицу. В этот момент красная «Нива», с визгом затормозила перед домом, и Сашка с букетом цветов вывалился на тротуар. Из задней двери выскользнул Максим Ветров и, протянув обе руки, помог выпрыгнуть Сашеньке.

– Мамочка приехала! – заорали они в два голоса и помчались к оторопевшей Ане.

Подростки Максик ткнулся ей головой в живот и, обхватив двумя руками, крепко прижался к боку, а Сашенька, подпрыгивая, стала карабкаться на руки. Подоспевший Сашка Ветров подтолкнул ее вверх, дочка обняла Аню за шею и, дыша в ухо, зачатила:

– Мамочка моя, мамуся, ты так долго не ехала, мы все за тобой скучали, я тебя очень люблю, и мы поедем с Максом зверей смотреть... – Она задыхнулась и замерла, прижавшись к ней и щекая лицо мягкими кудряшками. Аня отвернула голову.

– С приездом! – Сашка Ветров смотрел ей в глаза. Ветерок услужливо прикрыл Анины покрасневшие щеки растрепавшимися волосами, и она медленно отвела с глаз рассыпавшиеся пряди.

– Ты больше никуда от меня не уедешь? – спросил Сашка. – Я не могу без тебя, и дети... – Он старательно подыскивал какие-то правильные слова, хотел объяснить, сказать, чтобы она осталась, чтобы поняла. Ветерок теперь дул ему в лицо, поднимая чуб, и Аня увидела, что волосы у него начали седесть.

Сашенька спрыгнула на дорожку, подхватила за руку Максика, и с криком «Валя, Валя, мама приехала!» они побежали в дом.

– Я ведь тогда предал тебя, – сказал Сашка. – Мне казалось, что Ирка – это вечный праздник, фейерверк. Так оно и было – поблестело, зашипело и погасло. А ты стала такой далекой, зачем тебе чужой ребенок, – он, вдруг вспомнив, протянул Ане цветы. – Я когда увидел Макса рядом с Сашенькой, чуть умом не тронулся. Они же похожи как двойняшки! Анечка, мне жизни не хватит перед тобой оправдаться, но я все сделаю, я...

Из дома к ним по дорожке бежала Валя, обтирая фартуком, запачканные мукой руки, за ней весело подпрыгивали Максик с Сашенькой. А ветерок снова ерошил Сашкин чуб, играл Аниной косынкой, перебирал лепестки белых роз, которые протягивал ей Сашка, и подсказывал Ане ответы на все вопросы.

– Звезды долго не падают, – подумала Аня, засыпая на своем старом раскладном диване, – но они могут просто светить, долго-долго... всю жизнь.



Залман Шнейлин

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон» «Новый Свет», «Золотое руно» и др.

В 2012 году вышла книга стихов и прозы «На костре своих строчек...» В 2015 году вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...» Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014г.,

Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г. Юбилейная медаль журнала «Крещатик» 2015 г.

Когда отчаянье хватает за кадык
Когда ты близок, чтоб с собою - как Файзуллин...
Когда и рядом с той, с которой век на ты
Не избежать веревки или пули -

Вот он тот миг - бумагу, карандаш,
Огрызок мела на клочке асфальта -
Валяй - из самых благородных краж
Стянуть строфу у крошева базальтов.

Она шибает посильней вина,
Взбодрит покруче флирта глаз голодных
Та самая соломинка одна,
Чтоб удержаться в семибальных волнах.

Такая странная до колики нужда
Услышать чрево - «Ты венец таланта!»
Ты сам то веришь? - Больше «нет», чем «да»,
Когда строфа - поверх рванья заплат.

А здесь декабрь - в разгаре лета.
Иду по улицам пустым
В час пик, но, будто, предрассветным.
Здесь не Одесса и не Крым.
Я в шкуре беглеца - поэта
В стране, которой я не сын.

И жарким летом не доволен
Мой друг трусит на поводке
Он по-животному устроен,
Но прикипел к моей руке.
(Мы с ним одно, хотя нас двое
А тень уже недалеке).

Пуста проспекта перспектива.
Сегодня праздник - Рождество.
Вино - рекой, фонтаном - пиво.
Прикинь, афею каково!
Но я, поскольку не строптивый,
Хоть и не верую в Него,
Киваю встречным: «Мэри Христмас!»
И пьян, не знаю отчего!

Ни слова фальши - это очень сложно,
Так хочется хвалить и величать:

То ножку женскую, то Чистый День морозный,
И червоточин в них не замечать.

Не замечать, что ножка кривовата
И поступь по-крестьянски тяжела
Что облака легчайшие из ваты
Намокнут к полдню и нависнут как скала.

Не замечать как все идет по кругу,
Как почва ускользает из-под ног
Не замечать, когда теряешь друга
И остаешься страшно одинок.

Закреть глаза и петь одну осанну
Как соловей, задравши к небу клюв
Жизнь тут же подкрадется кошкой драной
И вырвет горло, замыкая круг.

Решает каждый, хотя бы однажды -
Быть! (Иудой или Христом)

Лестью, подлостью или лаской
прозябать как у Бога за пазухой по указкам
Или жить невпопад, нарываясь в ответ на облом.

Не всякий решается вбить свое эго в прах,
Только, чтоб мимо кассы не пролетать со свистом.
Смотришь - рысит по буфету по шее в крестах,
Словно уже связался впотьмах с нечистым.

Можно терзаться несделанным - смог бы или не смог
Можно прикрывать несостоятельность сальностями
Можно сомневаться, есть ли на свете Бог,
Но черт под руку - это реальность.

Выход всегда обойдется дороже, чем входной рубль.
В каждом герое есть что-то от Дон Кихота -
Светло на душе, но ведь чувствует, что надули
Что было бы лучше, наверное, скопом, с zelотами...

Раз за разом я как на лезвии бритвы -
остановиться на ком -
Пошуршать перьями или закутаться в белый саван.
И я не я, если не то же самое
В этот час происходит с моим врагом...

Грамматик

Овидию изгнание - катастрофа,
А наш, напротив, в удалении зрел,
Как скампелом обтесывая строфы,
Над словом чах, над рифмою корпел.

Он и себя поставил вне закона,
Стеною отчуждения окружил,
Чтоб год за годом грубо, иступленно
Тиранить музу, павшую без сил.

Он выжимал пронзительные строки
Из капель прошлогоднего дождя.
В них зелень томно исходила соком
И шмель летал, назойливо гудя.

В них землю черную, сверкнув на солнце, лемех
Рассчетливо изрезал на ломти,
Рука размашисто разбрасывала семя,
Зимой несла к губам аперитив...

В них женщина платочек нервно мяла
И пальцем крестики чертила и нули,
Луна взбиралась в небеса устало
И в темном парке лилии цвели.

А за стеной шла жизнь своей манерой,
Просачиваясь в каждую дыру,
По праздникам бесчинствуя в тавернах,
И вытесняя в дебри кенгуру.

Поезда моего детства - мерный стук колес на стыках
И гудки, как зверя раненого крики.
Поезда моего детства шли на Запад под брезентом,
А обратно возвращались в белых лентах.

Поезда моего детства - сквозь развалины и пашни,
По мостам и лабиринтам Подмосковья,
Где Маринки и Наташки суп варили из ромашки
И мечтали о бифштексах с кровью.

Всех потерь еще не зная, где - друг друга ободряли
Не пайком американским - крепким матом.
А подачек и не ждали, сами переоткрывали
И пенициллин и страшный атом.

Зарешеченные окна, а за ними силуэты,
Голоса как будто крошки между пальцев.
Нам, сопливцам невдомек, что это голос того света
Может, Праги, а, возможно, и Дебальцева.

Поезда моего детства тянут с места и на место
Ломовые - в струях пара, в блеске стали.
И нам, местным, интересно,
Очень даже интересно, если паровоз - товарищ
Сталин.

(По мотивам австралийского фольклора)

Простой холщовый вещмешок
Прислужник мне и друг
Тот вещмешок да пара ног -
Весь список моих слуг.

Я с ними в гору не пойду,
Мой путь лежит в обход,
Играя с ветром в чехарду,
Вдыхая дикий мед.

Найду местечко на пруду
И там без лишних слов
Костер веселый разведу
С дымком от комаров.

Сорвется в огненный заряд
Глупышка-мотылек
И, может быть, бродяга-брат
Придет на огонек.

Ягненок - я его украл -
Сегодня ужин мой.
Он утром весело скакал
Теперь в котле с водой.

И участь горькая его
Подобная моей.
Нагрывают копы - ого-го!
Ловить плохих парней.

Моя свобода на кону,
Но им меня не взять.
Я с головою в пруд нырну,
Чтоб век на дне лежать.

Мой друг давно уехал в Кармиэль
Сменил пиджак и галстук на штормовку
Остряк съезжит - он крепко сел на мель
По мне - напротив, выплыл очень ловко.

И может разговестись иногда,
Слетать (недорого) - к родному пепелищу
Там наши с ним запойные года,
Там общепит и смысл (о, Боже!) высший.

Но, стоп! - Пороки выжигать огнем,
Бурчать исподтишка - каков сутяга!
И я шифруюсь словно старый сом,
Что век уж дремлет под большой корягой.

Однако ж, отстраняясь от прежних дел, -
Того не зачеркнуть как с жеребьячей силой
Я все хотел, хотел, хотел, хотел...
И рад, что ни хрена не получилось.

Что мир остался прежним, как и был,
Что я его на миллиметр не сдвинул
Как мантру повторял - мы не рабы,
А раб во мне с усердием гнул спину.

Я счастлив, уверяясь, что вода
Лежачий камень так и не подточит,
Что с безразличием обойдет беда,
Всех тех, кому ее желал я очень очень...

Я рад, что самый маленький успех
Мой никого на свете не ограбил
И не достал инфарктом бедных тех,
Кого до смерти душит зависть - жаба.



Бельгия



Майя Шварцман

Майя Шварцман. Родилась в Свердловске (Екатеринбурге), закончила музыкальную школу-десятилетку и консерваторию, скрипач. Работала в театре Оперы и балета. Из России уехала в 1990 году.

Публикуется с 1984 года. Пишет стихи, а также рецензии и статьи о классической музыке. Постоянный автор сайтов Belcanto.ru и Operanews.ru.

Мальчик-отличник, абстрактных задач подкаблучник,
в книжки по плечи нырявший на старенькой даче,
в кипы страниц, понахватанных то на толкучке,
то с чердаков, то с развалов, то как-то иначе
к скиту фантазий прибившихся на антресолях;
мальчик с коробкою шахмат на крыше сарая,
сколько сражений с собой разыграл ты, мусоля
стебель травинки, сумел ли запомнить, играя,
вместо лады почерневшую винную пробку?
Вымажав, выросши, понял ли ты предсказанье,
нужных ходов продолжая на шаривать тропку?
Всё-то бредёшь, близоруко моргая глазами,
к краю доски за победой, скользя меж белёсых
стёртых фигур, - и попробуй ещё обнаружь-ка
сонмы подмен, погоняя коня на колёсах,
вместо ферзя обнимая пустую катушку.

Мы думали, Стикс широкий, всё возит Харон и возит,
античные зенки пляя,
медля, волнуя.
Всё склонны преувеличить: вот так же в библейской прозе
про сорок лет загибали
в дикой пустыне.

А Стикс оказался мелким, да что там: черта простая.
Со мною шагало двое
рядом, я - между.
Один перешёл протоку, но крепко, не выпуская,
как будто зовя с собою,
за руку держит.

Другая со мной на этом стоит берегу и тоже
вцепилась, не уступая,
зверски, ногтями.

Держу их обоих - разных, и так на меня похожих,
терзаюсь и рвусь. Не знаю,
кто перетянется.

Выучили: *ars longa et vita brevis*.

Вот бы и жить, красивым словам доверясь.
Правда на деле труднопроизносима.

Ели и клёны нежную древесину,
вызревшую под солнцем на лесосеке,
и смоляную кровь отдают на деки.

Кроткий тростник гобоям идёт на трости.

Славно, что тихо. А вот слоновой кости

молча слоны никак отдать не хотели,

бились, трубили, - не то что клёны и ели.

Шкуры с быков сдирали, скребли, сушили,

нежные из ягнят вырывали жилы,

а у коней хвосты выщипывать приходилось,

разве для развлечения, скажи на милость?

Перья вороньи плектрами (так красивей)

жить продолжают стайкой внутри клавиесина.

Костью слоновой гладкой, белее манной,

мастер покроет клавиши фортепьяно,

кожа быка барабан обтянет в обlipку,

волос пойдёт в смычки, древесина в скрипки,

струнами вмиг натужатся сухожилия.

Души слоновьи, бычьи или кобыльи

в смерти сольются разом, чтоб честь по чести

гимны короткой жизни пропеть в оркестре,

с полной самоотдачей и резонансом,

с чувством сыграть «Карнавал животных» Сен-Санса.

Весть

В тот день все бросались навстречу, пытаясь сказать, -
зажмурившись, ветер кидался, и дикие птицы
в лицо устремлялись, - потом подавались назад,
как будто раздумав, струхнув, побоявшись открыться.
Их возгласы были подавлены, взоры скупы.
Сильнее других разлетелись, не спрятав запала,
две выскочки ёлки отдельно от хвойной толпы.
Но я уже знала.

Моему сыну

В назначенный час
библейского утра,
сиявшего солнцем и воздухом ультра
мариновым, внятная речь началась.
Пред взором Адама
текли вереницей
орлы, куропатки, гепарды, куницы,
улитки, - овамо
и семо, ползком, и нырком, и летая,
стада, косяки, караваны и стаи,
и каждый шагал с подобающей дамой
(хотя кое-кто попадался двупол).
Никто не додумался «паспортный стол»
сказать, безыскусно мычали да выли,
явились как есть получать имена,
кто чистый и гладкий, кто в глине и в иле,
и шли терпеливой толпой дотемна.
Попутно слова
рождались другие:
могла ж на Адама напасть аллергия
на тех, например, у кого голова -
начало хвоста, как положено змию.
Но надо сперва
подробности тела
подметить умело,
названия членам придумать, а там
добавить эпитет
(что позже похитят
потомки - подмогой к банальным стихам).
Кто станет навеки прекрасным, кто гадким -
для всякого мольв находилась с осадком
рефлекса, что вызвала каждая тварь.
Восторги и страх первобытных эмоций
срывались, лились с языка как придётся.
И ширился ежесекундно словарь.
Но главного, первого, тёплого слова -
молочно-беззубого, первоосновы
рождения и речи -
безродный, увечный
Адам, называвший зверьё свысока,
не мог и представить,
был просто не вправет
что мог он сказать, человек без пупка?
Его произнёс, прорыдал ли, пропел -
обжегшись, поранивши палец, упавши,
боясь темноты ли, размазавши кашу, -
первейший из первенцев, шkodник, пострел.
Залюблен, заласкан и с рук не спускаем,
как все до поры, кто любовью храним, -
он был нераскаян
ным грешником, Каин,
но первое слово осталось за ним.

Как след утёнка на болотце
затянет ряска,
жизнь без тебя опять сомкнётся
краями вязко.
То обходя кругом, то в лени
притворной пятясь,
мир продолжает наступление
и скрытый натиск.
Берёт в осаду, окружая
кольцом всезнаек,
ловушками и муляжами.
...И исчезает
твой отгис, нищенски хранимый
подвздошной клеткой,
бесхозное отныне имя
и самый след твой:
кружком туманным, запотевшим
от донца чашки -
безгласным «О», немым,
нездешним.
как выдох тяжкий,
колючком пара на морозе;
на снежной соли -
бледнеющей строкой полозьев
в метельном поле.

Ночной грозой ручная стирка
была затеяна. Тазы
гремели громом. Из штафирки
хлебнув настоящей бузы,

ворочала хмельная прачка
многопудовые котлы,
шаталась по небу враскачку
и добавляла то золы,

то синьки в воду. Занавесок
содравши облачную бязь,
крутила с искрами и треском
материю, раздухарясь.

Потоки пенные с размаху
выплёскивала с высоты,
и на земле в сквозных рубахах
тряслись и ёжились кусты.

К утру, устав от постирушки,
внезапно завернула кран.
На гребнях кровель для просушки
сырой распялила туман.

На острый месяц как на гвоздик
повешен неба был атлас.
С него текло. Мычали звёзды.
Их гнал к рассвету Волопас.

Суть петуха с картины Сутина
с разинутыми потрохами
видна в подставленной посудине:
всё то, что пыжилось, порхало,
что петушилось, кукарекало -
тёчёт туда. Какой по сути нам
ещё трактовки, если некое
наглядное для всех адамов
дано, чего не докумекали
экскурсовод и нострадамус?

Бродя по выставке счастливыми
мишенями земного тира,
зовём красу кишок и ливера
богатством внутреннего мира.
Живи, кровопусканье празднуя,
смотришь, пока не опротивело,
в искусство, жизни сопричастное,
взамен зеркального осколка.
Почаще наряжайся в красное:
год Петуха продлится долго.

Согласно двойственной природе,
кентавров замесившей плоть,
у sapiens-четвероногих
суть пополам не расколоть
и тела не располовинить
на два тождественных “почти”,
за человечью пуповину,
как под уздцы, не повести.

Душа бессмертная кентавра
и плотоядный зов нутра
в нём детонируют на равных.
Копьём и остриём пера
владеет он; когда ж соблазны
захлёстывают, как шлея,
духовность плавится и вязнет
в горниле мускусного «я».
Гарцует он, сладкоречивый,
в венке сонетов и цветов
и, встряхивая буйной гривой,
служить по-рыцарски готов,
шептать признанья не устанет,
словесный утащая гон,
целует нежными устами, -
а там в права вступает конь.

Перепись населения

Мест не было. Всё под завязку. (Лука
не врал.) – Погляньте и сами уверитесь, –
твердили хозяева хором, пока
всё новые толпы валили на перепись.
Растерянный плотник стучался впотьмах
в дома и подворья, уставши заискивать:
«В углу бы соломки... жена на сносях...»
Промаявшись ночь у кострища золистого,
к озябшему ослику сбоку припав,
кой-как продержались, дрожа у обочины,
а там поднялись из опаски, что штраф
вчинят, и с рассветом пристроились в очередь.
«По клану и роду», так кесарь велел –
и всё кувырком; в дальний угол закидывая
дела, уговор с повитухой, задел
заказов, – и в путь, чтоб «из рода Давидова»
учётчику буркнуть в оконный проём
в дощатом пристрое, а дальше проваливай
и топай обратно, вдвоём ли, второём –
кто ж будет терзаться о тле государевой...
И тащится ослик, не зная куда,
и носом поводит на запах молозива.
Приветливо с неба кивает звезда,
предчувствуя бога ли, сына ль Иосифа.

...А снегу-то, снегу, – без устали кисть
белилами холст покрывает размашисто:
проулки, постройки и дёрн, что раскис
по краю дороги до слякотной кашицы.
На кровлях, телегах, на выступах стен,
на вретисах нищих, на шляпе у щеголя
во Фландрии снег – и покрыт Вифлеем
побелкой мороза у Питера Брейгеля.
Невесело дома. А ты соизволь
писать Рождество в бубенцах раззолоченных.
Лютуют испанцы, творят произвол,
терзая и так истощённую вотчину.
Готовится новое войско проити
по нашим равнинам, – ведь это безделица
для Габсбургов, да на кровавом пути
погромы и казни снежком не забелятся.
В безмолвии вырази муки свои:
пространство картины мазками заштопывай,
сказанье об ироде перекрой
и перепиши его кистью эзоповой.
Приметы и знаки укрой по углам,
упрячь их в детали, на взгляд неказистые.
Ведь всё, что случается, это не «там»,
не «где-то», а с нами, а с нами воистину.

...Рябая рука, отодвинув журнал
с плохой репродукцией (что-то в заснеженной
деревне), берётся за трубку. Журна
луны завывает за штормой барежевой.
По сводкам и цифрам скользят карандаш,
обводит итоги и давит ересь: кан-
ломается грифель. Ну как тут создашь
державу, когда беспристрастную перепись,
и ту извратили. Год тридцать седьмой,
метро, пятилетка, победы, свершения,
но где миллионы прироста? кто в бой
рванёт, если надо, живыми мишенями?
Где грамотность, где этот чёртов ликбез,
а главное – где же триумф отречения
от веры? Так значит, миряне, чудес
ещё не хватило вам? «Жертва вечерняя»
не встала вам колом в гортани? Пусть так.
Всё креститесь, всё поминаете ирода –
испробуем веру на прочность. Пустяк:
подставьте щёку, и больше. А выводы –
все цифры под нож, всех подбивших итог
статистиков к стенке. Вот меры сильные.
Рука на журнал для удобства листок
кладёт и в реестр добавляет фамилии.

Германия



Даниил Чкония

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Родился 19 февраля 1946 года в Порт-Артуре. Жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве, с 1996 года – в Кёльне. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Член Союза писателей с 1976 года, ныне – член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-Центра. Автор девяти книг. Главный редактор (соредактор) журнала «Зарубежные записки», зам главного редактора-ведущий раздела зарубежной русской поэзии журнала «Эмигрантская лира», член жюри поэтического фестиваля «Эмигрантская лира», председатель жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий». В последние годы печатается в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Арион», «Зарубежные записки» и других изданиях, в том числе представлен большой подборкой в сетевой «45-ой параллели».

СТИХИ СКВОЗЬ ГОДЫ

Я согласен назвать ностальгией
Бесконечно тягучие сны.
Вижу лица, но лица — другие
И другие приметы весны.

Подступающий миг пробуждения
Не пугает реальностью дня.
Но сменить бы мне дату рождения,
Раз уж адрес иной у меня!

И, посмертные слепки снимая,
Счет ушедшим мгновеньям веду.
Я сегодня, что лошадь хромая,
Сбилсся с шага и сплю на ходу.

Не задворки, зады, перекопы,
Не обмылки в гремящих тазах...
Я стою посредине Европы
С азиатской тоскою в глазах.

А что тебе ночью приснится?
В мелькании ярких огней
Грохочет, летит колесница,
Доносится топот коней...

А может – леса и озёра,
Видения северных стран?
И звуки могучего хора,
Гремящие, как океан?

А может быть – тихие рощи
И звонких пичуг торжество?
Ах, только бы что-то попроще,
А лучше б совсем ничего!

Жил по соседству маленький портной,
По вечерам он ел свой скромный ужин,
Справлял в субботу грустный выходной,
Искал для дочки выгодного мужа.

А в церкви золотились образа,
Переминался странник, спину горбя,
И всё глядел Спасителю в глаза,
Исполненные вечности и скорби.

У Господа – прямая борода,
Какой у смертных сроду не бывает,
И чудится, что странная звезда
Над головою Господа сияет.

Неколебима вера и чиста,
И на устах благоговее Слово.
И дела нет, что рисовал Христа
Художник с местечкового портного.

Воспоминанья не съедают живо
В горах Шварцвальда, где рожден Дунай,
С расхожим узнаванием похаживай
И в Швабии о Мтквари вспоминай.

Жил в городах, а оказалось – в странах.
Печали нет ни в этом и ни в том,
Не будем говорить о наших ранах:
Быть может, это споры о пустом.

Я, уроженец – Господи! – Китая,
Догадываюсь лишь теперь с тоской,
Что прожил эту жизнь, перелетая
Границы нетерпимости людской.

АНАНУРИ

Неужто сюда,
где сбывалось мальчишечье лето
и где пролегли дороги
в иные года,
однажды нахлынет
и скроет навеки все это,
нахлынет, разрушит
и смоем большая вода?
И здесь,
где скала
раскалывалась под небом
нагая,
где древняя башня
и солнце седое над ней,
застонет прибой
и ударит волна, набегающая,
и я не увижу
следы твоих легких ступней.
За хлеб и за воду
мы станем платить
красотою.
Да что красота –
столько новых содем красот.
Боюсь не пришлось бы
душевной платить
пустотой –
водой не залить нам
бездонных душевных пустот.
Такое молчанье
томится в прохладном овраге,
Как будто природа
уже затаилась и ждет,
и струи кипящие
Белой и Черной Арагви,
сливаясь,
смеются и плачут...
А время идет...

Международный Творческий Фестиваль в Греции 22-29 сентября 2017 г.

tel: 00306974866876 e-mail: anastasiadi.irini@gmail.com



*В Афинах и на Тиносе прошёл пятый Международный форум писателей в рамках
Международного творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам»*

Пятый Международный форум писателей в рамках Международного творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам» организованный Международным литературным журналом «9 Муз» прошёл в Афинах и на Тиносе с 22 по 29 сентября 2017 года. В нём приняли участие известные писатели, поэты, переводчики, публицисты, философы, историки, музыканты и художники. В рамках фестиваля состоялось два творческих Международного творческого конкурса: «Гомер» и «им. Нодара Джина». Председателем жюри конкурсов был историк-маринист Николай Черкашин. В номинациях «проза», «поэзия», «научные работы» были награждены писатели, поэты, философы из США, Испании, Канады, России, Украины, Кыргызстана, Греции, Армении, Германии.



Фестиваль проходил под эгидой: Мэрии Тиноса при содействии: Министерства культуры Греции, Всегреческого Священного Фонда Евангелистрии Тиноса,

Культурного Фонда Тиноса, Международного союза писателей, Союза писателей Греции. Тема фестиваля: «Влияние греческой мысли на культуру и искусство».

Цитата: «У Времени нет времени». Участники получили возможность познакомиться с новыми документальными фильмами Николая Черкашина, а так же Виктории Максоевой и Гарика Абеяна, получившими специальный приз президента фестиваля.

На открытии фестиваля явились представители министерства культуры и министерства иностранных дел Греции, а так же представители премьер министра Греции. В культурных мероприятиях фестиваля участвовали известные всему миру писатели, поэты, учёные, музыканты, художники и скульпторы из Греции, России, Испании, Канады, Германии, Украины, Грузии, и других стран. Победителями и лауреатами Международного литературного конкурса «Гомер» стали такие мастера художественного слова.

В номинации проза

Роман

Юрий Волков «Царь Эдип» – Гран При
Даниэль «Записки ангела-хранителя» – 2 место

Рассказ

Нина Шапкина-Карчаганова «Удивительный сон Максима Сверчкова» – Гран При
Амаяк Тер-Абрамянц «Пластилин» – 2 место

Сказка

Ирина Азаренкова «Зельда и Эрик» – Гран При
Александр Вайс «Странствие во сне» – 2 место

Драматургия

Александр Гордеев «Голубое, чуть акваринное небо...» – Гран При
Надежда Колышкина «Пир вместо войны» – 2 место

В номинации поэзия

Илья Лируж «Навсикая» – Гран При

Олег Гаврилов «Уходит эпоха» – 2 место

Татьяна Дзюба «Аккомодация к времени» – 3 место

Номинация научная работа

Сергей Карпунин «До-бытие. Бытие до» – Гран При
Теодора Янници «Греческий мир в конце 18 – начале 20 вв. по Российским источникам» – 2 место

Милана Лазариди «Античная Ленора Ф.Ф.Зелинского: современное прочтение» – 3 место.

Список победителей конкурса им. Нодара Джина

Проза

Дмитрий Липскеров «О нём и о бабочках» – Гран При им. Нодара Джина
Евгений Водолазкин «Авиатор» – Гран При им. Нодара Джина

Поэзия

Сергей Шелковый – Гран При им. Нодара Джина
Валентина Гончарова – Диплом за непревзойденную культурную деятельность

Публицистика и научные работы

Михаил Сергеев «Model of Religious Cycle: The Case of Christianity» – Гран При им. Нодара Джина
Дмитрий Михалевский «Пространство и бытие» – Гран При им. Нодара Джина
Сергей Карпунин «До-бытие. Бытие до» – Диплом за верное и многогранное служение искусству

Церемония награждения победителей прошла в уникальном здании Института греческих мельниц Министерства Культуры Греции в присутствии высоких гостей из Министерства Культуры и Министерства Иностранных Дел Греции.

В рамках фестиваля были организованы творческие встречи, выступления поэтов и музыкантов, дискуссии, концерт и экскурсия.





Археологический музей Элевсина –
Элефсис Греция



Была проведена экскурсия в Элевсину, где лауреат конкурса Дмитрий Михалевский поделился своими научными теориями из своей новой книги «Пространство и бытие» об Элевсинских мистериях



Храм Деметры Элевсина



ΣΥΝΑΥΛΙΑ ΠΙΑΝΙΣΤΡΙΑΣ

Elena Kuschnerova

ΕΡΓΑ

Τσαϊκόφσκι

Μπαχ

Μπετόβεν

Τετάρτη 27.9.2017

ΣΤΙΣ 19.30

ΣΤΟ ΜΕΓΑΡΟ ΤΟΥ Ι.ΤΗ.Π

ΕΙΣΟΔΟΣ ΕΛΕΥΘΕΡΗ

Далее фестиваль переместился на остров Тинос, где была продолжена работа фестиваля. Состоялись дискуссии. Концерт классической музыки дала Елена Кушнерова, получившая специальную награду Президента фестиваля. Участники имели возможность ближе ознакомиться с греческой культурой, проникнуться его жизнью острова, совершить экскурсии по историческим местам и насладиться прелестью неспешной островной жизнью.

Каждый раз мы пытаемся подать участникам фестиваля новый творческий импульс, насытить их новыми образами и формами. Но и не забывать представить в полной мощи античную культуру Греции, как начало начал западной цивилизации и источник мировой культуры.

Ирина АНАСТАСΙΑДИ,
президент Международного творческого фести-
валя в Греции
главный редактор журнала «9 муз»
<http://9musesjournal.wordpress.com>
 mob: 00 30 697 4 866 876
 e-mail: anastasiadi.irini@gmail.com

Концерт Елены Кушнеровой на Тиносе





ГРЕЦИЯ на карте РУССКОГО МИРА ИНФОРМАЦИОННО – СПРАВОЧНЫЙ ПОРТАЛ

Международный творческий фестиваль «Визит к Музам» на острове Тинос

*Международная творческая премия «Гомер»
за фильм о Лори*

В Греции прошёл пятый Международный творческий фестиваль «Визит к Музам»

Пятый Международный фестиваль в Греции «Визит к Музам», организованный Международным литературным журналом «9 Муз», прошёл в Афинах и на Тиносе с 22 по 29 сентября 2017 года. В нём приняли участие известные писатели, поэты, переводчики, публицисты, философы, историки, музыканты и художники. В рамках фестиваля состоялось два творческих Международного творческого конкурса: «Гомер» и «им. Нодара Джина». Председателем жюри конкурсов был знаменитый историк-маринист Николай Черкашин.

По итогам Международного творческого конкурса «Гомер» специальной премией президента фестиваля Ирины Цотадзе-Анастасиади были награждены создатели документальной ленты «В отражении вечности». Это руководитель тбилисской общественной организации «Агора-Джорджия», режиссёр и автор сценария фильма Виктория

Максоева (Грузия) и автор идеи фильма, оператор-постановщик Гарик Абемян (Армения).

На награждении участников фестиваля в Институте греческих мельниц Министерства культуры Греции присутствовали: заведующая отделом международных отношений Министерства иностранных дел Греции Константина Биба и представители Министерства Иностранных Дел Греции и представители президента Греции. Высоким гостям и участникам фестиваля был представлен фильм, повествующий среди всего прочего о греках региона Лори.

На Международном творческом конкурсе «Гомер» в номинациях «проза», «поэзия», «научные работы» были награждены писатели, поэты, философы из США, Канады, России, Украины, Кыргызстана, Греции, Армении, Германии.

Председатель жюри Международного творческого конкурса историк-маринист, писатель Николай Черкашин подчеркнул,



что главным героем документальной ленты «В отражении вечности» лично для него является любовь. Любовь к отечеству сквозит в каждом кадре, в каждом плане картины. Этот фильм – признание в любви к месту на Земле. О том месте, о котором повествуют авторы Гарик Абемян и Виктория Максоева. Признание в любви к замечательным людям. И трепетная любовь к истории древних монастырей. Николай Черкашин считает, что фильм даёт возможность тем людям, которые не были в Армении, увидеть исторические тропы, восхититься прекрасными памятниками армянской культуры, полюбить эту страну. *«Авторы сумели блестяще передать свою трепетную любовь к региону Лори. Этот фильм – на самом деле – отражение в вечности. Ибо вечность отражается в нашей памяти. А фильм будит эту*

память, заставляет её работать», – сказал председатель жюри. Он отметил также великолепную операторскую работу и прекрасный монтаж. *«Это большая творческая удача авторов. И хочется пожелать им прекрасных идей, которые воплотятся в новых фильмах»* – сказал в заключение писатель, считающийся в России наследником Валентина Пикюля.

«Качественный фильм с прекрасным музыкальным оформлением, – отметила лауреат конкурса «Гомер» в номинации «научная работа» профессор Кыргызско-Российского Славянского университета Милана Лазариди, – Великолепно смотрится рассказчица фильма Виктория Максоева, интересно рассказывающая об истории и культуре региона. Хочу пожелать большого будущего создателям ленты «В отражении вечности».

Документальная лента «В отражении вечности» в Греции была представлена руководителем «Агора-Джорджия» Викторией Максоевой, которая на презентации выразила особую благодарность за поддержку Эдуарду Агаяну и Инне Адамашвили (США), без которых фильм никогда не был бы снят. Она поблагодарила также ААЦ г. Албани (Нью Йорк), губернатора Лори Артура Налбандяна, мэров г. Алаверди и Ахталы Карена Паремузяна и Айка Хачикяна, «Бейз металс», «Омне-тур» и «Асланидис-тур».

Авторов фильма поздравила с успехом президент фестиваля в Греции «Визит к Музам» Ирина Цотадзе-Анастасиади, по инициативе которой вот уже 20 год проходит творческий фестиваль в Греции и награждаются люди, внесшие вклад в культуру и ис-

кусство.

Корни Международного творческого фестиваля уходят в то время, когда супруг Ирины Анастасиос Анастасиадис, генеральный секретарь Союза Греческих Музыкантов, вместе с мэрией Неа Филадельфии, организовывал в течении многих лет Музыкальный фестиваль духовых оркестров. Сначала в рамках уже своего фестиваля супруги приглашали коллективы из бывшего Советского Союза. И только пять лет назад Ирина решила обогатить фестиваль. Так в 2012 году на Тиносе прошёл первый Международный Форум писателей. Ирина Цотадзе-Анастасиади является основателем Международного литературного журнала «9 муз». Журнал выходит как в электронном формате, так и в бумажной версии. «9 Муз» отметил в этом году свой пятый юбилей. Число авторов журнала в этом году перевалило за четыре сотни. И разбросаны они по всей планете.

В прошлом году Ирина и Анастасиос Анастасиадисы при поддержке мэрии острова Тинос организовали в рамках своего творческого фестиваля первый Международный симпозиум скульпторов. Как известно, история Тиноса издревле связана со скульптурой. И история эта ведёт корнями в доклассические времена. *«Тинос – моя творческая родина, – призналась Ирина Анастасиади, – и мне хочется сделать для него всё, что я в силах создать. Ну а Международный симпозиум скульпторов всегда был моей давней мечтой. Вот только осуществить эту мечту мне удалось, когда 3 года назад я познакомилась с скульптором Янисом Струпулисом из Риги, который и возглавил симпозиум. Дело было не из лёгких.*

Ведь для рабочего симпозиума скульпторов требуются тонны мрамора. К счастью помог мэр Тиноса Симос Орфанос. Все произведения, сделанные скульпторами в ходе симпозиума были переданы в подарок острову. Особенно хочется отметить работу «Тучи над Тиносом» известного скульптора-монументалиста Алгирдаса Босаса.

Тогда же была учреждена премия Гомера. Она вручается за особые заслуги в культуре. *«Гомер – это начало начал. Он Альфа и Омега цивилизации, – говорит президент фестиваля в Греции Ирина Анастасиади, – а премия, носящая его имя, должна не только делать счастливыми людей творчества, получившими её, но и должны внушать им особенно трепетное отношение к культуре».*

Добавим, что Грузия в прошлом году была представлена на Международном форуме писателей научной работой бывшего министра культуры Грузии профессора. Византинологии Валерия Асатиани.

Армения в этом году впервые была представлена фильмом «В отражении вечности». Лента объединяет историю армянского, грузинского, русского и греческого народов. Присутствовавший на награждении лауреатов президент Греко-евразийского союза Ксенофонт Лампракис выразил свою готовность обеспечить фильм субтитрами на греческом языке для дальнейшего его продвижения в Греции.

22 ноября презентация документальной ленты «В отражении вечности» состоится в Нью-Йорке.

Лолита ОГАНЕСЯН



ГРЕЦИЯ на карте РУССКОГО МИРА ИНФОРМАЦИОННО – СПРАВОЧНЫЙ ПОРТАЛ

Международный форум писателей в Афинах

Международный литературный журнал «9 Муз» приглашает на торжественную церемонию открытия Международного форума писателей, который проходит в рамках Международного творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам». Тема фестиваля этого года: «Влияние греческой мысли на культуру и искусство». Церемония пройдет 23 сентября 2017 г. в 19.00 в здании Института Греческих Мельниц по адресу: Афины, Фисио, ул. Аг. Асоматон 45 (Οδός Αγίων Ασωμάτων 45, Θησείο, Ινστιτούτο των Ελληνικών Μύλων).



Вот уже пятый год в рамках Международного Творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам» проходит Международный форум писателей. И полной неожиданностью для организаторов фестиваля стала популярность Международного творческого конкурса «Гомер», впервые объявленного нами в прошлом году. Надо отметить, что в этом году на конкурс



подали свои работы чрезвычайно интересные авторы. Впрочем, вы и сами имеете возможность ознакомиться с их работами в нашем ежегоднике.

В этом году жюри под председательством Николая Черкашина решило порадовать нас ещё одним конкурсом: имени Нодара Джина. Мне особенно приятно это решение жюри, ибо во-первых, Нодар Джин был моим соотечественником, так как родился в Тбилиси. Ну а во-вторых, личность Нодара Джина весьма неординарна. Впрочем, я остановлюсь на его биографии чуть позже.

В этом году нашему журналу «9 Муз» исполняется пять лет. Поэтому хочется сказать несколько слов о моём детище. Мне всегда казалось важным иметь на Земле место, где бы писатели смогли быть услышанными. Немаловажно также и интеллигентному читателю не только знакомиться с интересными произведениями, но и задать важные для себя вопросы, а также услышать на них ответы.

Писателей всегда мучили вопросы: Что будет с нашей культурой? Куда идёт человечество? Что мы сделали для будущего? Было бы глупо предполагать, будто культура существует лишь для того, чтобы мы водили вокруг неё хороводы. Каждый из нас владеет частицей Культуры: и тот, кто говорит «да», и тот, кто гово-

рит «нет». Но в людях больше истины, чем в словах. И об этом следует помнить.

Талантливые люди часто жалуются на то, что их не замечают, что им не дают право голоса. И вот однажды, я решила, что не стоит полагаться на людей с иными стремлениями, с иными духовными ценностями и иным представлением о том, какой полагается быть культуре. И никогда не могла согласиться с теми коллегами, которые утверждали, что «Люди жаждут пошлости. Потому мы им эту пошлость и даём». Для меня это неверный путь. Вовсе не мы должны идти на поводу у публики. Культура создаётся не снизу, а сверху.

Признаюсь, у меня странная мечта – собирать по всему свету таланты. Когда-то в Древней Греции мыслящие люди собирались на священном холме под Парфеноном, на площади, которая называется Агора, спорили, произносили пламенные речи...

Что ж! Судьбе было угодно, чтобы я, родившись и окончив школу и университет в Грузии, большую часть взрослой жизни прожила в Греции. И к любви к грузинской и русской литературе добавилась трепетная любовь к истории и культуре Греции. Греции, где великие Боги вершили судьбами людей, а Музы питали таланты.

Меж тем наши «9 Муз» предостав-

ляют свои страницы любым новым идеям и дарят надежду на признание. Филологи и физики, прозаики и поэты, философы и публицисты делятся здесь своими мыслями и чувствами и своими надеждами. Думаю, что самое важное для творца – это иметь возможность свободно высказаться и быть услышанным...

Меня часто спрашивают, почему мы дали нашему журналу такое имя. Ну, наверное, потому, что Музы изначально способствовали проявлению таланта, обладали удивительным даром приобщать души людей к великим тайнам Вселенной и давали возможность воплотить эти знания в литературных произведениях. Однако, покровительствуя талантливым людям, Музы не тер-

пели тщеславия и обмана и жестоко за них наказывали.

Существует миф о том, что девять дочерей Македонского царя Пиэра, обладавшие прекрасным голосом, однажды решили вызвать Муз на состязание. Это состязание выиграла Каллиопа, Муза эпической поэзии. Пиэриды отказались признавать своё поражение и пытались устроить потасовку. За это их настигла кара, и они были превращены в сорók. Вместо чудесного пения, они теперь резкими криками сообщают миру о своей судьбе.

Так что, рассчитывать на помощь Муз и Божественного провидения можно только в том случае, если твои помыслы чисты, а устремления бескорыстны. Так и пришло это назва-

ние – «9 Муз».

Каждому из людей дано от Бога нечто такое, чего у других не имеется. Талант. Но одного таланта мало. Его нужно развивать. Делиться им. Неудивительно, что в «9 Музах» нас собрал дух предводителя Муз – Аполлона. Он и его Музы подпитывает наше творчество, придаёт сил. А всеобщее взаимное уважение, царящее на страничках нашего издания, думаю, не только приятно, но и благотворно. У нас не принято спорить, ругаться и ссориться.

Ирина АНАСТАСИАДИ,
Президент Международного
Творческого Фестиваля в Греции
Главный редактор журнала «9
Муз»



Армяно-грузинская лента получила высшую награду в Греции

Армяно-грузинский документальный фильм «В отражении вечности», повествующий об одном из самых колоритных регионов Армении – Лори, стал обладателем главного приза международной премии «Гомер» в Греции.

ЕРЕВАН, 29 сен – Sputnik, Лаура Саркисян. Туристический фильм «В отражении вечности» о древнем регионе Армении – Лори, стал обладателем премии «Гомер» в рамках международного творческого фестиваля в греческом Тиносе «Визит к Музам».

«Президент греко-евразийского альянса Ксенофонт Лампракис выразил готовность обеспечить фильм субтитрами на греческом языке для популяризации фильма и презентации на следующих фестивалях в стране», – сказала в беседе с корреспондентом Sputnik Армения глава организации «Агора-Джорджия», автор сценария, режиссер, продюсер фильма Виктория Максоева.

По ее словам, фильм получил высокую оценку председателя

жюри Николая Черкашина из России. Картина была признана лучшей среди работ из России, Украины, США, Канады, Кыргызстана, Германии.

Мировая премьера фильма «В отражении вечности» состоялась 17 июля. В фильме представлена малая родина известного армянского писателя Ованнеса Туманяна. Это и Ахпат, где Параджанов снимал «Цвет граната», и церковь Санаин, и музей Микояна, и храм в Ахтале.

Соавтором фильма выступил оператор, постановщик фильма Гарик Абемян. Лента была снята при поддержке Армянской апостольской церкви Олбани (Нью-Йорк), губернатора Лорийской области, мэра Алаверди и ряда других.

Одной из сюжетных линий фильма стала поэма Туманяна «Ануш». Героев поэмы – Саро и Ануш – воплотили тбилисская армянка Лолита Оганесян и уроженец Лори – Саркис Алексанян.



национальный проект сбережения
русской литературы

Поэтоград № 11 (268), 2017

ИРИНА АНАСТАСИАДИ: «9 МУЗ ДАРЯТ НАДЕЖДУ НА ЧУДО»

Ирина Анастасиади (Ирина Константиновна Цотадзе) – писатель, переводчик, публицист, основатель и Президент Международного творческого фестиваля на Тиносе <https://artfestivalintinos.wordpress.com> Учредитель и организатор Международного форума писателей и международного симпозиума скульпторов <https://writercongress.wordpress.com> Автор проекта «Международный конкурс Гомера» и главный редактор литературного журнала «9 Муз» <http://9musesjournal.wordpress.com> Член Интернациональной Гильдии Писателей. Лауреат Международного Конкурса «Национальная Литературная Премия Золотое Перо Руси». Лауреат премии Бриллиантовый Дюк Международного конкурса имени де Ришелье, Международной премии «Литературный Олимп» и пр. Награждена медалями «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», «За верное служение художественному слову».



Как сказал классик, «в Греции есть все», включая великую историю и литературу. Причем, как выясняется, литература здесь присутствует не только греческая, что естественно, но и русская. Ведь именно в Греции располагается редакция известного международного литературного журнала «9 Муз». В Греции, на острове Тинос, уже многие годы в рамках международного творческого фестиваля, ежегодно проводится международный форум писателей. Здесь писатели из разных стран, пишущие на русском языке, имеют возможность не только насладиться волшебной атмосферой легендарного острова, но и пообщаться друг с другом. Почитать свое и послушать чужое. Зарядиться эмоциями для создания новых творений... Все это (и журнал, и форум, и фестиваль, и конкурс Гомера) задумала и воплотила в жизнь писатель и литературовед Ирина Анастасиади, которая с детства была уверена, что литературой и искусством, в компании девяти творческих Муз, дочерей Зевса и Мнемозины, будет заниматься всю жизнь именно здесь, в Греции...

«9 МУЗ» – ЭТО Я...

– Есть такое утверждение: «Карьера художника всегда начинается завтра». Но каждому «завтра» предшествует «вчера». Каким оно было у Вас? С чего начиналось Ваше творчество?

– Это, наверное, будет звучать странно, но я всегда знала, что рождена для того, чтобы писать. Мне было лет десять, когда я впервые заявила об этом во всеуслышание учительнице математики. Помню, как она была шокирована моей приверженностью филологии и отказом тратить свое время на точные науки. Собственно, я и в дальнейшем никогда не меняла своей точки зрения...

Если же речь идет о профессиональной карьере, то ее началом было

появление первой моей книги «Рог нимфы Адрастеи», которая была издана в Тбилиси издательством Мелани в 2000-м году. Не знаю, стоит ли относить сюда работу в газетах «Вечерний Тбилиси» и «Молодежь Грузии»... Для меня это было своеобразной школой Здравого смысла. Потому как моей наивности в ту пору не было предела.

– Вы – прозаик, общественный деятель, редактор литературного сайта и журнала «9 Муз», организатор Международного творческого фестиваля на Тиносе, автор проекта Международного конкурса Гомера. Деятельность Ваша широка и разнообразна. Как удается все совмещать? И при этом оставаться пишущим литератором.



– Трудные вопросы... Но мне нравится такой подход – объединять все в единое целое. Думаю, он точно отображает жизненную позицию любого творческого человека. Долгие годы я шла к своей мечте о своем журнале, о возмож-

ности проводить литературный форум... Для меня это так же важно, как писать. Мне нравится кроить действительность.

– «Быть знаменитым некрасиво. Не это подымает ввысь. Не надо заводить архива, над рукописями трепаться»...

– Да-да, гениальный Пастернак точно сформулировал: «Цель творчества самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех»...



Тем не менее, скромность человека талантливого – это еще один миф. Творец не может быть скромным. Он или заявляет о себе и своих взглядах, или скромно молчит, соглашаясь с чужими воззрениями. Я же могу со всей ответственностью сказать: «9 Муз» – это я. Это то, как я мыслю. Это то, чем живу. Это то, о чем мечтаю. Талантливые люди часто жалуются, что их не замечают, что им не дают право голоса. И вот однажды я решила, что им нужно помочь. Дать возможность высказаться. Очень благодарна моему супругу Тасосу Анастасиадису. Его вера и содействие помогли сделать невероятное – перекрыть действительность. Плюс, конечно, пространственная мощь интернета, способного объединить людей от Северного полюса до Африки. На сегодня журналу удалось собрать около трехсот авторов, которые «сделаны из того же теста», что и я.

У меня, возможно, странная мечта – собирать по всему миру таланты. Когда-то в Древней Греции мыслящие люди собирались на священном холме, под Парфеноном, на площади, которая называется Аго-

ра, спорили, произносили пламенные речи... Что ж! Богиням Судьбы было угодно, чтобы я, родившись и окончив школу и университет в Грузии, большую часть взрослой жизни прожила в Греции. И к любви к грузинской и русской культурам добавилась трепетная любовь к истории и культуре Греции, где великие Боги вершили судьбы людей и в которой Музы поддерживали и питали таланты. Ну а наши «Музы» предоставляют свои страницы любым новым идеям. Дарят надежду на чудо. Стоят за мир и благоденствие. Мир, в котором будут звучать стихи и молчать орудия. Филологи и физики, прозаики и поэты, философы и публицисты говорят здесь о своих мыслях и чувствах, о своих надеждах. Думаю, что самое важное для творца – это иметь возможность свободно высказаться и быть услышанным...

– Откуда пришло такое название журнала?

– Именно Музы обладали удивительным даром приобщать души людей к великим тайнам Вселенной. И помогали воплотить это Знание в стихах, музыке, научных открытиях. Кстати, покровительствуя творческим людям, Музы не терпели тщеславия и обмана и жестоко за них наказывали (и тут Пастернак прав!). Есть такой миф: девять дочерей Македонского царя Пизра, обладавшие прекрасным голосом, однажды решили вызвать Муз на состязание. Его выиграла Каллиопа, Муза эпической поэзии. Пизриды отказались признать свое поражение и пытались устроить потасовку. За это их настигла кара, и они были превращены в сорок. И теперь резкими криками сообщают миру о своей судьбе. Так что, рассчитывая на помощь Муз и божественного провидения можно только в том случае, если помыслы твои чисты, а устремления бескорыстны. Так и

пришло это название – «9 Муз».

– Какие приоритеты для себя считаете наиболее важными? Что помогает все успевать? Что подпитывает вдохновение?

– Каждому из нас дано от Бога нечто такое, чего нет у других. Талант. Но талант сам по себе ничего особенного не значит. Его нужно развивать. Работать. Думать. Создавать нечто свое. Мне как-то на ум пришло провозгласить девиз: «Интеллигенты всех стран, объединяйтесь!». Дух Аполлона собрал нас в «9 Музах». Он подпитывает творчество. Придает сил. А всеобщее взаимное уважение, царящее на страничках нашего издания, думаю, не только приятно, но и благотворно для всех авторов. У нас не принято спорить, ругаться и ссориться. Это основополагающий принцип журнала. Зато можно дополнять напечатанные материалы, высказывать свою точку зрения и делать открытия. Факт остается фактом, «9 Муз» любят и читают.

Причем, для литературного журнала (или альманаха), мы достаточно успешны. У нас весьма высокий рейтинг, о чем мне ежедневно сообщают электронные базы данных. Нас перепечатывают в других изданиях, нами интересуются. Это важно. Все это тоже подпитывает вдохновение. Как я и мечтала, «9 Муз» стали платформой новых мыслей и образов. Хотя, признаюсь, что зачастую устаю так, что потом месяцы не могу писать. Наверное, это неизбежные издержки общественной деятельности.



И ПЛЮС МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ...

– «Остров Хиос, остров Самос, остров Родос, – я немало поски-тался по волнам. Отчего же я испытываю робость, прикасаясь к вашим древним именам?» Этими словами Александра Городницкого, наверное, можно сказать и об острове Тинос, на котором уже много лет Вы проводите Творческий фестиваль. Расскажите о фестивале подробнее...

– С 1997-го года на Тиносе ежегодно проходит Международный Творческий фестиваль «Визит к Музам», организованный журналом «9 Муз», под эгидой муниципалитета Тиноса. В 2016-м году был впервые проведен Международный творческий конкурс Гомера. Более пяти тысяч человек прислали на конкурс свои работы. Более полугодя напряженно работало жюри под председательством академика Марселя Салимова. Лауреаты и дипломанты конкурса приехали на Тинос, чтобы получить свои награды и принять участие в Международном писательском форуме. Здесь докладчиками были известные литераторы, философы, культурологи, социологи и историки.

Мне всегда казалось важным иметь на Земле место, где писатели могли бы свободно общаться, задавать вопросы и искать на них ответы. Что будет с нашей культурой? Куда идет человечество? Что мы сделали для будущего? Было бы глупо предполагать, будто культура существует для того лишь, чтобы мы водили вокруг нее хороводы. Каждый из нас владеет частицей Знания: и тот, кто говорит «да», и тот, кто говорит «нет». Но в людях больше истины, чем в словах.

Интересное предложение на недавно прошедшем писатель-

ском форуме было сделано академиком Марселем Салимовым – создать Международную Академию культуры «9 Муз», которая будет заниматься продвижением оригинальных творческих проектов. Мы эту идею поддержали, теперь вот работаем над ее воплощением. Не менее значимым было проведение первого международного симпозиума скульпторов. Его возглавил Янис Струпулис, академик Академии науки и искусства Латвии. В этом году с ним бок о бок работали выдающиеся скульпторы: Алгирдас Босас (Литва), Станислав Нечволодов (Эстония) и Поль Хьюбрехт (Бельгия). Причем, все они оставили свои скульптуры в дар Тиносу. Идея симпозиума скульпторов манила нас давно. Дело в том, что Тинос с античных времен занимает в истории Греции особое место. Более трех тысяч лет он является не только Священным островом, местом очищения и просвещения, но и родиной почти всех гениальных художников и скульпторов Греции. Здесь все способствует творчеству и его развитию, все связано с чудом: начиная с соседства Тиноса с источником сильнейшей энергии – Делосом, и кончая непосредственным местом исцеления страждущих – Храмом Пресвятой Девы Евангелистрии, который стал местом паломничества еще с 1823 года, когда здесь была найдена чудодейственная икона Пресвятой Девы Евангелистрии...

Наверное, завершить эту часть беседы можно еще одной цитатой из песни Городницкого:

«Что нам Азия, что тесная Европа – мало проку в коммунальных теремах... И плывем мы, беззаботны, как герои, не жале-



ющие в жизни ничего, – мимо Сциллы и Харибды, мимо Трои, – мимо детства моего и твоего».

– Расскажите о сотрудничестве фестиваля с уже ставшим очень известным и популярным конкурсом «Золотое перо Руси».

– С учредителем международного конкурса и литературной премии «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ» Александром Бухаровым и Светланой Савицкой мы сотрудничаем уже много лет. А в 2016-м году они приехали на открытие фестиваля и вручили свои призы мэру Тиноса Симосу Орфаносу, Митрополиту Сиросу и Тиноса Дорофею Второму, бывшему министру культуры Грузии профессору Валерию Асатиани, академику Марселю Салимову, редактору журнала «9 Муз» Людмиле Черкашиной, генеральному секретарю фестиваля Ольге Цотадзе и другим. Я лично являюсь большим поклонником таланта Светланы Савицкой. Ее философские былины стали основанием для учреждения особой конкурсной номинации – «Быль».

ОТВРАТИТЕЛЬНЫ ЗЛОРАДСТВО, НЕНАВИСТЬ, ПОДЛОСТЬ...

– «Земля превращается в пыль, пыль уносится ветром, а ветер времени уносит людей. И только искусство остается вечно». С этим не спорили в Древней Греции, не спорят и сейчас. Какие книги не потеряли для Вас актуальности? Что читаете сейчас? Какие книги, журналы привлекли внимание? Какие фильмы?

– Есть книги, которые для меня являются вечным откровением. Среди них: «Эмигранты» Алексея Тостого, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Ревизор» Николая Гоголя, «Загадка Прометея» Лайоша Мештерхази, «Проклятые короли» Мориса Дрюона. И совершенно особые отношения меня связывают с древними классиками: с Гомером, Эврипидом, Эсхиллом. С удивлением узнаю массу нового из «Махабхараты». И Библию не устаю читать и находить для себя много нового. Конечно, прочитываю все, что публикуется в нашем журнале, а это достаточно большой объем текстов. Стараюсь быть в курсе литературных новостей. Читаю по возможности то, о чем говорят и спорят. Из того, что привлекло внимание в последнее время, отмечу книги Леонида Юзефовича, Евгения Степанова, Сергея Чуприна, Юрия Буйды, Алексея Слаповского... Смотрю много документальных фильмов. Предпочитаю исторические, философские. Больше всего привлекает в последнее время новое о законах Мироздания. В фильмах, как и в книгах, больше всего ценю талант.

– Почему человечество не прислушивается к добрым советам, не вчитывается в мудрые книги, не следует христианской морали, в конце концов? Ведь Слово, которое было в начале, учило добру и милосердию. Где оно?

– Знаем ли мы о том, учило ли Слово любви изначально? Или

только пытались подчинять людей некоторым канонам: «Не убий!» «Не прелюбодействуй!». Хотя в Ветхом Завете мы не слышим даже этого: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь, ибо в день, в который ты вкусишь от него, умрешь». Думаю, что не все люди были созданы, дабы хранить Добро. И происходящие события в мире подтверждают это. Люди говорят друг с другом на разных языках, однако вещи, о которых они говорят, от этого не меняются.

Почему люди не прислушиваются к десяти заповедям? Могу ответить вопросом, таящим в себе ответ: «Зачем Богу вообще нужно было устанавливать заповеди?» Помните, как говорил Булгаков: «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?» У меня, как Вы сами видите, больше вопросов, чем ответов. Но иногда вопросы даже важнее ответов.

Тем не менее, подчеркну еще раз – мне отвратительны зло, ненависть, подлость. К сожалению, именно это царит в социальных сетях, в телепередачах, в газетах. Откуда столько злости в людях, мне трудно понять. Конечно, можно мечтать о всеобщей любви и благоденствии. Но я – не фантазер. Я – прагматик. Мир создан таким, каким мы его видим. А наша цель – сказать свое слово тем, кому дано нас понять.. Нужно воспитывать в людях чувство сопереживания, сострадания, милосердия. Надеюсь, что наш фестиваль этому содействуют.

– Как известно, мечты – это планы в уме, а планы – мечты на бумаге. Что нового в Ваших планах и мечтах?

– Планы у меня все те же: про-

должать работу творческого фестиваля. Только все время думаю, что мало просто проводить симпозиумы и форумы. Надо делать что-то еще более значимое. Есть идея – объединить силы разных авторов и организаций в одном научном проекте. Вот сейчас размышляю над тем, как это воплотить в жизнь. Ведь между идеей и ее воплощением – бездна. Причем, не только мысленная, но и материальная, финансовая. Мы все время вынуждены отказываться от интересных предложений, потому что средств хватает лишь на немного. Мечта – реально внести свою лепту в культуры России и Греции. Ищем поддержку.

Пользуясь случаем, хотела бы поблагодарить писательницу Людмилу Черкашину за помощь в издательстве журнала «9 Муз». Она – не только редактор, она – душа журнала. А скольких талантливых людей она привела на его страницы! Она отдает всю свою энергию и талант на благо журнала. Хотела бы также выразить благодарность редколлегии альманаха «Свой вариант», других уважаемых изданий за сотрудничество и дружбу с проектом «9 Муз».

«Плюс или минус – память сквозь знаки, сквозь зодиаки, драки и враки ищет ответы, не может найти. В небе далеком вдруг ненароком эхо пророка ветром с востока явится, Слово сжимая в горсти...» Слово было, есть и будет. Слово писателей, которое обитает в книгах и звучит на фестивалях. Их сегодня много. И среди них – чистый голос фестиваля на острове Тинос. Этот голос напоминает о вечных ценностях. И пока звучат Музы, надежда на Чудо не умирает.

Беседу вел
Владимир СПЕКТОР



Наталья Чиркова

Родилась в Ульяновске. Жила в Москве, Бад Наугейме (Германия), Чарльстоне (США). Теперь живёт с семьей в Дублине (Ирландия).

Рицамба

Херберту и Вальдраут К.

– Герхард, будь добр, садись за стол. И не топай, пожалуйста, так. Аккуратней, аккуратней... Обходи вот здесь. Ну, слава Богу, все сели, наконец. Через пять минут начнется, – мать торжественно подошла к круглому обеденному столу и поставила в его геометрический центр семейную реликвию, мейсенскую супницу. Ароматный дух клепок в сочетании с благородным узором на белой поверхности фарфора на пару мгновений разбавили концентрацию внимания Герхарда и его отца, прикованных взглядами и слухом к домашнему божеству – недавно приобретенному радиоприемнику Телефункен. Чудо техники занимало в комнате почетное место, потеснив старые привычные предметы мебели и принуждая ходить мимо чуть ли не на цыпочках. Рядом с радио даже говорили полупешотом, что было уже явно лишним осторожничаньем по отношению к громоздкому агрегату, действительно довольно чувствительному к любого рода колебаниям и толчкам. Телефункен смотрелся первоосновой всего имеющегося в квартире, словно не он недавно вошел в быт семьи, а все остальное нарастало вокруг него. Бордовый плюш, которым его заботливо укрыли сверху от пыли, выглядел как мох на древнем пне. Телефункен прочно укоренился в комнате и в сознании всех членов семьи. А вместе с ним укоренились и сделались естественной составляющей жизни обеды под классическую музыку, оперу или спортивные репортажи. Сегодня к супу с клецками ожидался концерт франкфуртского симфонического оркестра.

Ко ртам уже были поднесены вторая и третья ложки, когда шорохи и щелчки в недрах радио сменились голосом невидимого кумира, диктора регионального вещания. Обычно такой приятный для слуха баритон неожиданно заговорил несвойственным ему ледяным тоном:

– Как только что стало известно, Президент Рейха, генерал-фельдмаршал фон Гинденбург, назначил рейхсканцлером вождя национал-социалистической немецкой рабочей партии, Адольфа Гитлера.

Ложки зависли над тарелками. Некоторое время из радио раздавались только тихие щелчки и потрескивания, напоминающие возню насекомых. Отец поперхнулся и закашлялся. Мать стукнула его раскрытой ладонью по спине, и тут же этот звонкий шлепок перешел в первый удар барабана, раздавшийся из Телефункена. Поддержанный другими инструментами, по комнате загрохотал и заулюлюкал карнавальный марш шутов, вогнав родителей и сына в оцепенение. Ложки так и продолжали висеть над супом.

– Рицамба! Рицамба! – заорали свистки и флейты.

– Какая «рицамба» сейчас? До карнавала еще целых три недели, – подумал Герхард. «Рицамба!» – кричат жители Майнца во время развеселых гуляний в феврале, между поеданием бараньих ребрышек с кислой капустой и поглощением неумеренного количества пива. «Рицамба» – это, когда напившись, наевшись и нацепив страшную маску можно дать волю всей дури, которая скопилась за год – петь, плясать и рифмовать «рицамбу» с чем хочешь. Толпа марширующих болванчиков. Отрезав, в пепельную среду верующие направляются в церковь, и там им рисуют сажей черный крест на лбу – наступает постное время. Хорошо, что у шутовского

времени есть четкое начало и конец, но страшно, когда оно приходит несвоевременно и у креста намечаются загнутые вправо концы.

Так попрощался с эфиром популярный диктор и вся команда регионального радио. Как сложилась судьба этих людей, которых уволили на следующий день, Герхард так никогда и не узнал. В новостях об этом не говорили, а шептаться стало опасно.

В тот памятный день Герхард почувствовал, что происходит нечто необычное, удручающее, но, когда он, двенадцатилетний мальчик, попытался расспросить отца и мать, они испуганно и неловко ушли от разговора.

Любопытство потянуло Герхарда на улицу. Она была безлюдна, что и не удивительно – все-таки конец января – самое промозглое время года. Дома стояли, как и положено стоять домам – по стойке «смирно», только на балконе Шубертов происходило неуместное в чинной обстановке движение – сутилась рыжая такса Леди. Появление Герхарда в поле собачьего зрения так возбудило заскучавшее животное, что по визгу, свисту и гавканью можно было вообразить, что по улице прогуливается кошка.

Балконная дверь за спиной собаки приоткрылась, и высунувшаяся рука бесцеремонно втянула Леди вовнутрь. Одновременно раздалися щелчки открываемых задвижек, и из окон стали вылезать деревки, на которых зловеще, как пауки, разворачивались полотна со свастиками. Руки неразличимых снизу хозяев закрепляли флаги на карнизах и пропадали в недрах домов.

Рицамба! Рицамба!... Книжки, Кохи, старуха Дуршдевальд, Хуслик, Хессы – все они, видимо, давно подготовились к сегодняшнему дню – 30 января 1933 года, от которого пошел для Германии новый отсчет времени.

Несколькими годами позже с Герхардом приключилась странная история, после которой он полмесяца заикался. Выйдя на парадную аллею города во время летнего полуденного зноя, он абсолютно раскис от жары и под прикрытием козырька хозяйственного магазинчика стоял и лениво рассматривал в витрине новую модель швейцарского складного ножа.. Голова Герхарда была занята не столько ножом, сколько девчонками, особенно одной, и настроение юноши подогревала популярная песенка «Привет, малышка», которая раздавалась из раскрытой двери магазина. Вслушиваясь в слова песни, он не сразу заметил в отражении витрины колонну из пяти машин серо-коричневой окраски, эффектно проезжающую по аллее. Когда музыка внезапно прервалась, в голове успела промелькнуть досадная догадка, что иголка соскочила с пластины, но тут из-за ножа возникла испуганная физиономия продавца, который смотрел куда-то через плечо Герхарда. В ту же секунду раздался резкий оклик, моментально выбивший из юношеской головы остатки лирического настроения и развернувший его на сто восемьдесят градусов:

– Молодой человек! Как проехать до гостиницы «Под липами»?

В открытом, по-нездешнему шикарном автомобиле сидел, судя по погонам, генерал-фельдмаршал ВВС. Герхард не только прекрасно разбирался в погонах и шевронах, он помнил также имена многих их обладателей. Узнав орлиный профиль генерала, он подскочил как ошпаренный и, вытянув руки по швам, отрапортовал: «Добрый день, герр Генерал! Вы на неправильном пути! Улица, которая вам нужна, осталась сзади.» Услышав про «неправильный путь», важный военный неприятно улыбнулся, осмотрел Герхарда с головы до ног, и, потеряв интерес, приказал шоферу разворачиваться.

У юного неудачника шумело в голове: «неправильный путь» – что я говорю! Внезапно обожгло другой мыслью – он же забыл вытянуть руку в честь фюрера, и последнее гораздо хуже! Герхард рванул что было духом мимо дрожжеско скачущих от безделья и фыркающих на мух лошадей, через парк наискосок, испугнув с лужайки упитанных уток, и, совершенно мокрый от бешеного бега по жару, успел выскочить на перпендикулярную улицу у развесистых платанов как раз в тот момент, когда мимо проезжала та же генеральская машина. Юноша застыл оловянным солдатиком на краю дороги, вытянув руку вперед, поймал по очереди взгляды сидящих во всех пяти машинах и стоял так на протяжении всего времени, пока гости города выходили у отеля и пока в дверях не исчез последний чемадан.

Когда он, запинаясь на каждом слове, пересказал эпизод отцу, тот болезненно поморщился, но уклонился от комментариев. Grimаса отца сначала вызвала в Герхарде сильно раздражение, но очень скоро накатилась волна стыда, причину которого он не смог бы хорошо сформулировать. Однако промучился с ним всю ночь, а после долго не мог избавиться от привязавшейся икоты и краснел каждый раз при приближении к приснопамятной аллее и гостинице «Под липами».

С тех пор он безошибочно угадывал, на какие темы с отцом не стоило заводить разговоров. Герхард не говорил дома про перемены в стране, про новые законы. Он не делился мучавшими его мыслями о цензуре, распространяющейся на все сферы жизни, в том числе и на карнавальные шутки. Он держал при себе недоумение по поводу запрета на книги любимого Генриха Гейне. Он не беседовал с отцом про расцветающую экономику страны и подобострастный восторг населения в адрес фюрера, благодаря которому Германия вновь обрела потенциал великой державы, утраченный в годы мировой войны... Лишь однажды он захотел услышать от отца оправдание аресту старого еврея с соседней улицы, ветерана мировой войны. Герхарду этот старик всегда казался приветливым и безбидным. Конечно, юноша слышал про массовые аресты, вместе с другими смеялся на карнавалах над поощряемыми правительством антисемитскими шутками, но одно дело макнуть костюмированного под еврея персонажа в гигантскую чернильную в веселой толпе, другое, узнать, что забрали и увезли из дома знакомого старика, которого он помнит с самого раннего детства.

Герхард мгновенно осекся, заговорив про арест старого соседа – таких глаз у отца он еще никогда не видел. В них не было гнева, раздражения, безразличия...

– Как у побитой собаки, – подумал сын.

Герхард рос ни пацифистом, ни коммунистом, ни фашистом, но нацистская пропаганда проработала его юношеские мозги достаточно, чтобы бояться задумываться на тему выбора между этими «истами». Вся страна резонировала в едином порыве доморощенной гордости и раздувания достоинств чистой немецкой породы. Великий Гитлер вернул среднему обывателю чувство собственного достоинства, растоптанное мировой войной и последующими годами беспомощной конвульсивной экономики... Герхард Бауер к своему удивлению оказался немцем с большой буквы, арийцем самого высокого класса. Ему повезло оказаться в опасное время таким, как прописывали негласные законы немецкой толпы и официальный арийский параграф. Светловолосый, красивый, высокий, он имел заметный успех у девушек, а толстые пожилые продавщицы в булочных расплывались перед ним в слащавых улыбках и старались подсушить бесплатно лишнюю булочку или ватрушку.

Он вспоминал эти булочки и ватрушки, сидя потом в окопах вблизи русских городов с плохо произносимыми названиями. Как больно было осознавать, что в родном городе разбомблено несколько домов, что булочной «Маю» больше не существует, а его невеста живет в бункере. Из арийца, полного надуманных достоинств, он превратился в грязного долговязого фрика, ненавидимого той частью человечества, которую посмел потревожить.

Почему он должен стрелять в русских? Что они ему сделали? В чем смысл этой безумной войны, которая разорила страну и унесла столько жизней, в том числе жизнь его отца, мобилизованного на фронт почти одновременно с сыном? Во время войны, когда в большинстве солдат, отупевших от грязи и приказов, умирали всякие признаки человечности, в Герхарде ясно запульсировал тот «ист», который по достоинству оценил мудрость отца, уходившего ранее от ранних ответов, но очевидно на каком-то бессловесном уровне сумевшем воспитать в сыне пацифиста.

И все-таки он стрелял. Герхард стрелял в пространство, но иногда попадал в людей. Люди назывались солдатами и, надеясь, что Бога нет, но в глубине души опасаясь, что есть, он, стараясь не думать об этом, спихивал вину на войну и не считал каждое попадание убийством, избегая даже намекнуть себе про «греховность» происходящего.

Однажды он убил девушку, которую угрозидило во время боя метаться от дома к дому в деревне под названием то ли Лаишевка, то ли Ишевка, то ли Шукаловка – Герхарду запомнился только шипящий звук на языке. Шло жесточайшее сражение, палили с двух сторон без передышки по всем движущимся объектам, но Герхард точно знал, что именно он попал в несчастную. Когда бой закончился отступлением русских, он подбежал к убитой в надежде, что ошибся, что там между домами промелькнул и упал солдат, но на холодной осенней земле лежала, раскинув руки, мертвая девушка с запоминающимися чертами лица. На мгновение, ему почудилось, что он провалился на дно зрачков потухших, но все еще синих глаз, и перед ним пронеслись мгновения незнакомой непонятной жизни, которую так жестоко пересекла линия его судьбы. Он не смог бы оформить в слова и фразы, чем именно запомнилось умершее лицо, или какие мысли промелькнули у него в голове, но с тех пор Герхард стал одержим ненавистью

к самому себе. Девушка слилась в извилинах мозга с шипящей согласной в названии поселка, и воспоминание засело в сердце острой иглой. Удручающее алиби – война, сделало его вечным подсудимым самого неумолимого обвинителя – собственной совести. Если бы он верил в Бога, он каялся бы и днем и ночью, но такого пути к спасению он не знал, и единственное, что ему оставалось – довести себя до полного сумасшествия – удалось, по крайней мере, на время отложить, потому что Герхард попал в плен.

Те немецкие солдаты, которые оказались с ним вместе, тряслись от страха, предвидя жестокие расправы над ними русскими военными и населением за содеянное. В Герхарде же заморозились всякие переживания, и только шевелилось тайное злорадство по отношению к самому себе. Он думал, что приближается триумф справедливости, и он будет казнен и избавлен тем самым от бесконечного самобичевания. Его надежды не оправдались. Военнопленных не мучили специально, не морили голодом, не избивали. Один раз разъяренная женщина подбежала к колонне немцев и плюнула в них, но тут же разрыдалась, и подруги увели ее, приобняв. Герхард не мог насладиться даже ненавидящими взглядами, а между тем он видел на каждом шагу, как чудовищно разорительно прошла война по этой странной коммунистической стране. Их кормили очень плохо, но все-таки кормили, несмотря на то, что в городах и селах царил голод. Мало того, население было не просто снисходительно к пленным – их часто жалели и приносили дополнительно картошки и хлеба из своих скудных сбережений.

Герхард строил дома в небольшом поволжском городе. Когда настала зима, немцы перестали радоваться, что их не послали в Сибирь. Им приходилось расчищать небывалые снежные заносы, да еще и на сильнейшем ветру. От холода, обморожений и недоедания пленники совершенно отупели и почти перестали разговаривать друг с другом. Зиму пережили не все, но к весне вместе с оттепелью стало чуть веселее. Одичавший и изможденный Герхард почувствовал в себе некоторое пробуждение жизни. Он думал, что для жителей города приход дружной весны с ручьями, порозовевшими деревьями и влажным ультрамариновым небом на смену ледяным узорам зимы, равносильен поцелую принцем спящей красавицы в старой-старой сказке. Заколдованный на несколько месяцев суровой снежной королевой город очнулся от тяжелого сна и оказался нарядным, приветливым и полным надежды на хорошее будущее.

Прошло еще несколько тяжелейших лет и зим, прежде чем к русским словам «работать», «есть», «суп», «снег» прибавилось сладостное и призрачное «скоро домой».

Всю следующую весну, лето и осень немцы строили дома. Герхард пытался представить себе людей, которые будут жить в этих комнатах, готовить обеды в этих кухнях. Ни один человек не узнает, что это его, Герхарда, заскоружные руки укладывали кирпичную стену, устанавливали отопительные батареи, вставляли окна. Может быть, он не доживет до освобождения и будет закопан где-нибудь в мерзлой земле и никогда больше не встретит свою невесту Керстин. Ему вдруг страшно захотелось ее увидеть, он представил как ей тяжело в побежденной разбомбленной стране, захотелось помочь, захотелось укладывать кирпичи в своем жилище. Стало жалко себя, Керстин, Германию, с новой силой всплыло воспоминание об убитой девушке, и он заплакал – опустил на корточки, прислонился к стене и, загорюничав ладонями лицо, затрясся. Через некоторое время кто-то потрепал его за плечо. Герхард поднял лицо. Над ним стоял хромой охранник Семен: – Ничего, фашист, скоро домой, – ободряюще сказал он и отошел к другим работникам.

Ночью Герхард написал на клочке бумаги: «Mein Name ist Gerhard Bauer. Ich habe dieses Haus gebaut. Ich bin kein Nazi. Ich bin ein Mensch. Ich hasse Krieg».* Места на листочке больше не осталось, да ничего больше писать и не хотелось. Утром он заснул скрученную трубкой записку между кирпичами ближе к внешней стороне дома за батареей. Он сам считал свой поступок ребячеством, и не понимал, зачем он это сделал, но, сделав, ощутил облегчение. Делиться своими проявлениями Герхард ни с кем он не стал. Он слыл среди других пленных человеком замкнутым и совершенно «не в себе», что в ту пору и в той среде не было редкостью.

Пережив еще одну зиму и весну, Герхард вернулся в родной город, где его ждали мать и невеста. Керстин приняла его таким, каким он стал, без особого недоумения, потому что сама изменилась до неузнаваемости. Ее родители погибли при бомбежке, а ей, чудом спасшейся, пришлось некоторое время жить в бункере, пока мать Герхарда не приоткрыла ее в уцелевшей квартире. Переродившись в других людей, а, может быть, наоборот, вернувшись к изначальному естеству, Герхард и Керстин остались половинками единого целого и, более того, нашли друг в друге любовь и утешение, которые не мог бы привнести в этот союз никто со стороны.

Щадя постаревшую и сильно сдавшую мать, Герхард делился пережитым лишь с Керстин. Она же рассказывала ему о жизни в тылу – о том, как дежурили на крышах, сбрасывая зажигательные снаряды, о том, как в конце войны вышло постановление принести в пункт приема все вещательные приборы, чтобы население не могло слушать на коротких волнах английские передачи. Керстин поведала о том, как она помогла матери Герхарда отнестись в последний приют тяжелый Телефонкен вместе с пыльным бордовым плوشем, и как дежуривший в пункте приема радиотехники молодой солдат грубо крикнул им вслед: «Мамаша, а вашу тряпку заберите! Нам здесь мусора не надо!», и как мать плакала, уткнувшись в плوش по дороге домой. Несмотря на горечь рассказа, ни Керстин, ни Герхард не проронили даже самой скупой слезы.

Керстин, по-своему пыталась помочь Герхарду отойти от болезненных последствий войны и плена. Она подолгу объясняла ему, что только

Бог сможет простить и понять их, и, наконец, уговорила Герхарда пойти в церковь Святого Бонифация, где во времена Гитлера находился картофельный склад, а теперь все еще проводились восстановительные работы. Священник Ноеман пригласил Герхарда на еженедельные беседы. Они сидели в левом крыле церкви, свободном от строительных лесов, рядом с чудом уцелевшим мраморным распятием, и день ото дня Герхард доверял молодому священнику все больше сокровенного:

– Святой отец, мне невыносимо во время службы стоять рядом с теми, кто в 33-ем выпрастывал фашистские свастики из окон.

– Я Вас прекрасно понимаю, герр Бауер. Но представьте себе, что приходится выслушивать мне во время исповедей. А я ведь живой человек, к тому же стоявший от фашистов всегда по другую сторону баррикад.

– И?

– Ищите во всем искру божью.

– Но как, скажите на милость, я должен бороться с отвращением, которое испытываю к этим людям?

– Вы вовсе не должны. Вы же не Бог.

– Вы тоже не Бог. Зачем же я прихожу сюда? Я знаю, что Вы просто живой нормальный человек с достоинствами и недостатками.

– Вы в праве не приходите в церковь, но двери храма всегда открыты для Вас. Считайте меня неким проводником к Богу, а если выразить грубо, но образно, канализацией, в которую вы спускаете все ваши мысли и тревоги. За мое состояние при этом не переживайте – никто не принуждал меня становиться священником, и я счастлив, что могу быть полезным людям в трудное время. Герхард, поверьте мне: Вы не одиноки в своих страданиях. Война поломала судьбы многих. И те, кто живет под бременем греха, немногословны. Обратите внимание во время следующей службы на тихих незаметных прихожан, загляните им в глаза. Не найдете ли вы там отражения Ваших мыслей? У меня есть прихожанин, которого призвали на фронт в последний год войны. Ему тогда едва исполнилось шестнадцать. Более мирного человека трудно себе представить. Сколько раз я слышал от него, что он испытывает огромное облегчение от того, что не успел ни разу выстрелить перед тем, как попал в плен... Есть и другие примеры, о которых я лучше промолчу... Даже сюда, в церковь, люди приносят груз тяжелейших преступлений, в которых не в состоянии до конца раскаяться. А какие тайны хранят в себе те, кто в церковь не ходит, я не решусь и предположить. Кто-то раскался, а кто-то и сейчас с большим оптимизмом вновь встал бы под знамена Гитлера и маршем отправился бы убивать и грабить. Но, дорогой герр Бауер, нам все равно придется жить здесь и помогать стране выкарабкиваться из разрушительных последствий войны, а лично я счастлив видеть, как продвигается ремонт церкви, – обычно так заканчивал беседу священник, и с удовольствием и гордостью вел Герхарда вдоль стен, в обход строительных досок, показывая все новые и новые восстановленные участки здания.

Так, постепенно из-под обломков и строительных лесов поднимали голову страна, а вместе с ней и родной город. Когда под куполом церкви установили новый колокол, взамен поврежденному при бомбежке, Герхард заметил первые признаки медленного превращения окружающего его мира из черно-белого в цветной. В тот памятный день Керстин сказала ему, что у них будет ребенок.

Герхард и Керстин по-прежнему жили с матерью в старой квартире Бауеров на улице, которая почти полностью сохранилась после бомбежек. И Хуслики, и Хессы, и Кениги, и Хохи по-прежнему занимали свои дома. Правда, состав семей потерпел изрядные изменения. Кто-то умер, кто-то погиб. Подрастали дети, знающие о войне по школьным учебникам и мало себя с ней соотносящие. Американские поселения, окруженные колючей проволокой, и дорожные знаки «Танкам проезд запрещен», встречающиеся на проселочных дорогах, не вызывали у молодежи ни стыда, ни удивления.

Следы бывшего приниженного молодым поколением отчужденно, как навязанное ему обременительное наследство, от которого невозможно было отказаться, зато можно было засунуть на самую дальнюю антресоль сознания и забыть об этом неприятном хламе до следующего ремонта.

Старуха Дуршдевальд давно умерла, а в доме, где она когда-то жила, ее сын открыл погребальную контору, и перед фасадом на лужайке выстроились гранитные и мраморные плиты для будущих кладбищенских памятников. В дом Шубертов в конце войны попала американская бомба, и теперь на его месте стоял книжный магазинчик. В витрине часто сидела, спала или металась хозяйская такса Бонус, как две капли воды похожая на Леди, обитавшую когда-то у Шубертов. Читать книги перестало быть зазорным. Возвращались имена забытых авторов, появлялись новые книги. Гейне опять появился на прилавках и в школьной программе.

Герхард сблизился с хозяином магазина и пристрастился к чтению, которое не поощрялось в довоенное время. Жизнь закрутилась: учеба, работа, дочка, командировки, отдых.

В книжную лавку он забегал, как только выдавалась возможность. Собака встречала его припадком веселья и провожала в заднюю комнатку, где он и герр Шефлер устраивали короткие кофепития. Однажды, во время одной из таких дневных встреч, Шефлер показал ему книгу воспоминаний о войне бывшего генерала Зессельринга «Солдат в строю».

– А ведь он посещал наш городок со свитой в темные годы. Приехал тихо, никого не предупредив. Помню, как в его честь поспешно на центральной площади между двух, тогда еще молодых вязов, натянули транспарант со свастикой. Бррр... – Шефлер взял таксу на руки, – знаешь, Герхард, его приговорили в Венеции сначала к повешению, но за него заступился сам Черчилль, и вот, представь себе, преступник наш на свободе, досрочно

естественно, и где бы ты думал? Здесь! Нищий и больной. Я его видел – жалкое зрелище. Но ты не переживай за него особенно. Вот эта книжечка распродается с такой скоростью, что скоро наше сокровище скотлотит себе изрядное состояние, – разволновались, он неудачно прихватил Бонусу ухо и тот, взвизгнув, устремил на хозяина проникновенные глаза, полные укора. Шефлер погладил собаку ласково и обратился к собеседнику:

– Возьмешь почитать? Хочешь спросить, зачем я продаю эту дрянь? Не продаю и не буду. Заказал одну, чтобы прочитать и представлять себе, о чем речь... Пара покупателей уже спрашивала меня про эту книгу. Пересилил омерзение – прочел. Противно, но интересно.

В магазин вошел старый Кениг. Бонус зарычал и стал рваться с рук. Старик посмотрел на зверя неодобрительно и прошамкал: «Э... Я вижу, герр Шефлер, Вы как раз держите в руках книгу, которую я хочу приобрести. Не все так уж плохо было в наше время. А генерал этот – просто гордость немецкой армии. Какой стратег! Правда, говорят, он поселился в нашем городе? Устроили бы Вы, Герр Шефлер, встречу с ним прямо здесь, в этом помещении. Думаю, многие бы пришли, уж мой бы сын точно. И Герхард вот наверняка...

Шефлер перехватил взгляд своего приятеля, и быстро прервал монолог Кенига:

– Это у меня последняя книга. К сожалению, я ее уже пообещал кое-кому, а интереса устраивать встречи с ветеранами минувшей войны у меня нет. А у вас, как я посмотрю, ностальгия по прошлому разыгралась...

Лицо Кенига пошло красными пятнами, и он принялся очень комично и неловко оправдываться. Мол, неправильно его поняли. Мол, раз издают, так значит все по правилам и ничего предосудительного... Мол, против законов да против порядка он никогда бы не пошел. Бонус картинно положил голову на передние лапы и внимательно слушал, двигая рыжими бровями вверх и вниз, и, наконец, гавкнул, когда старик вышел за дверь.

– Ну что, Бонус, чистопородный ты мой, не любишь старую гвардию? Слышал, Герхард, как он рычал? Запах что ли у этих типов особенный?

– Был бы особенный, он бы и на меня рычал. Он просто чувствует твои симпатии, герр Книжный Продавец, – Герхард грустно улыбнулся, но такса вырвалась из рук хозяина и принялась весело крутиться у ног Бауера, виляя хвостом, а потом улеглась на спину, требуя ласки.

– И все-таки ты пахнешь иначе, чем Кениг, – засмеялся Шефлер, глядя на них.

Герхард взял на время книгу у Шефлера, чтобы убедиться, что генералу не пришлось в голову описать посещение их городка и встречу с недотепистым юношей. Но он напрасно опасался – память герра Зессельринга хранила только масштабные события.

– Святой отец. Куда смотрит Бог? Почему этот ублюдок разгуливает на свободе в то время, как тысячи рядовых солдат, влеченных словно насекомых в войну до сих пор отбывают за тех, кто использовал их молодость, их жизни в своих темных целях. В чем тут божья искра?

– Наверное, в том, что вы Герхард прозрели, что у Вас упала пелена с глаз. Вы раскаиваетесь и корите себя за ваши грехи, а генерал бахвалится своими подвигами. Да. Но тем больше спросится у него на суде божьем. Большинство людей признает, что война – это ужасно и бесчеловечно, но и среди этого большинства, найдется немало тех, кому не покажется противоречием восхититься мастерством ведения войны так называемыми выдающимися полководцами и отдельными, особенно ретивыми и успешными героями. Подождите, книга герра Зессельринга будет с успехом издаваться во всем мире и в странах, по которым топили немецкие сапоги. И до России она дойдет – не вечно же там будет царить коммунистический режим. Предполагаю, что советская партийная верхушка сейчас как раз зачитывается этой книжкой в большом секрете от народа. И не думайте, что книга вашего генерала последняя. Будут и у него еще книги, и появляться книги других «героев». Высший пилотаж ведения войны, блестящая охота в небе, стратегия использования человеческих ресурсов – это ли не пасьянс для избранных? Через микроскоп между строчками можно разглядеть ошибки, совершенные ценой сотен жизней, а что говорить об отдельном человечке – точка над буквой «и» заметнее во стократ. Эх, Герхард, военные игры так азартны, так захватывающи, что игроки забывают, что сдают и разменивают не колоду карт, а человеческие жизни и судьбы. Как я рад, что могу поговорить с вами на эту тему – редкая возможность. Да не переживайте вы так. Растите дочку, работайте и не боритесь с ветряными мельницами. Вам уже и так в жизни сильно досталось.

Герхард и не думал ни о какой борьбе. Жесточайшие распри происходили только внутри него, но он усердно укрощал в себе всякие проявления сильных эмоций. Как-то, спустя несколько лет, он и Керстин зашли в книжную лавку к Шефлеру, и тот пригласил их к себе в кабинет на чашку кофе. Дела книготорговца шли хорошо, и он мог позволить себе нанять помощницу, которая сноровисто обслуживала покупателей во время его отлучек. Шефлер шутил, что выбирал работницу не он, а Бонус. По его словам, собака влобилась в покладистую женщину с первого взгляда. Вот и теперь такса, приветствуя гостей, ушла в книжный зал охранять свою новую любимицу.

– Я знаю, вам неприятно будет это услышать, но мне не терпится рассказать новость. По личному ходатайству Аденауэра из советского плена отпущен на свободу летчик Финк. Помните, о нем много писали в газетах? Он сбил во время войны несметное количество русских самолетов. Само по себе, событие, может быть, не сенсационное, и все выглядит красиво и многообещающе – укрепляющиеся отношения двух когда-то враждующих держав. Все правильно. Так должно быть. Но понимаете, с общечеловеческой точки зрения, я не могу осмыслить и принять, что этот Финк и другие

непростые узники содержались в лагерях как привилегированные персоны. С одной стороны понятно, что их держали ради выгодного обмена. С другой... Хотелось бы услышать твоё мнение.

Шефлер не стал дожидаться ответа, продолжил.

– Только подумай, Герхард, – в то время, когда ты и другие простые пленники испытывали сильнейшие лишения, гибли сотнями как мухи, эти, даже не знаю как их назвать, катались на коньках, играли в футбол, заигрывали с русскими девушками и хамили охранникам, потому что знали, что им все равно ничего серьезного за это не будет. Герои чертовы. У них и клички были соответствующие «черт», «бестия», «дьявол». Породистые черберы... Финка встретили после освобождения с распростертыми объятиями, предложили работу в Америке – летчиков обучать...

Эмоции от Шефлера передались Герхарду самым неожиданным образом – он расхохотался. Гости устались на него с тревогой. Из зала прибежал Бонус и, прижав к голове уши, принял старательно вылизывать Бауеру ботинок. Керстин принялась успокаивающе гладить мужа по руке, приговаривая привычное немецкое: «Сокровище мое, сокровище мое». Шефлер пустился было сокрушаться, что зря затеял этот разговор, но Герхард отвлёк его пространным замечанием:

– Да брось ты, друг, я так рад, что ты у меня есть, и мы друг друга хорошо понимаем. Дай ка мне какую-нибудь книгу почитать. Я вижу вон там, на третьей снизу полке, стоит что-то интересное. А ты, четвероногий приятель, не будешь принимать здесь Финка с распростертыми объятиями? – обратился он к чувствительной собачке и нежно потерев бархатное ухо.

– Финк уже в Америке, – Шефлер, все еще с озадаченным лицом, отправился к книжным полкам, – зато Зессельринга Бонус приветил совершенно особенным образом, – рассказчик улыбнулся, – кстати, история заслуживает твоего внимания.

– Итак, твой знаменитый генерал скончался... Ну, умер, и умер... Ты слышал. Похоронили его даже с почестями, но особенно не афишируя – об этом ты тоже наверняка знаешь. Дуршдевальды соорудили ему на могилу гробовую плиту – дорожку, со смыслом – он на книгах изрядно разбогател. Кто уж там платил за памятник, – сын ли, сам ли отложил на похороны при жизни, – не знаю. Только сдаётся мне, что Дуршдевальды в шедевр если не денег, то много души своей вложили. Плита из белого мрамора, на ней изображена золотом эскадрилья самолетов, улетающая вдаль, и, в конце концов, самолеты эти вроде бы в птиц превращаются. Надпись: спи спокойно, наш орел. Пока плиту не установили, она стояла среди прочих во дворе похоронного агентства. Я, знаясь ли, к кладбищенскому творчеству до сей поры был изрядно равнодушен и не заметил бы сей несказанный красоты, но вот Бонус проявил к плите маниакальный интерес: вывернулся из ошейника, прошмыгнул между прутьями дуршдевальной изгороди и был таков. Зову его – нет пса, пропал. Пришлось мне, старому пню, перелезть со скрипом через забор – благо низкий – и искать сумасшедшее животное между надгробьями. Что ты думаешь? Нашел. Смотрю, стоит у какой-то плиты и самозабвенно метит ее. Уверен, ты уже догадался, что за плиту шельмец выбрал. Обратил мое внимание на объект самым примечательным способом. А, может быть, привет передал от тебя твоему старинному знакомцу. Таков пёс! На вот, возьми книгу – то, что тебе надо.

Герхард и Керстин не удовлетворились рассказом и принялись наперебой переспрашивать и смаковать детали. При этом Бонуса ласкали так интенсивно, что вызвали в нем приступ тоски, и он, глядя на них с подозрением, тихо и жалобно заскулил. «Рицамба, рицамба» – передразнил его Герхард. Взяв Керстин за руку, он стал насвистывать марш шутов, чем вызвал резкую смену настроения у Бонуса от грусти к безудержному восторгу. Вечером Герхард увлекся баладами Шиллера и заснул, убаюканный красивыми рифмами родного языка.

– Когда это было? Миг назад или целую вечность? Святой отец, я доволен жизнью. Я нашупал в ней какой-то баланс, какую-то гармонию и держусь за них. Но я старею – как говорить, менять обою уже поздно, но хочется добавить к жизни немного яркой краски или специй.

– Послушайте моего совета – заведите собаку. У меня предчувствие, а предчувствие священника не ordinarily, не так ли? – итак у меня предчувствие, что собака принесет вам в жизнь необыкновенный подарок. Верите? Мне самому кажется, что я с годами становлюсь чудачком. Заведете?

– Хм... Герхард озадаченно посмотрел на священника, – как раз вчера об этом думал. Шефлер говорил, у Бонуса внуки родились, предлагал щеночка в подарок. Ему там из клуба причитается пара малышей. Такса – подходящая порода, как вы думаете?

– Такса – это прекрасно!!! Это любовь с первого взгляда и влюбленность на долгие годы. Берите. Вот Вам мое благославение, – расшалился святой отец.

Щеночка выбрали рыжего, похожего на Бонуса, но женского пола. Собачка смешно семеняла за пятками Керстин – куда хозяйка, туда и она. По паркету раздавалось: «Цуп, цуп, цуп». Так и называли – Цупа. Официально существо, правда, звали Дженифер, но это для собачьего паспорта, а для души осталось «Цупа». В щенячьем возрасте у Цупы смешно морщилась кожа на шее и мордочке, и была она такая крохотная, что люди, которые ее видели, только всплескивали руками: «Посмотрите, какая маленькая! Таких не бывает!» Вскоре складочки расправились, фигура превратилась в настоящую коротконогую таковую, и Цупу стали выводить в собачий свет.

Герхард считал, что подарок, который пророчил ему священник в связи с обретением собаки, это ни с чем не сравнимое общение с «собачниками» – то есть хозяевами собак. Гуляли с собаками совершенно разные люди, большинство из них – старики, но ни к чему не обязывающие встречи на лужайках, игры с питомцами и разговоры о четвероногих друзьях,

стали важной составляющей последней страницы жизни Керстин и Герхарда. Известно, что хозяева, как правило, переживают своих питомцев, но если молодые человеческие годы можно квантовать собачьими жизнями, то на финишной прямой возможен другой расклад.

Цупа была уже старая и малоподвижная, когда однажды весенним днем к ней подбежал веселый маленький щенок черно-коричневой масти. Он бегал вокруг Цупы, призывая играть, а та порывалась с высоты своего общественного и возрастного статуса. Кругом цвели цикории, создающие, особенно при дуновении легкого ветерка, иллюзию голубого озера. По цикориевым волнам к Герхарду приближалась, очевидно, хозяйка щенка, молодая девушка в джинсах и белой майке. Взглянув на ее лицо, Герхард испугался, все старые притупившиеся чувства удушающе подступили к горлу – он узнал в облике приближающейся к нему девушки ту, которую он застрелил в злопамятную бытность солдатом. Он даже вжал голову в плечи, так как боялся, что услышит:

– Ты помнишь меня?

Но никакой мистики не последовало. Девушка, хоть и оказалась русской, заговорила с ним легко и непринужденно на хорошем немецком о собаках и втянула Герхарда в беседу. – Маша Лаишевская, – представилась она, и Герхард вздрогнул – имя больно кольнуло в сердце. Не в силах сдерживать эмоции, он в несвойственной ему торопливой манере принялся рассказывать, как был в плену, и выдавать все русские слова, которые знал. Маша слушала молча и серьезно. Потом она сфотографировала свою собачку и Цупу на фоне цикориев и посветовала, что, к сожалению, ей вряд ли удастся выразить на фотографическом снимке великолепие голубых цветов. Подошли другие «собачники», и Герхард в душе благодарил их за то, что они не засыпали Машу назойливо-бестактными вопросами: «Откуда? Надолго ли? Зачем?» и прочее...

С высоты самолета не разглядеть голубого цикориевого озера, на дне которого произошла эта встреча, не разглядеть отдельных людей и собак, но если забираться выше и выше, то непременно доберешься до точки отсчета, до начала системы координат, где одна из них – время, и где запечатлены и цикории, и лица гуляющих с собаками людей. Те же лица, но на фоне лужаек с маргаритками. Изморозь на траве. Девочка, играющая в снежки во дворе четырехэтажного дома. Снежные заносы. Изможденные люди, строящие дом в поволжском городе. Кладбище безымянных пленных. Распростертая на земле убитая девушка. Она же, но живая. Вихлястый параноик, заставлявший умами целой нации. Телефонен под бордовым плюшем с табличкой между кнопками, гласящей «Гражданин, прослушивание зарубежных каналов карается законом». Клепки в супе. Карнавальные гуляния три дня в году в строго определенное время. Немец во Франции после первой мировой войны, когда никто еще не знал, что она первая, и злобный окрик французского прохожего: «Немецкая свинья, сойди с тротуара – здесь ходят люди!» Кровавое месиво войны и дальше, и дальше... Оттуда видно все, – даже самую незначительную мысль, а что уж говорить о слезе в уголке глаза... Она сверкает как капля росы на голубом лепестке цикория ранним утром.

– Святой отец, я православная, но мне нравится ваша церковь, и я хочу, если вы не возражаете, поговорить с Вами. Извините, если мой рассказ будет местами сбивчив. Мой немецкий не так хорош.

Недавно умер один старик, который был в плену в России. Я понимаю, что этот человек воевал на другой стороне и убил много русских солдат, но когда он произнес по-русски «скоро домой» все во мне съезжилось от боли. Я впервые всерьез задумалась, а кто такие были немецкие солдаты и все ли они были фашистами?

Со стариком мы беседовали пару раз на прогулках с собаками. Я подарила ему фотографию его и моей собак на фоне цветущих цикориев, и он так растрогался, что мне сделалось неловко. Спросил, должен ли заплатить. Глупости какие... В общем, старик вел себя так, как будто я подарила ему кусок янтарной комнаты. Во время очередной прогулки он подробно описал, какую они с женой купили рамку и где повесили мою картинку. Его нелюдимая жена тоже подошла ко мне и благодарила со слезами на глазах. Не правда ли, утированная реакция?

По словам хозяев собак, которые гуляют на лужайке, той самой, по сезону, – то в маргаритках, то в цикориях, жена его вскоре умерла. Через некоторое время я встретила старика с его Цупой. Увидев меня, он буквально бросился ко мне, перепрыгнул через ручей... Смотрел так, как будто хотел сказать что-то очень для него важное. Знаете, он был странным, не от мира сего... Я выразила соболезнование, предложила помощь... Он взял на руки свою Цупу и пробормотал что-то. Я только расслышала: «Прав был святой отец». Расстались мы очень тепло, а затем он пропал. И вот вчера хозяйка одного спаниеля сказала мне, что он умер, очень быстро, пережив жену на две недели, а собаку забрала к себе его дочь.

Святой отец, человек этот мне совершенно чужой, но почему-то мне думается, что в нашей встрече заключался какой-то важный смысл... Не знаю. Помолитесь, пожалуйста, за него и его жену. И еще. В моем детстве я часто размышляла про пленных немцев, которые строили дом, в котором я жила, придумывала про них истории, воображала, как они выглядели. Однажды в щели за батареей я нашла вот эту записку. Вы первый, кому я ее показываю. Это моя тайна. Но я прошу Вас помолиться и за душу того человека, который написал эти полные отчаяния и боли слова.

В конце молитвы старый священник добавил своими словами:

– Господи, как сложны и запутаны пути, которые ты предлагаешь нам, но как много света дает нам твоя искра.

**Меня зовут Герхард Бауер. Я строил этот дом. Я не фашист. Я человек. Я ненавижу войну.*



Светлана Дион



Светлана Дион родилась в Ленинграде. в Нью-Йорке с 1983 г. С 1999 г. — в Испании и несколько лет во Франции. Поэт, прозаик, балерина и культуртрегер. Президент Международной Ассоциации Граждан Искусства — М.А.Г.И. Член Союза Писателей России (МГО). Награждена литературными премиями им. А. П. Чехова и им. А. С. Грибоедова (от МГО). Лауреат множества литературных премий и конкурсов. Пишет стихи на русском, английском и испанском языках. Автор пяти поэтических сборников, десяти в соавторстве и романа «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ» (La mendiante de l'amour).

Лауреат степени «Алмазный Дюк» *МЕЖД. КОНКУРСА ИМ. ДЕ РИШЕЛЬЕ за создание поэтобалета по мотивам романа «Попрошайка любви» и на свои стихи («Любовь семилика» - Las siete caras de amor – премьера в Мадриде 2012). Учредитель литературной премии им. Н.Брагинской с 2013 года. Победитель конкурсов МГО 2016 -2017: «Королевы, феи русской литературы» и «Россия - Франция» (проза и поэзия на франц. языке). Лауреат премии «ГОМЕР 2017» роман «Записки ангела-хранителя», Межд. творческий конкурс Афины, Греция (Журнал «9 МУЗ»). Союза писателей XXI века, Союза писателей Израиля клуба Русских Писателей Нью-Йорка и Всемирного Клуба петербуржцев

СТИХОПАД

А что, если в небе читают стихи,
И лучшие строфы и строки
Заносят в архив, как и наши грехи,
И подвиги наши, а Боги
Их с помощью ангелов судят и жгут,
И пепел нам ветер приносит...
И эту небесную пыль поутру
Вдохнешь - и поэзия в прозе
Нежданно забрезжит, и нам невдомёк,
Откуда порою, как чудо,
Берется безбрежье безудержных строк...
А в море - зола изумрудов...

БЕЗ ГЛАГОЛОВ

По облакам как по сугробам
Как в снегу по колено в детстве
От порога отчего дома
До звезды - маяка в наследство.
С душою седой и ведомой
С тишиною дарящей тайны
Безымянной от правды голой
Без глагола в мирах спиральных
Без красот земных и увечий
То с ласками ветра то света
То боль в крыльях то боль в предплечье
То у птицы то у поэта
Вдоль смолящихся швов в деревьях
Вдоль распоротой свето-строчки
Узелок к узелку кружева -
Любовь - без глаголов и точек...

Сочится прозой и стихами
Душа прокладывая путь
За голубыми облаками
Где никого не обмануть
Ни подвигом в залог награде
Ни псалмами богохвалыбы...
Душа скитаясь в небограде
По тропочкам своей судьбы
И прячась там от пустоты
И окровавленного мира -
От обезумевшей толпы
Ступает по следам кумира
Бредет по снегу сиротливо -
Вслепую за поводырем
Ведомая крылатой Дивой -
За нежно-снежным Январем...
Но заманю я память в август -
В кругу берез забытый дом -
(О, детства искренняя радость!)
Там души бродят нагишом!

Моя березовая суть
томится вновь по поцелуям
ласкай мне море нежно грудь
волна под животом колдует
пройдуся босая по песку
пусть ветер соль на коже лижет
отдамся грезам - прочь тоску
и в небе растворюсь бесстыже...

Планета Земля на карте Вселенной, как
видишься ты созданьям нетленным? Как эхо
твое отзовется в пространствах - далёких и
близких, Добром ли, Коварством? И чтят ли нас
бережно звёздные братья? И знают ли, в чём
наше вечное счастье, далёкие предки, больные
бессмертьем, что мы - их печальные тленные
дети -их звали «богами, сошедшими с неба»,
творцами планеты Адама и Евы, и верили
свято в беззвёздные ночи,
что где-то о нас Всемогущий хлопочет, что мы
не одни посреди тишины... Веками молились
земные сыны невидимой мгле... Будем мы
спасены -
рукой «сынов звёздных» иль милостью Божьей?
(и вовсе не важно, одно ль то и то же ...) И как
Неизбежное ни назови -
законом Вселенной - Спасеньем Любви, иль
вечным движением к Свету от Тьмы, Живая
планета, как мы, видит сны. Что снится ей? -
Больше не будет войны? Что солнце ласкает ей
горы лучами, А воды спокойны, и дремлют
цунами, И музыку звёзд - колыбельную песню -
ей ветер поёт, словно юной невесте
Что дети земли и вся звёздная рать Беречь и
любить её будут, как мать...

Как ртуть,
Горошинами по углам,
Разлилась моя суть
Догадкой - там,
Мне в зеркале путь
По стихам -
к облакам,
Наизусть запомнив
Осколки снов,
Серебристую проседь -
Любимого лоб,
Цвет молитвы,
Шепот цветов,
И лезвие бритвы,
И песнь парусов,
И жалобу матчы
Над головой,
И лето на даче
Девчонки босой...
Стывшие пальцы
Матери
В ладони моей...
Улыбки-маски
Скитальцев,
забытые у дверей.
Слова прощанья
У того же порога,
Все имена любви,
Дорогу...
И безымянная рука,
Мираж родимого чертога,
Чуть слышная строка...
Нагая вера
Во что-то в зеркале,
Обрывки нервов,
Так от молнии - провода,
А мне не верили,
Что горит вода,
Иногда...

“но для чего пережила тебя любовь моя!”

Нино - Ниноби - Чавчавадзе.

*(Надпись на могиле Александра Грибоедова
в гроте горы Мтацминда)*

посвящается Н. Д.

Любовью твоей коронована
хожу я вдовой-королевой -
любовью своей четвергована -
не единственной и не первой
Над надгробьем твоим суждено -
как в пещере горы Мтацминда,
изваянье скорбящей Нино -
мне склонится душой навсегда ...
И ответить на возглас НиноБи
на могиле начертанный в гроте
что хранит молитвой любви
над землею в извечном полете
ты паришь одержавший победу
над забвеньем и смертью и роком
как растерзанный Грибоедов ...
Так любовь служит сердцу чертогом ...

Есть биография а есть судьба
судьба души рок сердца неизбежный.
Есть даты жизни и бессмертия когда
любовь останется а сгинут лишь надежды
ушедших в мир иной шагавших по земле
творивших и ваявших свои судьбы
но луч любви прочертит путь во мгле
покинув тело что отныне будет
не под судом ханжей друзей властей -
но сам судья иного измерения -
Всевышний - на Шкале Души людей
отметку делает с благоговеньем
Есть биография и даты-факты есть
но биография души - совсем иное
тропинку сердца не сотрет земная смерть -
его в архивы неба время неземное
внесет шадящею и бережной рукой
все правды все ошибки и любви...
и отойдя навеки в мир иной
все встретятся. С кем встречу уготовит
судья любви ? - Ни нам судить с тобой
ни предрекать судьбу души на воле..
нет времени у времени - есть суд
и всех и всё рассудит только Время ...
И верится - в нас что-то берегут
на небесах в дар новым поколениям...

Энигма Сикварули*

Над парком в звоне колокольном -
в ударах двух, как на заказ, -
в кругах на озере спокойном,
начертанных для моих глаз,
невидимой рукой (не рыбки)
вода прозрачная - немая,
я вижу свет твоей улыбки. -
Свидетель - осень золотая,
И сумерки, и синева,
Полулуна и тишина -
Твои неслышные слова,
а переводчик твой - листва.

И несказанный из подарков -
строкой единой под луной -
четыре облачка над парком,
проплывшие над головой ...

И эти тающие буквы -
опавшим золотом - листва
с наречья неба тайным звуком -
моей душе перевела...

Но расшифрует то посланье,
при жизни смысл утаив,
во время первого свиданья,
душа, запомнившая стих, -
во время первого дыханья
за гранью осени земной,
где ты - в извечном ожиданье -
скользишь невидимый со мной,
где снег отогревает душу,
где дождь поет, как соловей,
а солнце изнутри наружу
льет свет - снегов земных белей...

18.11.18 IA GRANJA SEGOVIA

Сикварули (Sikvaruli) *любовь по-грузински.

БРАТСКАЯ МОГИЛА В НИГДЕ

моим незабвенным небожителям посвящается

Как будто разом они сгинули вчера...
не год за годом - а внезапно - вместе -
как будто смерть всех близких у костра
вдруг созвала своей недоброй вестью...

И очертив косою полукруг
испекли жуткую поляну -
сравнила в пепел близких и подруг,
любимых, и отца, и маму...

Из-за берез смотрю - со стороны -
на пепелище. Взглядом провожаю
поочередно - дочери, сыны
Земли - сквозь облака - во чрево Рая...

О, незабвенные! - Четырнадцать свечей -
вас помяну мольбой души дрожащей,
чья смерть была ужасней, чья - добрей?
Чья жизнь ковшом не почерпнула счастья?

В Нигде - в могиле братской полегли -
над ней склонюсь в печали несказанной -
пульс времени - ошибка - искони -
не заросла травой та поляна,

А проросла букетами цветов -
с искрящейся даже в ночи росой -
вечноцветущими - из зазеркалья снов...
И тщетно косит Смерть цветы косою...

В СПИЦЫ ВПЛЕТЕННЫЙ СВЕТ

*посвящается Ирине Г. Якову С., Тамаре
В., Нодари Д.,*

Тимуру Д. Тамаре С., Саше Зингеру,

Полине Г., Виктору Г.,

Анастасии В., Надежде Б.,

Юрию К., Патрику Ш., Джемме...

Есть на земле люди
ходили дышали... молчат... которых
уже не будет
никогда ... а в тебе кричат
оглушительной тишиной
неприсутствия... нет плеча
плакать не с кем...ты - пред стеной -с
неба - до трав под ногами - стеной
плача - не-ви-ди-мой наедине с не-
богами...
Наперечет - имена и лица дымчатой
вереницей
сочатся ввысь... чем молиться? В
сердце времени спицы
проколы бессильны зашить -словно
тонкая паутина
в спицах времени нить
мать отец... родимый мужчина -всех
вас заново хоронить
по утрам ?!... чуть очнется память
приоткроет несмело окно

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Триптих

1

мне кажется меня заколдовали
из лебедя в девицу превратив
не потому ль тоска по белой стае
и лебединой музыки мотив
волшебной силой руки наделяет
и крылья балерины за спиной
мне муза-ангел нежно раправляет
невидимую доброю рукой...
не потому ль жалею одиноких
утративших подругу лебедей
и столько лет одни и те же строки
я посвящаю тем же из людей -
по лебединому любя - скорбя и веря -
однажды душу О землю разбив
захлебываясь в боли и потерях
на сцене среди белоснежных нимф
саму себя - себе же исполняю
а танец это таинство мое -
я возвращусь однажды к белой стае -
в мое извечное родимое жилье

2

Мне стало нестерпимо одиноко
и душно посреди людей...
но остро-радостно - по сердцу, как осокой -
наедине со стаей лебедей.
и словно чары ведьмины бессильны
и человеческий долг мой искуплен,
и мне дозволено чертить по дымке синей
узор свободы лебедя крылом...

3

Я на землю вернусь ... а, возможно, и нет -
возвращусь на другую - иную планету -
позабуду как радует солнцем рассвет,
как жара на Земле утомляет нас летом...

Может, птицей вернусь или диким конем
или снова девчОнкою с русой косою,
что шепталась о тайнах с осенним дождем
и всю жизнь любовалась хрустальной росой...

А, возможно, душа мне обитель найдет
в мире дальних вселенных, не знающих ночи,
где все будет мне чуждым - все наоборот,
где живут бесконечно, где любят бессрочно...

Не насытившись вдостоль земною росой,
не познав иступленья извечного счастья,
что - как в детстве земном я девчОнкой босой -
загадаю как чудо волшебного счастья? -

Полететь за пределы известных миров?
Стать свободнее самого главного бога?
Написать книгу лучших несбыточных снов?
Поллюбить навсегда неизбежно и снова?

Или я, как ранимый земной человек,
сотворенной из пепла и света чуднОго,
загадаю исход - из страданий побег
и вакантное место без грани и срока

в стае вечно крылатых че-ло-ве-ко-птиц...
что тенью над морем и сушей - над роком -
вместе дружно прячутсь миром без границ,
охраняя планету Земля своим оком...

Сквозняк.
Открытое окно.
И занавес как парус.
И одиночества зигзаг
Бросает тень на полотно,
А в кресле спит усталость.
И каждый день бывает так.
Кружится вихрем пыль.
Седает волос на висках.
Стареет кожа на руках.
И под глазами синь.
И выжженный пустырь
Мерещится на месте туч,
А небеса в снегах...
Тугой повязкой
Солнца луч
На сердце нараспах.

Среди чуждых людей и пейзажей -
В городах и деревнях чужих -
Я скитаюсь, гонимая жаждой
Вновь наткнуться на тихий родник,
Где знакомы и камни, и кочки,
Колокольчик от грусти поник,
А журчанье воды, словно строчки,
Вторит эху мелодий родных...

7 lives

Возможно, я живу в последний раз - в
последний раз ласкаю взглядом Землю...
не потому ль так ненасытно внемлю я
щебетанью птиц и радуется так глаз

краса берез, но стали чужды люди... и мне
уютней стало с тишиной и с музыкой, с
дождем грустить одной отрадно, словно
этого не будет,

не повторится скоро никогда...
И я так искренне и бережно лелею
все, что даровано, что отнято ... мудрею
Иль вспоминаю в чем моя беда

В чем мое счастье, в чем моя вина В чем
мудрость, утонувшая однажды - В пучине
жизни неизбежной жажды В кувшине
горе-счастья без дна

Свершилось - предсказали карты -
на шахматной доске моей судьбы
две пешки - и закованы в гробы
все остальные - пустота в квадратах...

Две пешки - рядом, нет возврата... Судьба
и жизнь - как будто бы ничья. Одна из
них, наверно, я - ничья... А белая - награда
ли, расплата -

Невозвращенье - нерождение вновь,
прощание с собой, дарение пространству
и волшебства в душе и хулиганства (о как
моя кипела в жизни кровь!)

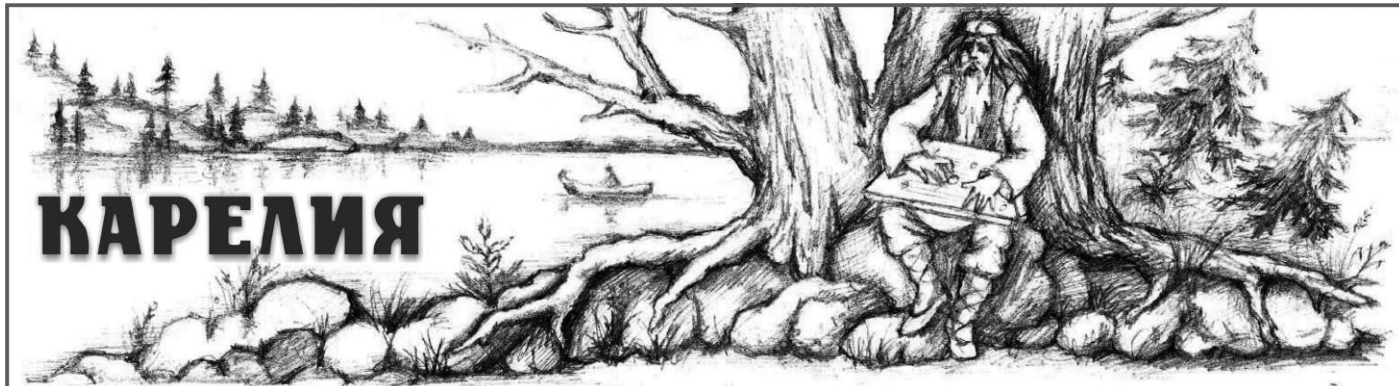
Я на Земле в последний раз, в который раз
(седьмой) - не знаю, долина мук,
просторы рая -
что уготовано для нас

возможно ль жить, не умирая, в других
мирах, подобных снам, увы, не объяснили
нам,
и мы, с судьбою в жизнь играя,

увы, однажды проиграем ...
Но... то не точка - запятая,
последняя или седьмая,
наступит жизнь очередная,

а для кого-то - не Земная...
я на Земле в последний раз
и не спасет иконостас

..... Я не предчувствую - я знаю...



Татьяна Дунаф

Дунаф Татьяна Константиновна, 26 лет. Образование высшее юридическое. Следователь, лейтенант юстиции. Стихи начала писать в 7 лет. В детстве и юности принимала участие в различных международных, всероссийских и республиканских творческих конкурсах. В частности: Всероссийский съезд школьных лесничеств. Номинация: лес в литературном творчестве, 2 место, 2004 год. Конкурс «Северная Лира», 2009 год - лауреат, 2010 год - дипломант. Литературный конкурс «Виршина», 2006 год, дипломант. Участник конкурса стихов имени Миши Гоккоева. Международный экологический форум, диплом в номинации «Лучшая песня к сказке». Конкурс молодых поэтов-студентов ПетрГУ, 3 место, 2012 год.

Публиковалась в различных печатных изданиях: газета «Провинциальный интеллигент»,

журнал «Интеллигент», газета «ТВР-панорама», газета «Лицей», журнал «Лесная новь», газета «МуезерскЛес».

На творчество вдохновляют новые места, природа и любимые люди. В стихах выражает свое мировоззрение и мироощущение.

“Когда я пишу стихи, мне хочется поделиться любовью, радостью или светлой грустью, переполняющей мое сердце. Для меня стихи - это не просто удачно сложенные красивые слова, метафоры и эпитеты, обранные в ритм и рифму. Стихи - это всегда вызов. Стихи - это зеркало души поэта.”

Целует землю дождь, и пахнет осенью.
Рыжеет лес, как зарево вдали.
И сквозь туман, сгустившийся над озером,
Уходят в лето наши корабли.

Они пройдут тропой своей студёную
Туда, где волны сон твой берегут.
А я оставлю душу окрылённую
Встречать сентябрь на этом берегу.

И все слова, что ветром мне навеваны,
Сложив в стихи, не жду твоих похвал...
Костер листья взвонят над аллеями,
И тихо осень ступит на причал.

Сегодня я пью кофе без тебя,
И оттого мне холодно и грустно.
Осенним утром листья серебра,
Зима крадётся рук твоих коснуться.

Какой октябрь! Взгляни в своё окно!
Объят теплом и заревом багряным,
Он на исходе... Ждёт его давно
Глоток зимы волнительный и прятный.

Ну что ж, ему осталось отплыть,
В сердцах людей до капли раствориться,
Упасть листом в ковёр увядших трав
И никогда уже не повториться.

Верните меня в Пушкинское лето,
В шатёр зелёный, вытканый дождем.
Там все ещё живет душа поэта,
Кружа в ночи под желтым фонарем.
Там лунный свет сияющий и вязкий
Ложится тихо, окна серебра.
И город замирает в сонной сказке,
И дышит ожиданием сентября...

Когда развеет пыль в стихах и прозе
Порывом ветер колкий и седой,
Коснувшись сердца, Пушкинская осень
Зажжет костры над тёмною водой.

Когда за гранью вод исчезнет солнце,
И день растает в сонной пелене.
В последний раз мы, может быть, пройдемся
По милой сердцу Петроградской стороне.

Без лишних слов в стихах и песнях наших,
Молчи, дыши, шаги свои считай.
И пусть тебе откроются однажды
Дыханье нот и неба высота.

Пусть ты познаешь истинную радость,
Что птицей оживёт в твоей груди.
Где буду я, и сколько нам осталось..
Не думай и за все меня прости.

В объятья Петербурга окунёмся,
Оставим свои тени на стене
На милой сердцу Петроградской стороне,
Когда за гранью вод исчезнет солнце.

Представь себе, что мы проснемся,
И вдруг поймём - все было сном:
И этот день, и это солнце,
И этот город за окном.

Представь, что нам с тобой приснилась
Весна над тёмною Невой,
И эта питерская сырость,
И звук шагов по мостовой.

Заката розовое знамя,
И чайки крик, и гладь крыла.
А эта ночь была не с нами,
А может, вовсе не была.

Ты видишь сон, в нем стих и проза,
Шум ветра, неба бирюза.
Но если я всего лишь греза,
Не открывай свои глаза.

Я так хочу писать тебе стихи!
Не спать ночами и ходить по кругу.
И думать, кем приходимся друг другу
С тобой? И за какие же грехи...
Я так хочу с тобою говорить
Про то, что день за днем меня тревожит,
Про каждый миг, что не с тобою прожит...
Но этих чувств, увы, не разделить.
Я лишь хочу довериться и ждать...
Ждать выстрела, приказа, приговора.
И глаз твоих зеленые озера,
Спеша, осколком лета рисовать.
И я тебе однажды расскажу
Про снег, и дождь, и шум далеких волн.
Про то, что каждый стих тобою полон,
И потому я все еще дышу



Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе.

Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово».

Долгое время входила в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент». Была главным редактором изданий.

Вновь город скрыла снежная вуаль,
Ложится пух на землю невесомо.
Не надо, друг мой, вглядываться вдаль
Декабрьской ночью - черной и бессонной.
Не надо думать, что за пеленой?
Гадать не стоит по приметам сверху,
И мерить думы-мысли глубиной,
Чистейшие из них поправ и свергнув.

Та мгла уйдет, как только ляжет снег...
Он высветит неповторимость утра,
Вновь день начнет неутомимый бег,
Присыпанный с небес воздушной пудрой -
Рассыпчатой - из Сита Бытия,
Где все смешалось - каждое мгновенье,
И этот снег, конечно же, не зря...
В нем наша жизнь: и грех, и искупленье.

Снежинки робкие - предзимью,
А новогодью - вольный снег!
Для жизни будущих озимых,
И полноводья внешних рек!
Для деток с санками на горках.
Для Снежных баб в январский день,
Чей век, как правило, короткий,
Чуть плюс, и ведра набекрень.

В снегах смешались свет и воздух,
И влага - щедростью с небес.
В них естество метаморфозы,
И знак Рождественских чудес!
В них чистота, прохлады сочность,
Морозный скрип и новизна,
Молитвы Девы непорочной.
И белизна... И белизна...

СИЛУЭТЫ

А встречи не будет. Ни завтра, ни позже.
Привязанность больше любовь, чем привычка!
И жертвовать в сырость последнею спичкой
Сейчас несерьезно: себе же дороже.

Ведь я отгорела. Такое бывает...
Привыкла к большому, серьезному чувству.
Пусть мысли мои далеки от искусства:
Из снега и льда силуэты ваяю.

Внутри их прозрачной, немой оболочки
Слезам замерзшими - капельки света.
Они до весны не видны, под запретом,
Декабрьские ночи им дарят отсрочку.

Морозные дни для последних наградой,
Чем жестче зима, тем сильнее неприступность.
А то, что внутри невесомая хрупкость,
Так это излишки, кому это надо...

Я их берегу от тепла, охраняю.
Ведь это мое, не для всех, очень близко.
Они далеко - в небе снежную стаей...
Забывать, изменить им, по-моему, слишком.

*“...И повторится всё, как встарь...”**А. Блок*

Влажным покрывалом тишина
Укрывает мой уснувший город.
Темный холст живого полотна
Мыслями, как пилочкою, вспорот.
Изредка проносятся такси,
Связывая тех, кто неразлучен.
Снег с дождем вдогонку моросит,
Приставала - нудный и липучий.
Он, ноябрьский, ляжет и умрет.
До зимы лететь еще так долго!
Почему же ветер душу рвет,
И она скулить готова волком?
Почему от матовых теней,
Рыхлых, неразборчивых, размытых
Мнится мне причудливость ветвей
Сходством очертаний не забытых?
Тех, что жмутся к светлому окну,
Тянут ветки в чайные согреться.
Мне теперь надолго не уснуть,
Никуда от памяти не деться.

...

Год за годом и за веком век
Все опять, как прежде, повторится:
Ночь предзимья, за окошком снег,
И воспоминанья по крупiciцам...

Порою трудно, только надо
Держать лицо, не гнуть спины...
И благодарно ждать награду -
Побег в безоблачные сны.
Чтоб пропадать в них до рассвета:

- Меня здесь нет, ты не ищи,
Я там, где детство, воздух, лето,
Где нет разлук и нет морщин.
Где рвется в небо змей бумажный,
А нить пружиной в руке.
Что впереди - совсем не важно,
Судьба туманна вдалеке.

Там сердце бьется в такт полета,
- Лети, мой змей, не подведи!
Там солнце льется позолотой,
И сладостная дрожь в груди.

Конфета мятная забыта
В кармане платяшка давно.
Идет борьба. Нет, даже битва!
Жаль, вновь светает за окном...

В морозный день так много теплоты
В букетике, письме или в улыбке!
Пусть небо мрачно смотрит с высоты,
Я знаю твердо, все в природе зыбко.

Хладна водой крещенская купель,
И обжигает лед босые пятки,
Но с каждым днем призывней птичья трель,
Жаль, за спиной всего лишь две лопатки.

Ах, эти мысли, сладкие мечты
О крыльях прочных где-то за спиною.
Торчат лопатки равенством пустым,
И шанса нет, чтоб в небо взмыть весною.

Худым лопаткам крыльями не стать.
Они лишь атавизм того, что было.
Сегодня я мечтаю не летать,
Ходить как прежде...

Боже, дай мне силы!

Писать бы так, как дышится,
Свободно и легко...
Не мучиться, не пыжиться,
Цепляясь языком
За образы воздушные,
За мысли, что светлы,
За все, что нынче нужно мне,
За мой надежный тыл.
Который не сгибается
Под весом прошлых лет,
Блестит, переливается
И памятью согрет.

Тропиночками росными
Сбежать в седую даль...
За жаркими покосами
Смахнуть с лица вуаль -

Смятения, усталости,
Досады и тревог,
И напиться малостью,
Обогатиться впрок
Духмяной безмятежностью,
Доверчивостью трав.
Вдруг задохнуться нежностью,
Неверие поправ...

Вновь по крупинкам-зернышкам,
По чувствам, что легки,
Сложить все звенья-звенушки
И... выдохнуть стихи...



Юрий Резник

Профессиональный художник: живописец, график, декоратор. Член Союза художников России. Родился в 1961 году в городе Краснодаре. Окончил Кубанский государственный университет, факультет художественной графики. Живёт в Москве и Краснодаре.

Работал художником в цирке, преподавателем в Детской художественной школе, арт-директором в художественной галерее, арт-консультантом в журнале, ведущим проектов в дизайн-студии.

Стихи и проза - как ещё одна форма творчества.

Автор поэтического сборника «Сплошная лирика» («Галерея», Москва, 2000г.). Публикация подборки стихов в альманахе «Отражение» (Гатчина, 2008г.), в литературном журнале «Горст» (Санкт-Петербург, 2009г.), в альманахе «Золотая строфа» (Москва, 2009г.), прозаические произведения в электронном журнале «Мурана» (2011г.), в литературном журнале «Новый Карфаген» (Краснодар, 2012г.). Также, в разные года, для ряда периодических изданий писал статьи.

МИМОЛЕТНОЕ ВИДЕНЬЕ

Утро не предвещало ничего плохого. Напротив, было ясно, что весна прочно заняла свои позиции. Через тюлевую сеть штор в комнату сочилось солнечное тепло.

Мурлыкая бодрую мелодию, Иван Козлов принял душ и почистил зубы. Тщательно выбрил редкую, неупевающую вырастать щетину. Разогрел в микроволновке и с аппетитом съел приготовленный мамою завтрак. Сделал растворимый кофе и закурил сигарету. Оделся. Собрал со стола конспекты, уложил их в портфель. Напоследок заглянул в зеркало и, явно удовлетворенный своим отображением, вышел на залитую солнцем улицу.

Зелень крошечных листочков, воздух и цвет неба, и даже легкий ветерок, пробежавший по верхушкам деревьев, - все сияло весной. Все распускалось, зеленело и радовало душу. Земля пахла молодой травкой. Звонко пели птицы. Вокруг красота и, кажется, что ожила сама природа. И чувствует Иван, что от весеннего духа у него закипает кровь, и что он молод, и что великая радость быть в такое утро бодрым и юным.

Хорошего настроения не мог испортить даже переполненный троллейбус. Иван просто не обращал внимания, если его вдруг кто-то толкал или наступал ему на ногу. «Ехать нужно всем!» - рассуждал он и не желал слышать чужого недовольного ропота. Сегодня от всего негативного и неприятного он был закрыт наглухо, и мысли его были чисты и прекрасны. А когда на одной из остановок, в троллейбус втиснулась девушка, такая же юная, как и он, Иван еще больше воодушевился. Он смотрел на девушку и радостно, и изумленно. В ее широких, бледновато-зеленых глазах, цвета стеклянных осколков, выглаженных волнами, отражались солнечные блики; и вся она лучилась теплом и счастьем. Девушка была мила и прекрасна, и он понял, что сама судьба преподнесла ему эту встречу.

Судьба смотрела на него и улыбалась из-под вздрагивающих ресниц.

От нахлынувшей новой порции чувств и без того переполнявших душу, у Козлова перехватило дыхание. Он ощутил приток каких-то высших жизненных сил, заронивших в его сердце луч надежды. Среди тайн природы нет тайн сильнее и

прекраснее, чем тайна любви, она превращает спокойствие человеческой души в непрерывное движение. Каких высоких раздумий и восторженных порывов она только не рождает, и какое человеческое сердце не тянется к ней; но особенно ярко горит ее блуждающий огонек в юных, бьющихся учащенно и готовых выпрыгнуть сердцах.

И тогда Ваня для себя решил: во что бы то ни стало, эту девушку покорить, увлечь и удержать рядом. Каким способом, он еще не знал, но полагался на силу своих чувств, недаром же говорил, что любовь - единственный ключ, открывающий все двери.

Возле университета распахнулись двери троллейбуса. Это была остановка Козлова, и к его счастью девушка вышла первой. Он быстро ее догнал и заговорил. Несвязно, запинаясь на каждом слове. Нес какую-то белиберду. А потом вдруг его прорвало. Будучи студентом филфака, но как будто только сейчас это вспомнив, Иван решил покорить девушку всем своим красноречием. Самые красивые слова, оказались не его собственными, а принадлежали перу великого поэта. Почему так, Козлов в ту минуту не думал, слова выливались из него сами по себе: «Душе настало пробужденье: передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты. И сердце бьется в упоенье, и для него воскресли вновь и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь».

Девушка, косо поглядывая в сторону Козлова, даже не замедлила шаг. Не успел он закончить свой опус, как она развернулась к нему всем телом и раздраженно выпалила:

- Отвали, козел!!

- Что-о? - сам непонимая зачем, переспросил Козлов.

- Отвали!! - повторила девушка и уже со спины грубо выругалась.

Но, кажется, последних слов Козлов уже не услышал. В его душе все опустилось. В горле стоял сухой ком, и он поднял глаза к небу, чтобы сделать глоток свежего воздуха. В тот же самый момент солнце заволокла откуда-то взявшаяся туча. Или может быть, это Козлову только показалось.

НЕФЕСТА

Для всех она была Люда или Люся, а для меня - просто Нефеста (тогда я не выговаривал букву «В»).

Помню, когда я привел ее к себе домой, то маме так и представил: «Это моя Нефеста». Мама даже не удивилась, она лишь улыбнулась, провела нас на кухню и угостила варениками с клубникой. Что уж тут поделаешь, если сын вырос и стал взрослым? Она смотрела на нас необыкновенно ласковыми и добрыми глазами, и с тех пор тоже стала называть Люсю «Нефестой». Я был этому нескончаемо рад.

Кажется, не было ни одного дня, чтоб я не виделся с Люсей и ни одной минуты, чтоб я не думал о ней; ночью я долго не мог уснуть, а если и засыпал, то только потому, что знал: так быстрее наступит завтра, и я снова увижу свою Нефесту. От этой мысли мне становилось хорошо и покойно.

Люся жила в нашем дворе.

Я поднимался по лестнице, звонил в дверь и с замиранием в сердце ожидал, когда смогу посмотреть ей в глаза, пристально и глубоко, - так, чтобы увидеть свое отражение. Душа моя пела, и было так неизъяснимо легко и так радостно, что казалось, будто вместе со мной все вокруг поет и радуется.

Я брал Люсю за руку, и мы шли бродить по улицам.

За любым поворотом нас ожидал интересный и неизведанный мир. Так однажды мы добрались до парка. Из чащи доносились голоса птиц, и веяло прохладой. Мы поднялись на пригорок и сели на скамейку. Вокруг высокая трава, и на каждой травинке, на каждом листочке играет солнце. Я смотрю на Люсю, и Люся смотрит на меня. А внизу перед нами расстилается мир! И мы летим от счастья над парком, над улицей, над нашим двором, дальше - за город, над полями и лесами, над удивленными, заброшенными кверху лицами...

Когда пришла осень мы с Люсей стали видеться реже.

Погода окончательно испортилась: бесконечно нагоняя черные тучи, дул холодный ветер, и все чаще и чаще лил дождь.

В такие дни я сидел у окна и смотрел на размытые очертания домов, на клочья опавшей листвы, плывущей по мостовой, на редких прохожих, согнувшихся под темными, как кляксы, зонтами. Все вокруг представлялось мне унылым и неприветливым.

Прижавшись лбом к влажному стеклу, я думал о Люсе: вдруг она тоже смотрит сейчас в окно и думает обо мне?..

От моего дыхания стекло запотевало, и мне было невыносимо грустно и обидно. Казалось этого я не смогу пережить.

Я просил небеса прекратить дождь, и когда небо меня слышало, я скорее спешил к Люсе. Надев резиновые сапоги, мы шлепали по лужам и радовались возможности видеть друг друга. И пусть осенний день обреченно короток и горят обветренные щеки, мы были готовы не расставаться до конца жизни.

А зимой я катал Люсю на санках.

Кругом белым-бело: снег засыпал весь двор, намел между домами сугробы, повис на ветках бахромой, хрустел под

ногами. Стало светло, красиво и празднично!

Люся жмурилась от ослепительной белизны, смотрела на меня сквозь большие ресницы, бросала в спину снежные комья и заливалась звонким смехом. Ее смех счастливый, заводной, и я не мог удержаться - смеялся вместе с нею. И было так хорошо, и так счастливо, и хотелось кричать на весь мир.

Светлый и чистый, словно невеста в свадебном наряде, под белой фатой, стоял парк, где еще недавно мы гуляли. С горки я смотрел на Люсю и думал: «До чего хороша она была бы в этом наряде!»... Летел с наслаждением вниз, санки опрокидывались, и я со всего размаху летел в сугроб, лицом прямо в снег, поднимался весь белый, без шапки, без рукавиц... и Люся вновь хохотала.

При температуре в минус, в мгlistые, надутые снегом и ветром дни, когда в морозном воздухе кружились и жалили мелкие колючие снежинки, и нам становилось холодно, - мы спешили греться - сквозь ледяные сугробы, по тропинке ко мне домой. Садилась поближе к отопительному радиатору, и я показывал ей свою коллекцию открыток. Или подперев лицо руками, вместе смотрели по телевизору мультики, лежа на полу рядом, так, что наши волосы, приятно щекоча, почти соприкасались.

Мы были во власти зимы, но на смену ей уже приближалась весна, - улыбающаяся издали и обещающая тысячу радостей.

Кажется, ожила сама природа. Сошел снег, зазвенели ручьи, побежали в разные стороны, сливаясь в одну большую реку где-то там, за нашим двором. Забило фонтаном лучей, занежило, заласкало теплое солнце. Набухли почки и заколыхались в струйках теплого ветра головки цветов.

Наступила весна и опять потекла наша счастливая жизнь.

Как-то утром мы в очередной раз отправились бродить по знакомым улицам. День рассыпался тысячей солнечных бликов. Настоящее было прекрасно и казалось, ему не будет конца! Мы шли по душистому весеннему ветру, по сверкающим от солнца лужам и громко, вразлад пели: «Пусть всегда будет солнце...» Прохожие с любопытством смотрели нам вслед и улыбались, а детвора звонко кричала вдогонку: «Жених и невеста, тили - тили тесто». Но нам было совсем не обидно, нам было не до того. Мы никого не замечали, мы были одни в этом весеннем мире и на всем свете.

Мы продолжали встречаться, и я так же по-прежнему называл ее: «Моя Нефеста», хотя уже научился хорошо произносить «В». Продолжал называть «Нефестой» скорее всего по привычке, или, боясь, что новое, пусть и правильное слово, может что-то изменить в наших отношениях.

Летом на мой день рождения приехал дядя, - брат моей мамы, кото-рый жил в другом городе. Вручая мне подарок, после обязательных по такому случаю поздравлений и пожеланий, он вдруг спросил: «Ну что, жених, свадьба скоро?». Я не удивился его вопросу, потому что мама писала ему письма, и он вполне мог все знать. Я был занят изучением новых подарков и дяде ничего не ответил. Да и что ответить, если я о свадьбе не думал? Мне исполнилось семь лет и я, с нетерпением ожидая сентября, думал тогда только о школе.

ЕГО ЖЕНЩИНА

Дверь на балкон была открыта, и легкий ветерок слабо колыхал тюлевые шторы. В дверном проеме, точно гимнаст на трапеции, висел узкий полумесяц.

Елена лежала в темноте на измятой постели и не могла уснуть. Обычно, после телесных бурь она засыпала быстро, но сегодня ее душу разрывало на части тяжелое чувство отчаяния. Во время близости с Максимом, когда он медленно водил ладонью по контуру ее тела, она пронзительно и ясно почувствовала, что он искал в этой линии схожест с чем-то более желанным.

О его измене она знала давно, но терпела. Улыбалась, делала вид, что ничего не замечает, что очень счастлива и верит в то, что он ее любит. Не сегодня-завтра она ждала, когда он покается и сам все расскажет. Но нет.

В лунном свете со стаканом виски Максим стоял на балконе и погруженный в свои думы, будто ничего не видел и не слышал. Елена догадывалась, его мысли и его тоска сейчас не о ней. Как это обидно и больно!

В полусонном воздухе, накатываясь откуда-то снизу, носились звуки ночного города. Визжали на поворотах и сыпали искрами последние трамваи, испуганно шарили прожектора автомобильных фар. На потолке и стенах дрожали тени.

Самое горькое для Елены было то, что она ничего не могла сделать. Хоть лоб разбей, хоть закричи, но добрый, ласковый, хороший Максим принадлежал уже не ей одной. Лучше об этом не думать, но как?! Сердце готовое выпрыгнуть колотилось у горла. Она судорожно, со всхлипом дышала, готовая вот-вот зарыдать. Нельзя. Он не должен слышать, узнать, понять. Но все же, как хочется плакать!

Оглядываясь назад, Елена вспомнила те, уже далекие времена, как обрывки счастливых снов, маленькие фрагменты, от которых ей стало так хорошо и на глаза вновь накатились слезы. В той нежной и прекрасной поре, когда все ново и радостно, когда еще нет воспоминаний, которые только томят, обманывают, будто было счастье, непонятное и неиспользованное, она жила счастливая, бездумная, покорная, и казалось, что уже никогда ничто не сможет их разлучить. Это была первая любовь, и она настолько владела всем ее существом, что Елена ничего не видела, кроме Максима, думала о нем постоянно, и, открывая утром глаза, словно девочка-школьница радовалась, что он рядом. Она любила его больше жизни, и он тоже ее любил. Был нежен и заботлив. Ему было с ней хорошо. И он очень не хотел ее потерять. Как-то посмотрев в ее честные и преданные глаза, он спросил:

- Кем ты хотела стать, когда была маленькой?

- Твоей женщиной, - не задумываясь, ответила она, и, растроганные, они упали в объятия друг другу, две души, две песчинки в этом огромном мире.

А теперь он хочет принадлежать другой. Сердцу, говорят, не прикажешь. Чтобы это вытерпеть и не закричать Елена до боли закусала губу, прокусила до крови.

Неужели без него будут проходить дни, проходить ночи, - думать о подобном, было невыносимо. Елена не могла представить, что вот так она будет сидеть одна в четырех стенах, - и первый вечер, и второй, и сколько-то еще вечеров, - и ничего ей не останется. Только вздох, стон, всхлип. И очень холодные ладони, и боль внутри, прямо под ребрами, так, что трудно вздохнуть, от мерзлоты и одиночества, которые прошивают насквозь все, и будет хотеться тепла, просто человеческого тепла, искренности и привязанности, и негде будет взять, не у кого. Вокруг пустота.

И как только Елена представила все, что увидела своими глазами, те картины, которые нарисовала себе, - земля поплыла у нее из-под ног, от обиды закружилась голова, - она была не готова с этим мириться. Неужели можно легко и просто отказаться от того что было между ними? Когда мурашки по телу, а поцелуи как в последнее мгновение жизни! Разве забудешь прохладу этих губ, упругость разгоряченной кожи и тайный блеск глаз?! Она хотела быть «его» женщиной, и он называл ее «своей». Как вернуть ту далекую, настоящую и прекрасную любовь? Елена болезненно ощутила, что отныне, только прошлое будет принадлежать ей безраздельно, оно навсегда останется с ней, его никто не изменит и никто у нее не отнимет. А настоящее, в одночасье с будущим лопнуло как мыльный пузырь.

Всем своим естеством она понимала, что лучше было бы с Максимом расстаться, что нельзя прощать предательств о, что прежних чувств уже не вернуть - они иссыкли и пересохли. Лучше сразу покончить с этим, чем продолжать жить с человеком, который лишь терпит ее присутствие, засыпает и просыпается рядом, в одной постели, фальшиво улыбается, а сам не задумываясь, все отдал бы на свете, чтобы посвятить свою жизнь другой женщине, если бы только та другая ему позволила. Знать и терзаться мыслью, что теперь не она его желанная и что он всегда будет сравнивать.

Елена все понимала, но в то же самое время ей вдруг казалось, что она еще могла бы что-то исправить. Раскрыться еще больше, стать к нему еще ближе, еще лучше, отдать себя полностью, быть милее, нежнее, ласковее. Тогда бы он снова ее любил. Иначе не могло и быть. Елене хотелось в это верить. Ведь иногда иллюзия работает. Так было бы правильно. Но так не случиться. Почему? Почему так?!

Лицо горело и стучало сердце. Такая беспомощная, маленькая девочка. Слишком слабая, чтобы не реагировать. Слишком сильная, чтобы плакать. Наивно. Глупо. И она, уже не в силах сдерживать слезы, плачет. Бледная, как белая простыня, приподнимается на острых локтях. Максим задумчиво курит на балконе и не обращает никакого внимания.

«Господи, - шепчет она. - Неужели все это закончится?!»

- Ты что-то сказала? - вдруг, поворачиваясь, спрашивает он.

- Нет. Ничего. Тебе послышалось...

КРАСНОЯРСК



Эльдар Ахадов

Обладатель Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси» (2007 г.), индивидуального губернаторского гранта Красноярского края за 2008 год и литературной премии «Золотой листопад» за произведения для детей (Восточная Сибирь, 2008 г.), лауреат Всероссийского литературного конкурса имени В. М. Шукшина «Светлые души» (2006 г.) и Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2007 г.). В 2009 году Ахадов стал соавтором книги «Путешествие по Красноярскому краю» - уникального школьного пособия по национально-региональному компоненту. Член Союза писателей России, Международного литфонда и множества других литературных организаций, делегат 4-го съезда писателей Сибири. Центр национальной славы России в 2010 г. объявил его победителем всероссийского литературного конкурса «Святость материнства».

ВОКЗАЛ

И не вспыхнули стены вокзала.
И судьба не ушла под откос...
Что же ты ни о чём не сказала,
На перроне прощаясь без слёз?..
Всё отчаянней движутся зданья,
Пролетают поля и леса.
И беспочвенны все ожидания,
И бессмысленны все чудеса.
Только ветер за окнами рвётся,
Словно взгляд, устремлённый туда,
Где никто ни к кому не вернётся,
Где перрон опустел навсегда,
Где из гулко-го эха вокзала
Проступает опять и опять
Всё, о чём ты тогда не сказала,
Всё, что я не решился сказать...

Пространство рвётся в клочья вдоль границ
Разумного – без видимой причины...
Я стану тенью от твоих ресниц,
А полночь грянет в сон без середины.
Там шелест крыльев с тысячи сторон,
Оркестров грохот и сиянье скрипки,
И звёздным небом залитый перрон...
Я стану светом от твоей улыбки.
Сквозь шум толпы из инобытия
Вдруг ощутим мы оба в одночасье:
Нет никого, есть только ты и я,
И этот сон стремительный – о счастье.

Каждый день отовсюду
Жду хороших вестей:
Небывалого чуда,
Долгожданных гостей.
Вот откроются двери,
Зазвонит телефон,
И найдутся потери
Или сбудется сон.
Улыбаются люди
Уголочками глаз...
Значит, так всё и будет.
Непременно - сейчас!

А поезд плещется как море,
Дрожит, как голос на ветру, -
На ускользящем просторе,
Где всё изменится к утру,
Где, словно колокольным звоном,
Листвой объятый до небес
Вслед уносящимся вагонам
Стремительно желтеет лес,
И каждый миг без передышки
Из-под грохочущих колёс
Мелькают бешеные вспышки
Сгорая в шелесте берёз...

Задыхаясь от счастья прощать и любить,
От всего, что в слова не способно вписаться,
Исчезает душа, расставаясь с людьми,
Как в небесной дали одинокая птица...
Вот уже не звучат ни «люблю», ни «прости»,
Только ветер следит, дожидаясь ответа,
Как из пригоршни праха зажатой в горсти
Истекает щепотка нетленного света.

Летит ли пыль, шумит ли дождь,
Метёт ли зыбкий снег, -
Всё то, где ты сейчас живёшь,
Останется навек.
И до тебя, как при тебе,
И после, как всегда:
Свеча в окне, роса в траве
И над горой звезда.
Всё не старей и не новей,
Но до конца пути
Ты это в памяти своей
Пытаешься спасти...



МАГАДАН Интеллигент



Александр Сырченко

Тост другу

Спасибо за все, что было и будет
И даже за то, что кто-то осудит,
Ведь, если всем сладок ты был и всем мил,
То вряд ли с достоинством под руку жил.

Пусть враг все сильнее и скалится зло,
Но, все же, у Зла ненадежно крыло!
И свалится Зло, неожиданно, вдруг,

Ведь если есть враг, значит должен быть друг!

Так брось! Не грусти! Пусть искрятся глаза!
Мы выпьем с тобою не с горя, а за!
За память! За дружбу! За крах подлецов!
За наши Победы! За наших отцов!

Небесный монах

Монахом таинственным месяц
По звёздам взрытому небу
На смерть, обреченно согнувшись,
Бредёт и бредёт на Восток.

Бесшумно ступая ногами,
Он солнцем мечты своей светел
И свет его не умирает,
Как не умирает Мечта.

Он жив в желтом зернышке свечки,
Горящей в каморке Поэта,
На дальней, холодной планете,
Под белою шубой пурги.

На белом листе расцветают
Стихи, этим светом наполняясь,
В виденьях поэта, который,
Как месяц всегда одинок.

Но чуть горизонт помутнеет
Иным, не таинственным светом -
Поэт умирает, чтоб ночью
Ожить, озарившись Мечтой.

Весна на даче

Который раз рождён я заново,
Бессонница не топчет ночи
И дров не нужно больше загодя -
Зажегся лес ордою почек.

Серебряное царство рухнуло
Под топором всесильным солнца,
Но напоследок злыми Духами
Всю ночь скреблось в ведре колодца.

С рассветом собрало все пожити,
Оставив мне две барабульки,
Такие, как порой бульдожики
Во времена своей прогулки.

Но я не против. Пусть куражится.
Я на Природу не в обиде.
Что хорошо ей - только кажется
Тому, кто ничего не видел.

И даже эти вспышки частые,
Средь редкого весной тумана,
Я принимаю, как несчастные
Глаза пред финкой уркагана.

И я дивлюсь на куст смородины
Преображенный и, как быстро
Снег отступает, прошлогодние
Приоткрывая миру листья.

Когда прощаемся друг с другом

Когда прощаемся друг с другом,
Клянёмся ждать,
А стрелка та, что круг за кругом -
Не хочет вспять.

Но вечность миг, а в миге вечность
И нет преград,
Когда простую человечность
Встречает взгляд.

Жене

Сияла вечная луна
Когда лобзал я эти плечи,
Притих сверчок в своём запечье,
Лишь мы не спали и луна.

Стучали яблоки в саду,
Как золочённые копыта
И грудь твоя была открыта
И ты в бреду и я в бреду,

Дыханием ветра кисея
Была отброшена от окон
И звезды падали далеко
И счастьем грезила земля.

Российский Крест

Мне от Креста страны моей
Не спрятаться, не уберечься
И даже взглядом не отвлечься
Мне от Креста страны моей!

На нем миллионы страшных ран
И немочь, ввевшаяся в горло
И стон миллионов уст, упорно
Молящихся у страшных ран.

А Крест поддерживают те,
Что вознесутся на него же,
И стон истерзанных умножат,
Моля о правде на Кресте.

А у окрестностей Креста
Иль нелюди вповал, иль люди -
Они пьяны, их не разбудит
Набат Российского Креста!

И я на этот Крест иду,
В пустынной келье жить отчаясь,
Иду, себе сопротивляясь,
Не веруя себе - иду!

Отрывок из поэмы
«Северная песня»

Пустынный берег тих и светел,
На лужах заморозков вязь,
Рыбак раскладывает сети
Над лодкою, не торопясь.

Табак весь скурен в папиресе,
Приподнимаю воротник,
Люблю я северную осень,
От южной я уже отвык.

Печально небо, молчаливо,
Нет чаек, только ветра вой
И я, ссутулясь сиротливо,
Бреду пить чай к себе домой.

Хрупкое обещание

Не вернуть улетающих уток,
Потерпи, я вернусь, я вернусь!
На санях пролечу первопутук
И к тебе, задыхаясь, ворвусь!

Голос твой мои мысли развеет,
Ах, как он, изменившись в разлуке, поёт!
И вино одиночество наше развеет,
Как в снегах грело имя святое твоё.

Я уткнувшись головой в дорогие колени
И усну и далеким и близким мне сном,
А во сне я увижу, как к солнцу олени
Тянут наш на земле обмороженный дом

Побег

Бежал я. Ни с кем не простившись.
И не жалею о том.
Бежал я, чуть было не спившись,
И Север теперь мой дом.

Я радуюсь новолунию,
Родившемуся в снегах,
Люблю я теперь колдунью
Гордую, всю в мехах!

Она стройна и отважна,
Тайгу не боится ничуть.
А губы с горчинкой так влажны!
И так смугла её грудь!

Она штопает мне рубашки
И, голову глядя мне,
Рассказывает длинные сказки
О шаманской своей стороне.

Тогда мне спокойно и тихо,
Как озеру подо льдом,
Лишь старая олениха
Вздыхает, не ладя со сном.

Что мне до надуманной чести,
До войн и до веры людей?
Теперь мне нателный крестик
Дороже всех в мире церквей.

Его я молю, в нем Бога,
Как смертник о просьбе одной:
«Чтоб не было слез у порога
И в прошлое скрыта дорога
Была бы навеки тайгой!».

Морской этюд

Море, безлюдье, гроздь винограда
На блюде серебряном, девушка рядом.
Смуглая девушка - дочка Китая
Слушает море о чем-то мечтая.

Солнце устало и, остывая, ласковой стало,
В воду сползая,
Тени длиннее и холоднее,
Ночь эта будет в звёздном скоплении,

В нашем селении много заботы:
В дом рыбаки возвратились с работы,
Жарится рыба, соус томата...
Мог ли я жить по-другому, когда-то?..

Танатос

Когда быками боль забыта,
Глаза в глаза впились -
Многопудовые копыта
Крушат случайных крыс.

И ускоряет приближение
к победному концу
Природа, дав благословение
Сильнейшему бойцу.

О миг! Крови ручьи обильны
Убитого врага!
И затрубили Силе гимны
Победные рога.

И все живьё из нор выходит,
Чтоб голову склонить.
И нет способного в Природе
Победу осудить.

На смерть неизвестного Барда

Назовут по имени и отчеству,
Зажуют солёным огурцом,
Обсосут за косточкою косточку
И, под вечер, выйдут на крыльцо.

А в дому магнитофончик старенький
С пленкою, хранящую его,
Мать, вдова, затоптанная спаленка,
Рыжий кот и... больше ничего.

Старообрядцы

Холодно в келье нетопленной
Старцам в поношенных рясах.
Крест в углу, костью обглоданной,
Ждёт человечье мясо!

Ветер - шатун неприкаянный
Рыщет по скиту глухому,
Каждый, любовью оставленный,
Тянется к Божьему Слову.

Дремлет лампадка пред ликами,
Старчески согнуты спины...
Здесь, под пространствами дикими
Живы лишь Богом единым.

Спираль судьбы

Нет к прошлому уже возврата,
В нем гибель ранняя моя.
Она за жизнь в грядущем плата,
В котором будем Бог и я.

Познавший гибель, знает Силу,
Которая, как вещий сон
Укажет путь через могилу
На скрытый от живущих Трон.

И, выйдя в путь, в простой дерюге,
Влекомый за земной предел,
Как вновь вернувшейся подруге,
Я улыбнусь своей звезде.

Солнечное молчание

В молчании, будто бы у гроба,
К друг-друга причащась губам,
Стоим, заброшенные оба,
К горящим холодом снегам.

Мы не жалеем об ушедшем
И не гадаем наперёд,
Так ожидание будет легче
И неизбежной ледоход.

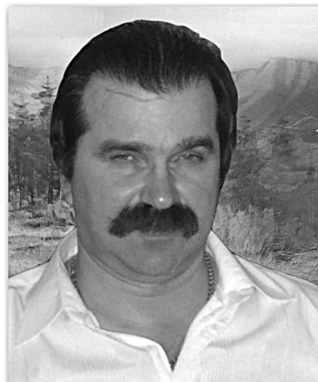
Ну, а пока ледовый панцирь
Земля, вздыхая, не сняла,
В нас - обессиленных скитальцах -
Мечта тревогу уняла.

Полночное наваждение

Под туманным плащом
ты растаяла
ночью бессонною,
Я тебя не держал -
Не по силам мне ночь удержать.
Только видел твой плащ,
Растворившийся над колокольнею,
Ночь пройдёт и ты с вечером поздним
Вернёшься опять.

Из волос своих Розу оставила
Белую-белую!
Ты шутила вчера,
будто выюга живёт в ней
Весной
И когда ты уйдёшь
Мою жизнь,
Без тебя опустелую
Ледяное дыхание Розы
Наполнит Тобой!

Я задернул большой, чёрной шторой
Рассвет полыхающий
И до вечера я
Умер в проклятом склепе своём.
Лишь Надежда, как жизнь,
Ворожит угольком догорающим,
Но опустится ночь
И мы в ней растворимся вдвоём.



Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г. Зея Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало его профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Колымские просторы». В 2008 году издал книгу «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе». В 2009 году опубликованы четыре рассказа в книге «Неизвестный Магадан». Печатался в литературных сборниках Международного Союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент», Живет в Магадане. Лауреат «Серебряного Пера «Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2013 и 2018 года.

Бомж

Уже лет шесть праздник мужской души в компании близких друзей устраивается один раз в неделю. Одно время это происходило по пятницам, ныне по четвергам. Называется этот праздник просто - Баня. Именно так с большой буквы и никак иначе. Русская парилка дает отличный оздоровительный эффект, да и общение с друзьями дорогого стоит.

Ждешь его уже в пятницу после прошедшего четверга, когда была крайняя банька. Так вот, дождавшись праздника души, изрядно укатанный недельными делами, я вышел из машины и направился в один из попутных магазинов. Нужно прикупить минералки, соку и чего-нибудь перекусить.

Его я заметил сразу же. Он был не стар, давно не брит, невысок и широкоплеч, сидел на крылечке магазина, в черном старомодном пальто, черной шапочке. Возле ног стояла баночка для подаяний. Я не дошел до него шагов пять, но почувствовал, что это не совсем обычный бомж. В устремленном на меня взгляде я не увидел безысходности, озлобления, опьянения. Его серо-голубые глаза смотрели на меня устало, но с достоинством. Он улыбался смиренной улыбкой человека, терпеливо переживающего обстоятельства, в которые попал. Можно сказать, он даже как-то располагал к себе, сам того не подозревая.

Среди людей, просящих милостыню, приходилось встречать всяких: кто-то тут же пропивает подаяние, некоторые на предложение купить еды почему-то требуют именно денег и посылают очень далеко, если предлагаешь купить еды.

Приходилось встречать паренька, который просил милостыню возле магазина. Разговорившись, узнал, что мать пьет уже неделю, и ему просто нечего есть. Я купил ему в тот раз продуктов и до сих пор помню его благодарные глаза. Не думаю, что он меня обманул, по крайней мере, не хотелось, чтобы так оказалось. Ведь сдобную булочку и кефир он жадно начал есть сразу же.

Я приближался к бомжу, поравнялся с ним. Какая-то неведомая сила заставила меня остановиться.

- Простите, пожалуйста, могу я к Вам обратиться с просьбой? - первым заговорил он.

Само обращение в таком тоне слегка удивило, и я ждал продолжения диалога, сам вступив в разговор,

- Конечно, - коротко ответил я, внимательно

всматриваясь в глаза собеседнику.

- Будьте любезны, купите мне хлебушка, - попросил он, протягивая мне три пятирублевых монетки, - Мне очень тяжело ходить. Если встану, боюсь упасть.

На меня по-прежнему был устремлен взгляд человека, вопреки всем жизненным обстоятельствам сохранившего чувство собственного достоинства. Я опешил от неожиданности, просьба вогнала в ступор. За полувековой жизненный путь ничего подобного встречать не приходилось - просили много, но никогда не предлагали купить хлебушка за свои деньги. Пристально, даже жестко, глянул в его глаза, сомневаясь в искренности просьбы. Лжи и лукавства или озлобленности не увидел, что-то, пока непонятное, шевельнулось в душе, не до конца осознанное, но теплое. Появилось желание хоть как-то помочь человеку. С этим чувством я вошел в магазин.

Прикупил все необходимое для бани, купил булку хлеба, батон колбасы и вышел на улицу.

Он по-прежнему сидел на крыльце и смотрел в сторону улицы, а не в дверь магазина. Говорило это только об одном - он не ждал меня специально.

- Возьми, пожалуйста, в память о моем умершем отце, - сказал я, протягивая ему хлеб и колбасу. В пластиковую баночку положил немного денег.

В его глазах промелькнула гамма эмоций, от неверия и ожидания какого-либо подвоха, до благодарности. И даже в этом взгляде я увидел чувство собственного достоинства, которое ему удалось сохранить. Деньги из баночки он убирать не стал. Он взял продукты, убрал их в сумку, предварительно завернув в чистый полиэтиленовый пакет.

- Храни Вас Бог. Скажите, как звали Вашего отца? - спросил благодарный бомж, - Я помолюсь за него.

- Лёвой его звали. Ну а Вам пусть Бог даст сил преодолеть все свои трудности, - ответил я новому знакомому и направился к машине, спиной ощущая благодарный взгляд.

Это вроде бы мимолетное событие несколько дней давало повод для размышлений.

Я первый и, возможно, в последний раз видел этого человека, не знаю его прошлого - но то, что он совершил, достойно всяческого уважения. Эти монетки в руке в его положении - это поступок, на который способен не каждый, даже благополучный, человек.

Пусть ему повезет ...

Тишина

Четвертое мая 2015 года. Мы с другом седьмой день принимаем эмоционально-оздоровительные процедуры. Уже седьмой день не звонят телефоны, не слышно проникающего везде суетного городского шума, разрушающего человеческую психику, подавляющего городского жителя морально и физически. Нервные нагрузки города часто оканчиваются нервным срывом или, в худшем варианте, какой-нибудь из болячек. Мы живем жизнью нормальных людей, хотя, по словам друга, с которым отохотились не одну весну, я впервые за много лет дней пять не мог отключиться от опостылевших городских проблем. Да и сам чувствовал, что тяжеловато происходило в эту весну очищение души от негатива большого города.

По метеопрогнозу, который часто оправдывается с точностью до наоборот, сегодня с неба на грешную землю должен был сыпаться снег. Висуянув утречком нос из дверей, я был готов получить порцию снежной крупы в лицо. Разочарование было приятным - видимый из двери кусочек неба порадовал яркой и сочной лазурью. Сейчас на тундре в домиках, палатках, будках находились люди, ожидающие встречи с весенним гусем. В этот раз перелетные птицы явно не спешили на встречу с охотниками. Мы за это время целыми днями не видели гусей и даже не слышали их криков. Нахождение в таком положении не все воспринимают спокойно и начинают тихо звереть, изредка постреливая не совсем понятно в кого и как.

Только вчера, на радость страждущим охотникам, кто-то всемогущий открыл невидимый небесный шлагбаум и с весеннего неба стали раздаваться долгожданные, пронзительные, прекрасные голоса красавцев гусей. Отчаянно гомоя, эти хозяева весеннего колымского неба, послушные зову природы, неудержимо летели на север. Всего пару часов после обеда звучала многоголосая небесная симфония. И не беда, что гуси летели очень высоко. Такие стаи мы называем стратосферными - они проходят очень высоко, на недосягаемой для выстрела высоте. Прокладывая по голубому небосклону черные пунктирные линии, гордо, независимо и красиво вожаки вели свои стаи в бескрайние просторы Северо-Востока. Громко переговариваясь в полете, они словно насмехались над бессилием наблюдавшими за ними с грешной земли охотниками.

Предыдущая ночь была тихой, никакая из заблудившихся гусиных стай не удосужилась снизиться и разбудить нас среди ночи громким гомоном. В эту ночь нам удалось угадать количество дров для печки, и не пришлось среди ночи, покрывшись липким потом, открывать дверь домика. Только так можно спастись от дикой жары. Мы продолжали наслаждаться размеренным течением полевой жизни. После того, как сделаны все необходимые подготовительные работы, все обитатели нашего домика погружаются в состояние свободы. Каждый из нас волен с самого утра делать, что захочется. Можно спать или читать сколько угодно, можно не вставать с нар дни напролёт, можно идти в гости к соседям километра за три, можно сутками проводить время в скрадке, в ожидании гусиного налета. Можно немного попить, только без бандитизма, в меру и с преобладанием по весу и объему закуски над спиртным.

Напарник собрался к себе в скрадок, я пожелал ему удачи и скорой встречи с гусями. Он покинул домик, немного пошумел, надевая рюкзак, ружье, и вскоре я отчетливо услышал удаляющийся скрип лыж, скользящих по утреннему насту. Он быстро затих, и я оказался в тишине. Не знаю почему, мне пока в стоящий на льду озера скрадок не хотелось, и я решил еще немного подремать, заняв место на уже ставшей родной мягкой лежанке. Я потянулся во весь рост до хруста в суставах. Состояние трудно поддавалось пониманию. Можно было предположить, что именно сейчас я переключился на волну полевой жизни, понемногу очищаясь от шелухи большого города. Нервы приходили в норму, жизнь становилась ярче, краски насыщеннее, водка слаще и закуска вкуснее, сон дольше и здоровее. Не привыкшие к таким физическим нагрузкам мышцы понемногу адаптировались. Я самозабвенно валялся на лежанке, наслаждаясь порядком подзабытыми ощущениями душевного покоя.

И вот, неожиданно для себя, я осознал, что же так благотворно подействовало на меня. Это понимание яркой вспышкой озарило выздоравливающее сознание.

Оказывается, тундровая первобытная тишина, в которую я погрузился сейчас, может действовать так магически. Это тишина особенная. Она была до и будет после нас. Это мы, приезжая в этот домик, приходим к ней в гости. Она молчаливо присутствует с нами везде, пока мы находимся здесь. Она иная, отличная от тишины, которую называют гробовой. Она не застывшая, вязкая, созданная человеком города, отгородившего себя от всего пластиковыми окнами. Это тишина, исцеляющая душу, тело и дух. Я стал вслушиваться в неё. Она обволакивала и затягивала в себя, словно погружала меня в целебную ванну.

”а из чего состоит тишина?”! Гробовая тишина, когда вообще нет и не будет никаких звуков? Или нечто иное, что нужно понять? Если этому нет названия и понимания, то попытаться назвать и понять.

Мне сейчас слышалось потрескивание печи, ворчание чайника, бульканье бульона на борщ. Проснувшаяся большая синяя муха весело жужжала, пытаясь покинуть домик через полиэтиленовую пленку на окне.

Сознание все же сформировало долгожданный вопрос - чем же являются слышимые мной звуки? Нарушают ли они первозданную вечную тишину или являются её составной частью, обволакивающей всё и всех, - от самой тонкой травинки до величавого горного хребта, от охотника, приехавшего покараулить диких гусей, до красавца лебедя?

Звуки, которые улавливал слух, продолжали доноситься, не раздражая и не нарушая настигшей меня умиротворенности. Когда находишься в домике, многие звуки, раздающиеся снаружи, слышатся отчетливее и раньше. Лишнее подтверждение тому - появившийся рокот работающего снегоходного двигателя. На фоне всего слышимого сейчас, он выглядел инородным, совершенно не гармонирующим со всем тем, что ласкало слух. Он был напоминанием о том мире, из которого мы бежали неделю назад в поисках уединения. И так не хотелось в него возвращаться, хотя бы еще дней десять.

Решил выйти на улицу. Меня встретила пронзительная синева неба, на котором сочными мазками были нарисованы белые облачка. Слабый ветер шевелил ветки лиственниц, стоящих вблизи домика, шелестел прошлогодней желтоватой травой, несколько синичек своим веселым свистом приветствовали неотвратимо наступающую весну. Где-то вдалеке, совсем не видимые глазу, но громко заявляя о себе, прокричали гуси. Этот звук взбудрил, вернул в состояние тонуса, - ведь мы же на охоту приехали, и каждый услышанный гусиный крик может перерасти в такой желанный налет. Было понятно, что он, даже в безветренной тишине, слышался очень слабо, поэтому, быстро успокоившись, я вновь погрузился в расслабленное состояние.

Возможно, это нечто, претендующее на маленькое открытие, возможно, это плод моих ошибочных рассуждений, но мысль возникла и требовала осмысления и понимания.

Ведь все звуки, которые я слушал сегодня, никоим образом не нарушают древнюю и вечную тундровую тишину. Это она просто состоит из них. Именно они, вечные и первозданные, создают её, многократно переплетаясь, и дополняя друг друга.

Очень хочется, чтобы Дед, местный Дух Охоты, простил нас за то, что приносим с собой из другого мира иные звуки, которые совсем не гармонируют с первозданной тишиной. Это звуки выстрелов, иногда прерывающие полет и роняющие на землю красавца гусака, звук работающей бензопилы, вгрызающейся в ствол поваленного дерева. Можем оправдаться перед Дедом, что никогда не добываем дичи больше, чем можно взять, не валим деревья напрасно, бережем тундру от страшной напасти - лесного пожара.

Я сел в стоящее невдалеке раскладное кресло. Мне не нужно было куда спешить, по крайней мере пока. Просто совсем не хотелось выходить из того блаженного состояния, в которое погрузила меня всепоглощающая и вечная таежная тишина.

Впереди, за оставшиеся десять дней праздника души, целебная тишина подарит нам возможность услышать трубные голоса спешащих на север лебедей, мелодичный посвист чиркового селезня, свист крыльев стремительно несущейся в плотном весеннем воздухе стаи шилохвостей, потрескивание крыльев гусиной стаи, заходящей на круг перед посадкой. Порадует слух и душу жваканье крякового селезня. Низко, с басовой хрипотцой, прокричат таежные гуменники, раздастся высокий фальцет пискулек. По утрам ошалевший от наступившей весны куропад будет устраивать нам побудку, словно по будильнику. Уже скоро начнет свой бесконечный монолог тундровый ручеек, который только на одному ему понятном языке рассказывает нам о Ланковской тундре. Возможно, придется услышать жутковатый вой майской пурги, взбесившейся от бессилия перед наступающей весной, покачивающей каркас нашего прочного домика. Если повезет, по воле Деда, гусь в массе пойдет Ланковской дорогой, мы сможем услышать непрерывный гомон проходящих на разных высотах гусей и лебедей. Ни с чем несравнимую перекличку гусиных базаров, иногда поднимающихся на крыло, и тогда тундру накрывает звуковой вал от голосов тысяч одновременно кричащих гусей. Трудно описать разговор многосотенной гусиной стаи, присевшей уже в ночной тьме отдохнуть на лед озера.

Все это тишина подарит нам в оставшееся время. Ведь день вылета в город уже определен и приближается со всей своей неизбежностью. Но это будет потом, а сейчас совсем не хочется думать об этом. Так хочется еще побыть погруженным в тишину.

Где-то вдалеке послышался гусиный крик, значит, тишина продолжает нас радовать. Дай Бог, чтобы чаще и дольше.

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

ISSN 2500-0276



Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал



Виталий Кузнецов

Кузнецов Виталий Яковлевич. Родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской губернии.

С 1982 года проживает в Бурятии. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008). Учредитель, издатель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, 2008). За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири награждён грамотой Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013). Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013).

С декабря 2017 года является действительным членом Крымской литературной академии (Симферополь).

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017).

Северомуйская долина (Поэмка)

Под чутким сердцем исполина,
Средь гор, поднявших небосвод,
Жила прекрасная долина,
С ключами тёплых чистых вод.

Пристанищем была таёжным
Она всем в окруженьи гор:
Богатым миром жизни сложной
Притягивала зверя взор -

Стремился он попасть в долину,
Где Божья милость, благодать;
Где можно было, как в былине,
Легко добычу отыскать.

Но вот случись в тайге безлюдной,
Когда однажды, в средний век,
Блуждая в поисках уюта,
В долину заглянул эвенк.

Тропой зверей ступал он смело,
Обследуя отроги гор -
Наладил путик* свой умело
По берегам реки, озёр.

И всюду среди густых ветвей
Он видел жизни круговерть,
А также множество костей -
Останки означали смерть.

Долиной Смерти так и стала,
Хотя совсем наоборот -
Больным и старым продлевала
Дни жизни, продолжала род.

Эвенк со временем обжился,
В угодьё превратив долину.
И мир узнал - и устремился
Поток людской к местам целинным.

И лишь охотник, охраняя
Долину, как зеницу ока,
Не ведал, что пройдёт другая
Здесь скоро жизни путь-дорога.

Стальной стрелой вонзится в тело -
Войдёт в долину этот путь,
Разрушит старой жизни древо,
Былины уничтожит суть.

Другой воспрянут жизни боги,
В предгорьях всё перевернут:
Пробьют хребет, взорвут отроги;
И слишком гулко станет тут.

Исчезнет дикой жизни племя,
А с ним и тёплые ключи.
Уйдут встревоженные звери,
Оставив нам места свои.

Отступит и эвенк, кочуя,
Уйдёт куда велит шаман;
Реке оставив имя - Муя*,
Её притоку - Муякан*.

И вот уже другое имя
Долина Смерти обрела:
Северомуйская долина, -
Звучит по-новому она.

Но дух земли остался прежний, -
Людей он новых покорил
Красой суровой и снежной.
Долины дух стал людям мил.

Любуясь красотой нетленной,
Веками созданной природы,
Мы видим в ней весь путь вселенной,
Земли всей становленья годы.

И это не сравнить никак
С тем нашим малым становленьем:
Долины жизни путь - века,
А наш - всего лишь поколение.

Уйдём, и наши имена забудут,
И, может - зарастёт дорога...
Мне скажут: этого не будет!
Я - отведу свой взор в отроги.

Затем отвечу: да, не будет,
Пока она - долина - есть.
Её-то вряд ли позабудут, -
И только в этом смысл весь.

*

Прекрасней край найдём едва ли,
Чем тот, в котором мы живём.
Его Долиной Смерти звали -
Долиной Жизни мы зовём!

* путик - охотничья промысловая тропа

* Муя - Большая вода (эвенк.)

* Муякан - Сын Большой воды (эвенк.)



Валентин ЕМЕЛИН

Живёт в Арендале (Норвегия). Работает в Центре сотрудничества с Программой ООН по окружающей среде ГРИД-Арендал, старший советник, директор программы. Переводы с английского, немецкого, шведского, датского и норвежского языков публиковались в журналах «Эмигрантская Лира» (Бельгия), «Интерпоззия» (США), «Вышгород» (Эстония), «Белый Ворон» (Россия); поэмы и стихи - в журнале «Белый Ворон», антологии «Дежавю», сетевых журналах «Белый Мамонт», «Буквица» и «Золотое Руно». Автор перевода семейной саги Денниса Нурксе «Голоса над Водой», автор и редактор (совместно с Галиной Ицкович) сборника переводов «Женская поэзия Америки» и сборника стихов 9 авторов «Истории. Нарративная поэзия XXI».

Победитель Международного литературного конкурса «7-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2018» (1 место, золотая медаль, Кубок Чемпионата), лауреат 4-го Международного Фестиваля русской поэзии и культуры «Арфа Давида» (1 место); серебряный призёр Пятого Всемирного фестиваля «Эмигрантская Лира», финалист 13-го Международного Фестиваля русской поэзии «Пушкин в Британии» и «Кубка Балтии-2015», серебряный призёр Международного литературного конкурса «Серебряный голубь России-2017» в номинации «Поэзия».

ОВЕРСКАЯ ИСТОРИЯ

*“Эй, Бангало Билл, кого ты убил, Бангало Билл?
The Beatles*

Он был сумасшедший Тото, и таскал всюду краски и кисти, писать мог на всём: на холсте или даже на скатерти чистой, и что-то про цвет объяснять нам пытался, когда был в подпитии - мы все помирали со смеху - у нас тут не много событий.

Однажды клошару змею запустили мы в ящик для красок, Рене ему перцем намазывал кисти - любил он кусать их - он так уморительно злился, припадок обычно был краток. Танцовщиц бы лучше писал, а не всяких придурков усатых.

Красотки Рене попикутнее будут на дагерротипах, костюм с бахромой у него, как у Буффало Билла - похожий! В тот раз мы играли в индейцев, и в поле увидели психа - Рене свой пугач по-ковбойски рванул: подыхай, краснокожий!

А мне закричал: - Женщин в форте укрой и займи оборону! - Шайенн одноухий, тебя, как бизона, загоним обратно!.. Ей-богу, он только хотел попугать, а пальнуть - по воронам... Когда тот упал, мы подумали: просто решил разыграть нас.

Какое дерьмо! Ведь на следствии точно назначат козлами... Папаше Рене кучи франков не хватит расхлёбывать это.

... Тайком из Овера, как мэр посоветовал, нас отослали: бедняга-то помер. Вот так, по-дурацки, закончилось лето.

Но всё обошлось. Перед смертью не выдал нас рыжий голландец. Папаша отмазал Рене, а Тото упокоился с миром. Из местных-то вряд ли кто будет болтать - ну и мэр не внакладе... Лишь доктор Гаше взял холсты. А Рене-таки станет банкиром.

НИМФАЛИДА

Душный вечер. Особняк старинный. Интерьер готический, солидный. В кабинете, под стеклом витрины - Экземпляр шикарной нимфалиды.

На булавку, словно кукла вуду, Грудь её наколота покорно. На камине - статуэтка Будды. И немного пахнет хлороформом.

В воздухе спокойствие разлитое. Тишина - как будто кто-то умер. Бабочке по имени Лолита Расправляет крылья Гумберт Гумберт.

БАБОЧКИ В ЖИВОТЕ

Ах, эти бабочки в животе!
Как же летается им в темноте?

Игриво лимонницы порхают у школьницы, белянки в темнице вьются у выпускницы, у зрелой матроны - махровые махаоны, у оперной дивы - данаиды на диво,

но у кого-то, хоть волком вой, осыпая с крылышек крошечные слова, бьётся о стенки, обитые войлоком, огромный бражник мёртвая голова.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Стирает прачка на Чёрной речке, да плачет крачка - предостеречь бы: не ездь, милый, навстречу смерти...

Но сани с силой по снегу чертят две несмыкаемых параллели - туда, где, тая, он заалест.

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Ты явилась мадонной
В нимбе лёгких волос
Из пыльцы заоконной
Из лучистых полос
Из волны Боттичелли
Голубого стекла
Звучком виолончели
Ты себя пролила
Простотой изначальной
Линий на полотне
Со свечью венчальной
Ты привиделась мне
Словно шёл по стеклу я
Мир сиял чистой
Ангел пел Аллилуйя
Золотой золотой

ЧЁРНАЯ ВДОВА

На Екатерининском канале,
В марте, возле Храма на крови,
Говорят, прохожие видали
Женщину, лишённую любви.

Жмутся обыватели в опаске:
Призрак не касается земли,
Не лицо - но гипсовая маска,
След на шее синий от петли.

Женщина ли, девочка седая -
Достаёт платок из рукава,
И на снег неслышно выпадает
Паучиха - “чёрная вдова”.

Вот другая, третья, - нескончаем
Их поток и неостановим -
Безнадёжен жребий и отчаян
Женщин, отлучённых от любви.

Показалась царская карета -
Сжала бомбу влажная рука -
Не сдержат убийственного света
После взмаха белого платка.

Нет, не опускай его, не надо!
Где любви спасительного слова?..
Но в метро сжимает детонатор
Немезида - Чёрная вдова.

ИТОГИ

Вот он - дом.
Вот он - сад, не дерево!
Только сына не дал Господь.
Остальные сочти потери-то,
И ко лбу поднеси щепоть.

Всё короче список ‘За здравие’,
Всё длиннее - ‘За упокой’.
Не дойти до страны Муравии...
Да и не было здесь такой.

И метёт по хребту поэзмой,
И боишься прозреть во мгле,
Что ни мыслью, ни строчкой ёмкою
Не останешься на земле.

АВАТАРА

Неле Богдановой

Интернат для душевнобольных. Триста метров - и Смольный.

Но из окон не видно, и - душевно не больно.

Нищета. Богадельня. Дурдом. Стыд повысела щёлочь.

Всё, что под руку - растащила снабженская сволочь.

Из вещей оставались на складе застиранные кальсоны...

...Интернат осчастливили вдруг телевизором Panasonic.

Подаяние называлось «гуманитарная помощь».

Всякому времени свой полагается овощ.

На кровати, в палате, в углу - одиннадцатая аватара,
(но не Шивы, поскольку безрука-безнога) -

для палаты она - воплощение помощи гуманитарной,

потому что в запасе для каждого доброе слово,

из того словаря, что был создан вначале,

до начала времён, как вселенская первооснова.

Ея многия знания не умножают печали.

Неужели в дурдоме психам нужен французский?

У здоровых мозги не приемлют нагрузки.

Что, кретинам Бодлера надо знать непременно?

Но она, словно сказку, читает Верлена.

Звук неведомой речи странно трогает душу,

погружая в нирвану идиота Кирюшу.

Он ей преданно служит. Как собака, на голос

откликается. - Друг мой, подай карандашик...

Тот искусан до грифеля. Выжжен глаголом.

Он - обломок бизани после зверского абордажа.

Сжав огрызок зубами, несмотря ни на что, по привычке,

она пишет стихи в дерматиновой толстой тетрадке.

Они очень простые (слова, по возможности, кратки),

и прямые, как речь, для которой излишни кавычки.

Собираются вместе больные, чтобы послушать.

Даже, кажется, овощи (по прозванию - Тамара)

на минуту выводят из комы слова аватары

и довольное гуканье идиота Кирюши.

Сколько лет ей? Века? Вроде голос не старый.

Но на "Вы" обращаются к ней санитары.

Что до внешности, то - настоящая черепаха:

панцирь клетки грудной, словно плугом, пропахан.

Голова лишь осталась живой, но такая живая,

что душевные боли стихом увещевает.

Накануне приехали спонсоры. Спонсорам дали халаты.

Коридоры очистили с помощью дроперидола.

Повели на поклон к аватаре из одиннадцатой палаты,

рядом - верный Кирюша, опять избежавший укола.

- Чем мы можем помочь? Спонсор смотрит не прямо,

у второго - испарина и страдательная гримаса.

Помощь страждущим богоугодна, неплохая реклама,

и на выборах популярна в избирательских массах.

- Иногда бы на воздух, мы здесь мало что видим.

Ну и книг бы побольше, для души это важно.

Да поребрики были б пониже, а так - не в обиде.

Спонсор лысину промокает салфеткой бумажной.

- Хорошо, постараемся, - Шёпотом: - Всё, закругляйся.

Вслух, совсем идиотски: - Ну, Вы поправляйтесь.

Через день в интернат привезли дорогой телевизор.

Телевизор поставили главврачу - не в коня идиотам.

Аватара писала стихи. Воробы, топоча по карнизу,

ждали крошек. Мессия спешил на работу.

БУСЫ

сначала звук оборванной струной

и капли солнца раскатились

леденцами

по кафельному полу

они легко касались

тёплой гладкой стороной

названия не помню

будто бы авто

но нет не то

в котором ты катал меня тайком

жаль в темноте не разгляжу лицо

за этим бубликом

за этим колесом

как двое наших огольцов

на пару разломив

его уписывали с молоком

тогда корову мы ещё держали

весной отец вернулся

мы его не ждали

оттуда

но вмешался исполком

и там разобрались

всего через два года отпустили

да в забой

его не взяли

был не в силе

помню всё прятал под подушку

хлеб

ночами

жевал его обломками зубов

скитаться нам пришлось вначале

по койкам

стройкам

дела непочатый край

потом

она

и не согреться

голод без конца

убей не помню твоего лица

как будто сигаретой

в карточку

и пеплом по краям

где экипаж

участвовал в боях

и ты с неё пришёл

и всё наладилось всё было хорошо

потом обрыв как внуки

родились

квартиру дали

но восьмой этаж

стандартных тридцать пять

жилые две

мутится в голове

провалы

памяти не стало

вот опять

забыла газ

нет вспомнила сейчас

ты подарил мне их до свадьбы

и надо леденцы собрать бы

но всё равно теперь их не найти

какое тусклое окно

стекло мешает и давно

пора помыть

а тапочки поставить на карниз

почти что новые невестке

пригодятся

смотреть не надо вниз

а может статься

к тебе приду по этому пути

НЕСБЫЛОСЬ

Он был смешной
и немного нескладный подросток,
пришедший в посёлок
откуда-то из болотной дали,
на ходульных ножках,
трогательный, горбоносый,
и грациозный,
словно слоны с картины Дали.

Он вышел из чащи
прямо на райские кущи,
не зная про дерево
познания добра и зла.
Ему просто нравилось
эти яблоки красные кушать,
аппетитно хрумкая,
вот и все дела.

Они были так сладки,
восхитительны и пьянящи,
внутри превращались
в пенный, осенний сидр...
И, осой в янтаре,
он застыл в настоящем,
пока время по капле
вытекало из разбитых клепсидр.

Постепенно ноги
ослабежали в коленях,
они хуже держали,
выписывая замысловатые па...
Наконец, поскольку выжились
на подгнивших поленьях,
подломились - и тут же
он заснул, где упал.

*

Он проснулся под утро,
под коровье мычанье из хлева,
И тогда, с удивлением
оглядевшись вокруг,
он увидел сияние по имени Ева,
и губами карминовый
принял плод у неё из рук...

Пантократор тем временем
оказался немного занят:
то ли спасал человечество,
то ли решил немного вздремнуть...
После ей объяснит,
глядя честными, голубыми глазами,
демографического контроля
санитарную суть.

*

Он совсем не боялся,
когда камуфляжный архангел
навёл цейсовское распятие
на его беззащитный лоб.
Превентивный отстрел
подданных, проданных с потрохами,
по лицензии, с квотой
в рассчитанное число голов.

...Они расчленили его -
деловито, согласно науке.
Каждый член клуба
получил причитающийся кусок.
Умывал председатель
алым выпачканные руки
и расчёсывал бороду -
к волоску волосок.

Так случилось изгнание
из обманно-прекрасного рая.
Прожили он подольше -
и был бы великолепный лось!
Горько плакала Ева
от познания - как умирают.
Несудьба им, как видно, выпала.
Несбылось.



Елена (Алёна) ЕМЕЛИНА

Родилась в Ленинграде, окончила Ленинградский Технологический институт им. Ленсовета и факультет психологии Санкт-Петербургского Государственного университета. Психолог-консультант. Ведёт авторские семинары по арт-терапии, анализу сновидений и религиозной психологии. В настоящее время живёт в Норвегии.

Бронзовый призёр 5-го Всемирного фестиваля «Эмигрантская Лира» (2013), финалист Международного фестиваля русской поэзии и культуры в Израиле «Арфа Давида». Напечатаны книги стихов и прозы «Психея» (2003), «Иные небеса» (2015), рассказы для детей «Лестории» («Детгиз», 2008; переиздание АСТ, 2015). Стихи публиковались в сборнике 5-го Всемирного фестиваля «Эмигрантская Лира» (Бельгия), антологии «Дежавю» (Россия/Украина), журналах: «Соотечественник» (Норвегия) и «Эмигрантская Лира» (Бельгия).

Живописные и графические работы Алены Емелиной выставлялись и находятся в частных коллекциях в России, Франции, Великобритании, США, Израиле, Южной Африке и Норвегии. Иллюстрировала книгу международного гроссмейстера Л. Юдасина «Тысячелетний миф шахмат».

Aurora Borealis

Завораживающая красота звучания этих слов, увлекающих ум своим загадочным смыслом, манит вдаль - увидеть своими глазами чудо северного сияния. Мифологическая неисчерпаемость образа соединяется с рациональным знанием, также не исчерпавшим богатство явления.

Там, где темнота покрывает льды половину солнечного года, небеса являют таинственное послание. Словно светящиеся радужные полотна колеблются и свиваются в гулком холоде северной ночи.

Северное сияние над ледяной пустыней внушало благоговение тем, кто добирался до края обитаемого мира. Если свет есть метафора сознания, как, с этой точки зрения, выглядит сознание, пребывающее во тьме долгой полярной ночи, изредка озаряющейся многоцветными всполохами?..

Над полюсами планеты атмосферный слой тонок, он уплотняется по мере приближения к экватору. Это причина, по которой Северное Сияние видно жителям северных земель, и, подобно другим природным явлениям, вписано на символическом уровне в их коллективное сознание, являясь развивающим его фактором. Чему учит феномен Авроры Бореалис, о чем ведают его хранители, поныне пасущие оленей и бьющие морского зверя? Или эта тайна открыта лишь шаманам, способным странствовать между тремя мирами?

Невидимая сеть магнитного поля Земли отклоняет жесткие космические лучи от прозрачного покрывала планеты. Активность солнца может превысить сопротивляемость защитной системы, и частицы, вылетающие из солнечной короны, прожгут множество озоновых дыр в атмосферной слоистой ткани. Или цивилизация нанесет ей неисправимые природотехнологические повреждения. Тогда все человечество увидит Аврору Бореалис, полыхающую от полюса до экватора на фоне тающей атмосферы и проступающей тьмы вечной ночи. Сияющие фалды, волнующие солнечным ветром, напомнят о свитке, в который Ангел сворачивает небо на иконах, посвященных Концу Света.

Последний вздох - ужаса и восхищения - и исчезнет все живое, унося в иное бытие фантастическую картину Светопреставления...

Каждое духовное понятие имеет свое отражение в материальной картине мира. Человеческая душа соединяет в себе обе реальности и познает их, имея своей внутренней задачей достижение целостности и стремясь к построению целостной модели окружающего мира.

Существование Авроры Бореалис невозможно без

атмосферы, и знамения ограниченности времени бытия мира материи, посылаемые космосом, пишутся невидимой рукой на ее полотне. Подобно грозному предупреждению - «ме-не, мене, текел, упарсин» на пиру Валтасара, они адресованы нашей технократической цивилизации, не воспринимающей, как и гордый сын Навуходоносора, уроков истории. Вслед за пророком Даниилом, объяснившим царю значение огненных знаков, попробуем приложить его смысл к современному человечеству - «исчислил Бог царство твое и положил конец ему, ты взвешен на весах и найден очень легким, разделено царство твое и дано...» - кому может быть отдано наше разделенное царство?

Материя и мать, мать всего живого, Божья Матерь, зашитница и заступница... В праздник Покрова Богородицы, являющегося символом скромности, духовной тайны и защиты душ человеческих, задумаешься, не является ли атмосфера нашей планеты, защищающая все живое от радиации и ультрафиолета, космической пыли и метеоритов физическим отражением Ее духовной защиты, Покрова?

Впечатанное в коллективное бессознательное понятие вселенской защищенности, переживаемое каждым существом, рождаемым матерью, под покровами ее телесности, соединяется на глобальном уровне с защищенностью всего живого под покровами воздушных сфер.

В купольных росписях православных церквей встречается изображение величественного старца и надпись на греческом языке - Космос. Появляется вопрос, на который пока не найти ответа. Вселенная тварна и материальна, тогда Космос - это часть творения или аспект Бога, или та Его ипостась, которой Он обращен к планете, специально сотворенной для человека?

Возможно, законы, предусмотренные для поддержания существования космоса, суровы для нашей уязвимой формы жизни, и планете необходим покров, как человеческой душе, уязвимой для материальных искушений и изнемогающей перед Высшим Судом - необходимо укрытие Богородичным Покровом...

Совершенство природы и возможности человеческой души не позволяют отказаться от надежды, даже если сияющие письмена Авроры Бореалис подобны напоминаниям о Судном Дне. На границе сознания, на краю земли вспыхивают прекрасные и грозные световые полосы. Высшая справедливость, наверное, в том и состоит, что миру даны и Закон, и Защита. Материя, преисполнившаяся Духа, Мать, принеся миру Спасителя, перешедшая границу последнего изменения, спасаемая и потому способная защищать, поддерживает нас на пути.

Повелитель смыслов

Повелитель Смыслов

Время, в приход которого
никто не верил,
вдруг наступило, и все умолкли,
как будто стих ветер
в небесных пределах
земного города

Поверите ли, нет - явился
никто иной, как Повелитель Смыслов,
и молча двинулся по кругу
Он раздавал несправедливо
по одному - по два, влагая в руку,
кого-то пропускал...

Так, очередь моя не наступила

Устал и вытряхнул остатки -
раскатились

А сам ушел, не оглянувшись, прочь
Я стала собирать невидимые смыслы
во сне и наяву -
и день, и ночь

Мой друг ангел

Подправлять подкручивать
Небесную механику
Не безделица
Без лица и сердца
Но с крыльями гулками
Справедлив кроток
В трудах без усталости
Мой друг ангел
С характером трудным

Тот, кто в нас верит

Прежде зло называлось злом,
а теперь утратило имя

Устав от иллюзий,
мы обернулись к правде,
но правда невыносима

Хаос связывает узлом
альтруизм одних
с эгоизмом других

Изгнанные из рая -
в распахнутых ртах
беззвучный крик замирает

Огненный меч ангела
надежды не оставляет
на скорое возвращение

Но кто-то же в нас еще верит?
Пока это так,
мы тоже стараемся

Вечернее

одинокое полчаса
мыслей усталый хор
ускользающий лад, голоса
гитары и скрипки
бессловесная речь -
не минор, не мажор...

- мне хотелось бы Вас
развлечь
- проскользнувшая
полуулыбка

любопытство и вечер,
поощряющий анонимность
и закат безупречен,
и любезность взаимна

Весь белый день...

Весь белый день
как длинный вечер
Гоняет ветер снежный прах
Несуществующие свечи
играют с тенями в углах
Я разниму ресницы влажно
забуду руку на щеке
скажу тебе о самом важном
на самом тихом языке

Конец дружбы

Историю, стирая, не стереть
Она заполнена их детством
и подвигами прошлых лет
Друзья - им вместе не стареть

Как запах выстрела -
предчувствие конца
В предельном реализме
расставаний
неузнавание знакомого лица
на расстоянии

Рукопожатия
последняя печать
Безмерная звериная печаль
не позволяет различать,
что разлучает

И оба вздрогнули - один не
понимал,
другой все понял
Неспособный
увидеть смыслов больше одного
остановился у порога

Другой вошел
И опустил полог

Нулевая Зона

Атаки страха, тревоги
по причинам резонным
непрерывно штурмуют
ума и сердца
уязвимые бастионы

События надвигаются
с лицами

приветливых мумий
и направляют агнцев
к нулевой зоне
безволия и безумия

Уплывшим

Когда долго смотришь на волны -
жернова голубые, водные,
перемалывающие прошлое -
поневоле уплывших вспомнишь
в длинных ладах к горизонту

Их провожали надолго,
прикрывая глаза ладонью,
чтобы небо их не слепило,
чтобы море не видело скорби,
по щеке слеза не катилась
об ушедших на запад солнца

На холмах - поминальные камни,
перевиты кресты и змеи
лентой рун со словами прощанья.

Белокурое летнее небо
серебрится за их плечами,
в его свете летают чайки
и кричат призывно-печально

Ночь превращает время,
сплетая вчера и завтра,
соединяя руки -
тёплые с невозвратными...

Бытие каменеет в память,
то, чем душу нашу спасаем,
превращается в ясные звёзды
и взлетает к хрустальным
сферам,
прилагая свой голос к их пению

Прошное - бесполезно,
оно становится тленом,
когда мы покидаем землю
Те, кто помнят нас,
помнят не верно

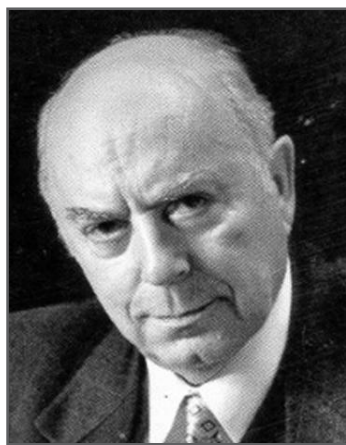
Уплывай,
ни о чем не печалась
Там, вдали,
ты узнаешь правду
Каждый день
твоей жизни - взвешен,
свиток чёрных дыр
и созвездий
запечатан
Святой Печатью

Приветствую тебя! столетняя аллея

Приветствую тебя, столетняя аллея,
провиденная в юношеском сне,
чему свидетельство - на полотне,
где женский силуэт светлеет
среди теней стволов, ветвей.
Я встретила с тобой -
глазам не веря,
в реальности иной
судьбы, страны.
Настало время - прояснились сны, в них
осозналась простота пророчеств.
Не романтический вечерний свет,
как виделось по молодости лет,
но утренний туман после бессонной ночи.
Мистический влекущий переход,
ворота приоткрытые, свиданье,
сокрытая в конце аллеи тайна
меня все эти годы ждёт.
Разрушенный причал
и черная вода,
где в полночь
отражается звезда.
Но не теперь,
когда...

Итоги

Холодные пальцы тумана
соскользнули с холмов
Городок безымянный,
мокрые лица домов
Рассуждение бездорожное
Жесткие подбородки
негостеприимных порогов
Ничего нет более сложного,
чем подводить итоги
неопределённого



Кирилл Ковальджи

Поэт, прозаик, критик, переводчик. Родился в 1930 году в Южной Бессарабии. Автор многих стихотворных сборников и публикаций в литературной периодике России, Молдавии, Румынии, Польши и Болгарии. Член Союза писателей Москвы, редактор сетевого журнала «Пролог». Живёт в Москве.

Круги спирали

1.

Когда, дрожа, слились во мраке двое,
Душа у них легка, а плоть сладка.
Незримо обступают их века
И Млечный Путь, как существо живое.

Творится дело, в сущности, простое,
Но буду вызван я из тайника.
Ждут облака, когда глаза открою,
И отклика ждет лепет родника.

Внутри самим себе мы незнакомы.
Красивы ли, умны ли хромосомы,
Где гениальный шифр, как на листе?

Влюбленные набаловались ночью,
Чтобы невольно, как бы между прочим
Взойти звезде в утробной темноте.

2.

Взойти звезде в утробной темноте,
Цепочки фаз пройти без проволоочки!
Остаться б там, где начинался с точки
В счастливой простоте и наготе.

Но Программист всегда на высоте.
Рай теплой материнской оболочки
Становится подобен одиночке, –
Блаженство уступает тесноте.

Приговорен я волей неизменной
Расстаться с первой замкнутой вселенной,
Где я царил один и без проблем!

С меня хватило бы: в родном – родное...
Но повелеть – “родись в сорочке!” – всем
Стремится материнство мировое.

3.

Стремится материнство мировое,
Чтобы прошло изгнание без следа.
Кровь, пуповина... Зрелище какое! –
Пролог невинный Страшного суда.

Но вот в глаза спасенье световое.
Мир сотворен уже внутри плода.
У губ дитяти – млеко молодое,
Осталась боль за кадром навсегда.

Пусть, присягнув красавицам нездешним,
Поэзия довольствуется внешним, –
Разгадка жизни скрыта в животе,

Где дух и плоть путем срамным
и грешным
Подводятся усилием успешным
К единству в бесконечной полноте.

4.

К единству в бесконечной полноте
За Солнцем вслед –
вокруг людей мгновенных
Плывет Луна среди созвездий пленных,
Блаженная в духовной нищете.

Рожденные доверьем к доброте,
Мы состоим из свернутых вселенных
И свернуто печатаемся в генах, –
Я теми был, а мною буду те...

Яйцо и Солнце – знак один опишет.
Бог больше бесконечности. Превыше
Любви сама любовь. Пусть на хвосте

Разносит весть в день рождества комета:
В который раз я удостоен света!
Дитя есть дань первичной чистоте.

5.

Дитя есть дань первичной чистоте,
Как утро мира, Солнце на востоке.
Подключены все мировые токи
К новорожденной жизни и мечте.

Но сколько скорби в нашей суете,
Где вкупе с добродетелью пороки
Торопятся преподносить уроки
Ребенку – ахиллесовой пяте...

Сто правд, сто кривд и сто противоречий
Ложатся на младенческие плечи,
Но детство – невесомая страна,
Где нам прописка временно дана.

Потом – разлом на женское, мужское...
Любовь – игра и чудо роковое.

6.

Любовь – игра и чудо роковое,
Точнее – Имя, что тебя займет,
Заполонит. Скажу: янтарь и мед,
Любовь – пересечение золотое.

Пускай твердят: больное есть, дурное,
Скажу: слеза. Скажу: рука и рот.
Пусть говорят: хрипение и пот,
Скажу: стрела, ранение сквозное...

Любовь есть нить, в конце которой – Бог,
Ведь истинно вам сказано: любите
Друг друга, и невидимые нити
Сплетутся нежно в световой клубок

Вокруг Земли. Заданье чти земное.
Ты – царь, построив кров над головою.

7.

Ты – царь, построив кров над головою.
Дорога – к храму, к поприщу – стезя.
Дом поважней державы. Дверь открою,
Да проторят к нему тропу друзья!

Пусть бури ждут мятежные герои.
Дождю и ветру в дом входить нельзя.
Бездомный мир шатается, грозя.
Стол. Стул. Кровать. Великие устои!

Вернется путник, если дом в душе.
Нет общечеловеческого рая
Без личного, того, что в шалаше.

Восторгествует истина простая,
Что лучше – со шитом, чем на шите.
Но Бог – и тот распят был на кресте.

8.

Но Бог – и тот распят был на кресте.
Как часто паству подменяет стадо!
По миру бродят призраки распада,
У ада вход имеется везде.

Возводим стены вопреки беде,
Но дом – не крепость. Хватит и
снаряда.
Приказ. Огонь! Ни дома нет, ни сада –
На картах и не значились нигде.

Защиты нет, родные. Нет гарантий.
Двадцатый век опишет новый Данте,
Где не про нас в грядущее побег...

Что ж. Дом свой украшает человек,
И ласточка исполнить прилетела
Призвание, обязанность и дело.

9.

Призвание, обязанность и дело...
При свете дня ищи свою звезду
И звездный час всегда имей в виду,
Пока судьба тебя ведет умело.

А если стрелку в компасе заело,
Размениваешься на ерунду,
На сон, на телевизор, на еду, –
Но творчество ревнивей, чем Отелло.

Ты власти в пасть, как кролик, не смотри,
А коли с ней успел совпасть – тем хуже.
Любая должность человека уже.

Цари и те пускали пузыри.
У человека вещный мир снаружи,
Отдельно – вызревание внутри.

10.

Отдельно – вызревание внутри.
Возможности... откуда? из-под спуда?
Какой разброс! – от Будды до Иуды,
От Богоматери до Бовари!

У нас дороги делятся на три.
Здесь выбор. Вероятность. Амплитуда.
А выше – ни случайности, ни чуда.
Гори, гори, звезда моя, гори!

Мы Бога мыслим в небе небывалом,
Он вездесущ и в бесконечно малом.
Закладкой в гены кто руководит?

Астральное наращиваю тело,
Питаю дух стремлением в зенит.
Вдруг седина, предвестница предела...

11.

Вдруг седина, предвестница предела...
Не спрашивай “за что” и “почему”,
Благодари, что не попал в тюрьму.
Под поезд или в оптику прицела.

Жизнь всю прожить – завидней нет удела!
Детей и внуков обласкай в дому.
В рай пропуск выдают не по уму,
А по любви, что и врагов жалела.

Душа – как море. Утром янтари
Она выносит к берегу упрямо:
Купальщица, нагнись и подбери!

Ты жил и умер. Такова программа,
Таков финал – комедия ли, драма,
Но нет предела в завитках зари!

12.

Но нет предела в завитках зари.
Последняя секунда безразмерна.
Я у реки. Мне десять лет, наверно.
Ночной бульвар. Мелькают фонари.

Я в кабинете. Надпись на двери.
Горит вокзал. Взрывается цистерна.
Салют в столице. Ты стройна. как серна.
Оркестр в лесу играет попури...

Тоннель. Полет. И свет на третьи сутки.
Я умер. Я родился. В промежутке
Мне смерть преподнесла видеоклип.

Пусть наобум всю жизнь перемотала,
Но фильм не оборвался, не погиб,
И нет конца. как не было начала.

13.

И нет конца, как не было начала,
И бесконечность – вся внутри котла...
В небесном куполе – колокола,
Лицо Земли прекрасно без забрала.

Вовек линейка не соединяла
Два времени, два трепетных крыла,
На нить одну еще не нанизала
Звезду и атом некая игла.

Кончается земная кали-юга.
Я чувствую космического друга.
Все смертны. Да не все. Скрыта суть

В непостоянной воле идеала.
Из мира в мир указан узкий путь.
Нырнула жизнь в себя и свет достала.

14.

Нырнула жизнь в себя и свет достала,
И речь, и счет при этом берегла:
Изъять нельзя ни буквы, ни числа –
Все существует как существовало.

Яйцо Вселенной, истины лекало.
Спиральная шкала добра и зла...
Цель не видна, но к ней летит стрела.
Как уловить идею сериала?

Все проще, чем я думал. На вопрос
Ответит измерение иное...
Но этих, этих глаз мне жаль до слез.

Желанье жить – желание святое.
Смерть попирая, впереди Христос,
Когда, дрожа, слились во мраке двое.

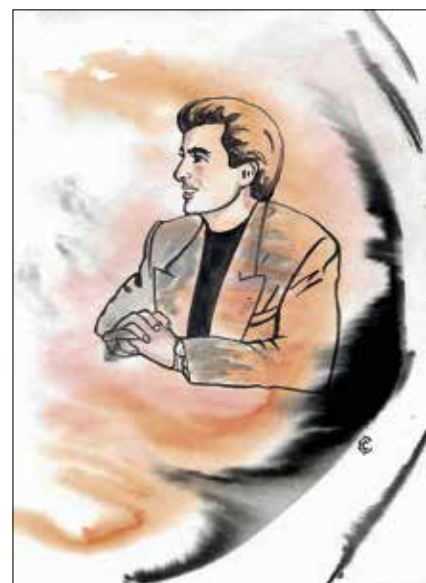
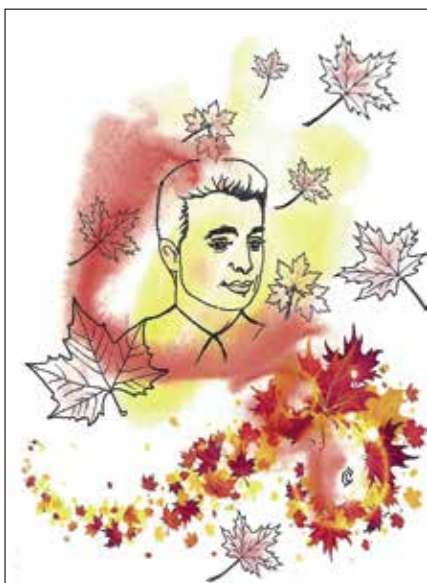
15.

Когда, дрожа, слились во мраке двое –
Взойти звезде в утробной темноте.
Стремится материнство мировое
К единству в бесконечной полноте.

Дитя есть дань первичной чистоте,
Любовь – игра и чудо роковое.
Ты – царь, построив кров над головою,
Но Бог – и тот распят был на кресте.

Призвание, обязанность и дело!
Отдельно – вызревание внутри.
Вдруг седина, предвестница предела,

Но нет предела в завитках зари,
И нет конца, как не было начала.
Нырнула жизнь в себя и свет достала.







Владимир Севриновский

Родился в Москве в 1975г. Кандидат экономических наук, финансист и путешественник, посетивший около 60 стран. Со-автор романа «Отсчёт пошёл», автор рассказов и научных статей. Перевёл на русский язык документальный роман Дж. Кракауэра «Навстречу дикой природе», а также стихи ряда англоязычных поэтов.

Сказка о добром коне

“Вышел богатырь в чисто поле, да свистнул молодецким по-свистом. Пыль закружилась, дрогнула земля, взвыл растерянный ветер, и вырос перед ним его добрый конь. Грива – как вороново крыло, ноздри – как львиная пасть, из-под копыт искры летят, а глаза сверкают ярче звезд небесных...”

Проша осторожно переступил ногами, рассматривая через плечо девочки яркую картинку – тучный волосатый человек в блестящем наряде, с острой палкой и в смешном сером колпаке, а рядом с ним – такой же толстый и лохматый конь со стоящей торчком гривой и хвостом, волочащимся по земле. Это было так смешно, что Проша фыркнул. От жаркого конского дыхания странички затрепетали и перелились слева направо. Девочка прекратила читать и захлопнула взъерошенную книжку.

– Неуклюжий... – она погладила коня по бархатному носу. Проша не отстранился – в голосе девочки не чувствовалось обиды, только теплота.

– Ты ведь тоже добрый конь, Проша? – спросила она.

Конь растерянно пошевелил ушами. Добрый? Это что-то новенькое. Его уже называли многими словами – “гнедой”, “скаковой”, даже пару раз страшным словом “перспективный”. Но этого слова он не знал. Может, “добрый” – это толстый и нестриженный, как та лошадь на картинке? Но тогда зачем спрашивать? Надо просто больше кормить!

– Я люблю только добрых коней! – продолжала девочка, фамильярно теребя Прошу за холку. – И даю им много вкусного сахара!

Это слово конь знал особенно хорошо. Радостно гугукнув, он вытянул губы трубочкой и начал методично тыкаться во все карманы девочки, пытаясь нащупать лакомство.

– Ну все, дочка. Позабавилась – и хватит! Разбалуешь мне коня. Пойди лучше с Квазимодо играть, а мы пока поработаем, – в денник вошел маленький колченогий жокей. Он никогда не кормил коня сладостями, поэтому Проша не любил его, а только уважал.

Жокей быстрыми движениями разжал конскую пасть и всунул в нее холодный трензель, приладил крохотное седло, и вывел Прошу под уздцы из денника. Из-за перегородки, словно перископ, высунулась голова Квазимодо, и тут же погрузилась назад. Под толчком мерцали синие лампы, и Прошу с жокеем провозжали десятки блестящих глаз – наивные годовички, грациозные выездковые кони, жилистые троеборцы...

Всю тренировку конь думал о словах дочки жокея. Ему очень хотелось стать добрым конем, и не только из-за сахара. Он чувствовал, что это порадует девочку.

Вечером он, наконец, решился спросить совет у своего соседа. Тот еще не спал – из-за стенки доносился шелест подстилки под его мякими ногами.

– Квазимодо! – тихонько проржал Проша. Шелест немедленно смолк.

– Что ты там делаешь? – спросил любопытный конь.

– Так, легкий моцион перед сном, что и Вам, мой гнедой коллега, весьма рекомендую! – отозвался надменный голос. В щели между досками блеснул огромный глаз.

Квазимодо был белым двугорбым верблюдом. Как он оказался на конюшне, не знал даже он сам, но это было единственным

пробелом в его невероятной эрудиции. Занимая угловой денник, он единственный мог видеть обиталище людей, наблюдать за ними, и даже – о чудо! – смотреть картинки в странной коробке, которую те называли телевизором.

– Спасибо, я уже сегодня поработал, – вздохнул Проша. – Послушай, Квазимодо. Ты у нас в конюшне главный знаток людей. Мы-то, кони, от человеков ощущаем разве что ноги на своих боках да руки на поводке, а ты их круглые сутки видишь. Можешь сказать, что такое “добрый конь”?

– Добрый? – было слышно, как Квазимодо беззвучно задвигал губами, будто пережевывал слово для того, чтобы понять его смысл. – Это означает, что ты не должен ни с кем драться, никого не толкать, и не лягаться, даже если тебя дернули за хвост.

– Так добрый конь – это, выходит, мерин? – опасливо спросил Проша. Становиться меринком ему совсем не хотелось, даже за целую пригоршню сахарных кубиков.

– Ну при чем здесь мерин! – сокрушенно покачал головой Квазимодо. – Неужели полноценный жеребец не может стараться нести другим только радость!

– Всем-всем? – спросил конь.

– Конечно! В этом и суть добра!

– И даже всадника нельзя сбросить, если он делает больно?

– Ни в коем случае! – верблюд был категоричен. – У людей даже есть пословица: “Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга”.

– Кого? – услышал Проша незнакомое слово.

– Друга! – Квазимодо на секунду задумался, затем его голос зазвучал с прежней уверенностью, – Что тут непонятного: друг для честного человека – как для тебя всадник: сядет сверху и ножки свесит.

– Стало быть, мой друг – это жокей, – Проша изо всех сил пытался удержать в своей большой голове новые слова. – А добрый конь несет всем радость, и все ему за это несут сахар...

– Понял, наконец, – хмыкнул Квазимодо. – Пойдем, а зачем тебе?

– Да так, думаю стать добрым конем, – пояснил Проша.

– Мало того, мой непарнокопытный коллега, что ты умом не блещешь, так еще и добрым стать хочешь! – иронично ответил верблюд. – Брось ты эту затею. Будь собой.

– Девочка просила, – чуть слышно сказал конь. – Хорошая она...

На следующий день были соревнования. Жокей в ярко-красном камзоле сидел на согнутых ножках над хребтом Проши, словно гигантский комар. С лязгом открылись железные дверцы, и конь ринулся вперед. Помня о том, что сегодня он – добрый, на старте Проша вежливо пропустил вперед рыжего Расстегая, на повороте деликатно посторонился, чтобы ненароком не толкнуть лохматого Гладиолуса, и уже на самой финишной прямой в последний момент сообразил, что натужно пытаящийся за его хвостом Карабас наверняка огорчится, если придет последним. А ведь еще несколько секунд – и было бы поздно! – радостно подумал Проша, резко тормозя, из-за чего жокей едва не перелетел через его голову. К счастью, конь и здесь показал свою доброту – боднул его в полете головой, так что всадник неловко плюхнулся поперек прошиной шеи. Бережно, ста-

раясь его не уронить, Проша финишировал, и лишь потом дал волю своей радости – как оказалось легко и приятно быть добрым конем!

Назад жокей вел его в гробовом молчании – лишь насмешливо ржали из своих денников сегодняшние победители. “Ничего, – думал Проша, – Расстегай получил всего лишь невкусный лавровый венок, а мне сейчас сахару отсыплют! А может, даже морковку дадут или корочки арбузные!”

– Эх, Прохор! – войдя в денник, жокей дал волю своим чувствам. – За что ты со мной так?

И он, не похлопав Прошу, как обычно, по холке, махнул рукой и вышел, грохнув дверцей перед мордой озадаченного коня.

– Ну что, добрячок, допрыгался? – над перегородкой поднялась тяжелая верблюжья голова.

– Не то слово, – озадаченно проржал конь. – Все делал, как ты сказал, и вот результат...

– На меня-то не вали! – возмутился верблюд. – Ты спросил, я ответил.

– Да как ты ответил! Перепутал все, пустынная башка! – воскликнул Проша. – Видел я этого доброго коня на картинках. Там его жокей соперников своих бьет, а конь на дыбы встает, и их копытами из седла вышибает. Вот что такое – настоящая доброта!

– Да хоть бы и так. Ты, главное, не кричи, – покачал головой Квазимодо. По телевизору выездку показывают...

И его пушистый затылок скрылся за досками.

На очередном соревновании Проша твердо вознамерился доказать, что он – самый добрый конь на всем ипподроме. Расстегай, которого он ловко подрезал, дернулся и сбросил жокея. “А ведь и вправду доброта делает жизнь других приятней!” – успел подумать Проша, глядя, как рыжий налегке радостно улепетывает по направлению к конюшне. Карабас, которого Проша куснул в зад, взвизгнул и попытался лягнуть обидчика, из-за чего безнадежно отстал. С грозным ржанием конь приблизился к Гладиолусу и на всем скаку пихнул его вбок, вышибив с дорожки. Финишировали они с жокеем в гордом одиночестве, ближайшие соперники плелись далеко позади.

Принюхиваясь к острому аромату лаврового венка, конь чувствовал на себе уважительный взгляд седока и думал: наконец-то, я стал по-настоящему добрым, и это обернулось победой. Потому как (он слышал это в другой сказке) добро всегда побеждает зло. На сей раз, когда он гордо шествовал по конюшне, никто не ржал ему вслед. Проша царственно переступил порог денника, и стал ожидать девочку, несущую ему заслуженную награду.

– Как ты мог, Проша! Злой, злой конь! – дариельница сахара прошла мимо и отвернулась, размазывая по щекам слезы. Удивленный жеребец крикнул, ударился грудью о дверцу, но девочка уже была далеко.

– Предупреждал я тебя! – послышался ехидный голос.

– Но она же сама хотела, чтобы я стал добрым! – воскликнул конь. – И я так старался!

– Ты все еще не понял? – проскрипел Квазимодо. – Нельзя быть просто добрым. Можно быть добрым к кому-то. К жокею, или к девочке, или к другим коням. А лучше всего – к самому себе.

– Знаю я твои разговоры, – махнул гривой Проша. – Будь собой, и все у тебя получится... Конечно, легко быть собой, когда ты – верблюд, сидишь в клетке, ничего не хочешь и тебе на все плевать!

– Что ты знаешь о моих желаниях! – обиделся Квазимодо.

– Нет их вовсе у тебя, – мрачно ответил Проша. – Умствования одни.

– Погоди, – фыркнул верблюд. – Скоро увидишь. И они все тоже увидят...

Квазимодо еще что-то тихо бормотал, но Проша его уже не слушал. Вскоре шепот смолк, и из верблюжьего денника донесся знакомый шорох, еще более энергичный, чем обычно.

Следующий день выдался ясным. Над большим манежем около конюшни звучала музыка, и десятки парадно одетых людей съезжались, чтобы посмотреть на соревнования по выездке. Двое конюхов даже забрались на крышу конюшни – оттуда особенно хорошо было видно, как танцуют лошади. В праздничной суете никто не заметил, что денник Квазимодо пуст – рано утром верблюд тихонько открыл засов своими мягкими губами, вышел и аккуратно притворил дверцу за собой.

Трибуна была увита цветами. Всадники, облаченные во фрак и цилиндры, ждали своего выхода вместе с конями, чьи гривы были по торжественному случаю завиты в десятки крохотных косичек. Первый участник уже готов был выехать и исполнить свой

танец, как вдруг по рядам зрителей прокатился удивленный гул, а младший конюх чуть не свалился с крыши. На манеж, обводя собравшихся надменным взором, вышел верблюд. Он остановился на средней линии и замер на мгновение, втягивая носом звуки вальса, словно запаха. А затем Квазимодо стал танцевать. Он прошелся вдоль трибун горделивым пассажиром, высоко поднимая длинные молистые ноги, закончил его изящным пиаффе и поскакал галопом, делая менку то через один, то через два темпа. Галоп становился все медленней, вот он уже скакал на месте, а спустя несколько секунд даже начал двигаться назад. Толпа зрителей взвывала. Квазимодо снисходительно прищурил глаза и сделал пируэт. Годы тренировок в деннике не прошли даром – все упражнения он выполнял легко и безупречно, на зависть самым лучшим выездковым лошадям. И тут до его слуха донесся взрыв хохота.

“Смеяться надо мной? Исключено! – подумал верблюд. – Должно быть, они ехидничают над моими так называемыми соперниками!” Он гордо вздернул голову, похожую на старый войлочный башмак, и продолжил выступление с удвоенной энергией. Кончики его горбов тряслись в такт вальсу.

Он выполнил все элементы Большого приза, аккуратно осуществляя переходы точно у табличек с буквами, и это было только началом. Квазимодо демонстрировал испанский шаг, поднимая передние ноги почти на уровень головы. Взлетал ввысь, исполняя невероятный каприоль. Он совершал курбетты, лансады и обратный пируэт. Хохот перешел в рев. Зрители вытирали слезящиеся глаза, ползали между кресел и держались за животы, словно боялись, что смех взорвется в них будто бомба. Верблюд делал галоп на трех ногах, круплады и баллотлады. Он летал, словно птица, и кружился в вальсе. Его чуткие уши ловили мельчайшие нюансы музыки и воплощали их в самые совершенные из движений. Квазимодо давно перестал обращать внимание на смех, он забыл про него, и впервые в жизни наконец-то был собой – Квазимодо Великолепным, лучшим танцором в мире.

Когда музыка стихла, верблюд изогнул свою шею в грациозном поклоне и медленно сошел со сцены своего триумфа, сопровождаемый оглушительными аплодисментами.

– Понял теперь, что я имел в виду? – гордо бросил он Проше, возвращаясь в свой денник.

– Быть собой – это значит, быть для всех посмешищем? – спросил жеребец, но Квазимодо лишь надменно фыркнул и отвернулся.

На следующий день к конюшне подъехал большой грузовик, на ржавом борту которого красовалась огромная надпись “ЦИРК”. Верблюда вывели из денника.

– Куда вы меня тащите? – возмущался он. – Я не клоун! Я – спортсмен! Я – самый лучший специалист по выездке во всем мире! Ни одна лошадь не может со мной сравниться! Я... Я...

Он возмущенно ревел, брыкался и плевался, кони сочувственно ржали и шумели в своих денниках, но все было тщетно. Квазимодо погрузили в большую ржавую машину и увезли.

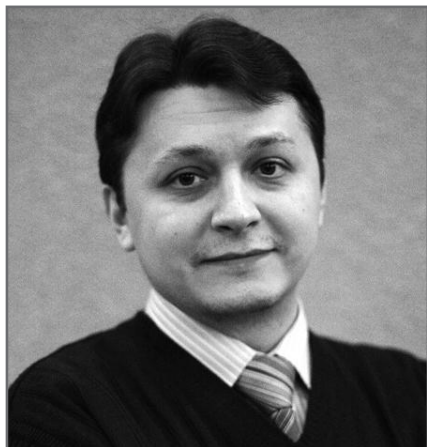
Когда кутерьма улеглась, Проша опять задумался. Ему не хотелось в цирк и не нравилось, что когда делаешь добро одним, другие непременно посчитают тебя злым. Он хотел быть просто добрым конем. Так он размышлял, а время шло. После нескольких лет тяжелой работы Проша был переведен в детскую спортивную школу. Юные всадники выстраивались на него в очередь – не было в конюшне более терпеливого и старательного коня.

“Хорошо еще, что мне достался этот друг, а не толстый богатырь, – думал Проша, когда очередной неумелый всадник случайно причинял ему боль. – Под богатырем я бы точно пополам переломился! Такой груз только добрый конь и стерпит, а разве я добрый?”

И он старательно выполнял все упражнения, а всадник потом виновато совал ему кусочек сахара. Дочка жокея выросла, она часто гуляла с Прошей по лесу и без умолку рассказывала о своей жизни. Иногда она задавала жеребцу волнующие ее вопросы и тут же сама на них отвечала, так что не было для нее собеседника умнее и красноречивее, чем Проша. Жеребец тоже часто пытался ее спросить о том, что его больше всего волновало, но она так и не поняла его ржания, только ласково гладила по морде. Так он живет и по сей день, безуспешно пытаясь стать добрым конем.

Возможно, вы когда-нибудь попадете на ту конюшню. Нашего героя вам покажет всякий, и когда конь заржет, увидев вас, в его голосе непременно послышится вопрос. Если вы разбираетесь в том, что такое добро, лучше верблюда Квазимодо, прошу вас – дайте коню совет. Или хотя бы несколько арбузных корок.

Он их очень любит.



Роман Рубанов

Родился в 1982г. в Курской области. Окончил Рыльское педагогическое училище и Курский государственный университет. Работает руководителем литературно-драматургической части в Театре юного зрителя «Ровесник». Пишет пьесы, рассказы, стихи. Печатался в журналах «Лампа и дымоход», «День и ночь», «Нева» и др. Лауреат ряда литературных конкурсов, неоднократный участник Форума в Липках..

Курю чужие, а убьют свои...
В каком-нибудь бою под Аустерлицем
Пластмассовый солдатик задымится
И для него закончатся бои,

В игрушечном мирке, под потолком,
Где ничего давным-давно не страшно,
Закусывая пряником вчерашним
Соседский суррогатный самогон

С ранением в пластмассовой груди,
Письмо царапая на мятой пачке
И размножая кляксы детским плачем,
Не видя света где-то впереди...

Но кто-то молча тронет за плечо
И выплывет магическое «если»,
И голос скажет: «Не реви, воскресни,
Бой не проигран, поживи ещё».

Колыбельная раненому

Врач не Господь Бог,
врач — это лишь врач,
он не вернёт ног...
Слышишь, не плач.

Слышишь, не плач, спи.
Спи, посмотри сон.
Видишь, по степи
едет ГАЗон?
В этом ГАЗоне ты,
среди таких же солдат...
Снова орут рты?
Снова звучит мат?

Значит опять взрыв?
Значит опять бой?
Видишь, ты снова жив!
Спи, брат, Господь с тобой...

Детство моё маринованным яблоком
падает, падает, падает...
Кто-то по луже в бумажном кораблике
плавает...

Плитка молочного шоколада —
вот и ломается крошка:
всем по квадратику — больше не надо...
Правда, «Алёнка»?

Правда, что всё неизбежно кончается?
Сказано так у прозаика.
— Складывай. Видишь, уже получается
жизни мозаика.

Плачет Таня. Мячик утонул.
Молодость прошла и муж в запое....
Танечка, не плачь, возьми отгул,
Да оставь ты этот мяч в покое,

Отдохни, ведь Агния Барто
Знать не знала о такой концовке:
Мячик, лужи, мальчик под зонтом
На пустой трамвайной остановке,

Пьяный муж и дочка на сносях,
Как пинок ногой в живот — зарплата...
Наша жизнь — несовершенна вся,
Что ж теперь рыдать? А ведь когда-то,

В детстве, было всё наоборот:
Рубль за счастье, эскимо и мячик,
Карусель, последний оборот
И напротив самый лучший мальчик.

Колени к подбородку подтянув,
макаешь в кипяток пакетик чая,
как пальцы в набежавшую волну,
в волну, она с рассветом подползает

к окну, в котором мечется зрачок
луча, но мысли путают друг друга
и по стене сползает паучок
подобием рассветного испуга.

Ты смотришь с грустью в небольшой
стакан,
в котором чай краснеет сиротливо,
и толпы сумасшедших египтян
меняют декорации к приливу.

Вечерний свет

Мои слова, завязанные в узел:
вопрос-ответ...
Я дверь прикрыл слегка и сразу сузил
вечерний свет...

Вечерний свет, разлитый по паркету
собрать не смог.
Который год погибшую планету
вращает Бог

и тихим светом, заплетённым в звенья,
в проём двери
Господь дарует нам Своё прощенье...
Нас изнутри

вседенно кто-то молча изучает
ища ответ.
И детский ангел тихо излучает
вечерний свет.

У времени взять взаиммы,
Сесть на проходящий поезд,
Сказать машинисту: «Дай мы
Поведём поезд!».

Он спросит: «Куда поведём?».
А мы ему не ответим,
В небе линию проведём
Курсивом. Отметим

Этой линией млечный путь.
Во избежание новых вех
Мы поедem куда-нибудь
Вверх.

Но вниз потянут магниты
И ангел, летящий навстречу,
Спросит: «Куда Вы летите?»
Там нет ничего...»

Картавит дорога.
На каждой кочке звучит Вертинский.
Я еду в родимое захолустье.
След от ожога
твоей помады в моей щетине
немного грустный.

Окно потеет.
Водитель шутит: «Наверно выпил
с друзьями, как водится, накануне».
В душе теплеет
и с сигареты слетает пепел,
как пух в июне.

Сон разбавляет
дорожный притор однообразный.
Я просыпаюсь от дикой жажды.
Мой взгляд цепляет
парящий в небе крестообразно
журавль бумажный.

Ремень отброшен.
Иду шатаюсь. Мелькают зебры
В глазах. Я падаю у забора.
Мой крик истошен.
Меня тошнит на родную землю —
выходит город.



Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Москвы», входит в редакторский совет медиа-группы «Интеллигент», писатель - всё это Светлана Савицкая. Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ НА КАСПИЕ МЕТАМОРФОЗЫ О МАМЕ И МОРЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

То не воздух, а чай
Из некошеных трав,
То настой фитонцидного
Душного зноя
Я приму.
И коснется плеча
Алыча.
И гранат
Перезревший
Меня успокоит.

Я бежала сюда,
Я плыла,
Я ползла
С перебитыми крыльями,
Раненой птицей,
Чтобы вновь омовенье
Свершила душа.
Чтоб как Феникс
из пепла
могла
возродиться.

Я ищу свое детство,
мой Каспий,
пойми.
И следы на песке
моей ласковой мамы,
Той, что шила мне платья
сама
из тесьмы,
Что роскошно плела кружева
для панамы.

Я не верю той притче, в которой мудрец
Из холодного храма, услышав о чуде,
Пересек полземли, чтоб мудрейший отец
Был испытан на мудрость среди пристальных
судей.
Притча та слово - в слово прошла сквозь
века:

Изловив мотылька,
вопрошал дервиш дерзкий:
- Что? Живое или мертвое в этих руках?
- Все в руках твоих, - тихо ответил мудрейший.

Разве мудрость - не верить в величие ума?
Я б другое спросила у гения мысли:
- Почему люди любят?
- Зачем им война?
- Что главнее любви?
- Есть ли смысл

у жизни?...
Те вопросы я,

море,
тебе принесла,
Не успела задать их в безоблачном детстве,
Когда вечность в спиралах ракушек цвела,
В бархат ночи вдохнув колыбельные песни.

Если люди не верят друг другу -
беда
Если люди не верят друг в друга -
проблема!
Если Богу не верят они - ерунда:
Бог в них верит,
Даря им
Пространство
и время!
Как из толщи земли
прорывается мысль,
В виде цветика малого
с пламенной жадью,
Из космических вод зарождается жизнь,
Материнское лоно покинув однажды.

Я из теплого моря взойду на песок,
Холодящую землю собой согревая.
Так рождается вновь
Человек, точно Бог,
Прошлых жизней греховных
Не помня.
Не зная.

Я училась ходить по седому песку
Полу-сладкого - полу-соленого моря,
Говорить я училась. И гнать грусть-тоску,
Я училась с ветрами на Каспии спорить.
- Мама! Мама! Смотри! - я кричала опять,
- Я умею ходить!
- Я бежать научилась!
- Я умею нырять!
- Я умею писать!
- Я умею сложнейшие складывать числа!
И любила я сказки в стихах про людей,
Про чертей
и богов,
про любовь и терпенье.
И любила я маму.
И верила ей.
И молилась святому ее вдохновенью.
Сны мои на ладонях качала волна,
Объясняя бездарность бессмысленных смыслов.

И любила я море до самого дна,
Так меня не любили, наверное, в жизни...
Я в четыре запела.
А в пять поняла,
Что могу рисовать удивительных рыбок.
Научилась я слушать.
И слышать слова.
Научилась прощать.

И не делать ошибок.
Я гнала свое детство.
И юность гнала.
Седины я ждала,
как небесного чуда!
Косяками на юг улетали года.
Мне по снегу ходить стало больно и трудно.

И полжизни прошло.
Или целая жизнь?
Пятьдесят - это все?
Иль еще половина?
И сказал тихо Каспий однажды:
- Проснись!
И позвал он меня притяжением сильным.

И опять я иду по седому песку
Полу-сладкого - полу-соленого моря,
Не по снегу иду,
отгоняя тоску,
Я иду по песку,
С притяжением спора.
- Мама! Мама! Смотри,
- постоянно шепчу,
Чтоб никто не услышал!
Не счел сумасшедшей!
- Я ...
...молчать научилась!
- Смотри!
- Я молчу!
- Я пытаюсь, как ты, стать достойной из женщин.
Я красивые притчи пишу для людей,
Для чертей и богов,
Для любви и терпенья.
Я люблю тебя, мама!
Я верю тебе!
И молюсь на святое твоё вдохновенье!
Сны у Каспия снова качает волна,
Растворив отраженье в лазоревой выси.
И люблю я мужчину до самого дна,
Так меня не любили,
наверное,
в жизни...

Перегрузки.
Гудки.
Но звонок не прошел,
Я на Каспии детство свое вспоминаю.
Позвони!
Я отвечу, что все хорошо.
Не волнуяйся.
Я здесь.
Я на море, родная!
Все в порядке со мною.
Хоть ты далеко.
Ты давно далеко.
Я уж белою стала.
Я тут вспомнила, мама, как было легко,
Если я на руках у тебя засыпала...
Не смотря ни на что, жар души не прошел,
От него еще многим придется согреться!
Позвонишь - я отвечу, что все хорошо.

Мама,
я научилась беречь твое сердце!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Рассвет переполнит волшебным сиянием
Долготерпивую жизнь.
Ты рано проснешься, и вспомнишь о маме.
И солнце встречать побежишь!

Вчера на закате казалось все серым.
И ветра утихли шаги.
Казалось, что солнца зеленое сердце
Повороты вот-вот от тоски!
А утром - смотри!
Словно песней из детства
Усилил пространственный знак,
Сегодня у солнца зеленое сердце
Заря поднимает как флаг!

Опять не везет нам, наверное, в смерти,
Хоть смейся! Зови-не зови!
Сегодня у солнца зеленое сердце
Зеленое сердце любви!

Принцессой маленькой
Четырехлетней,
Я обернусь
Легко!
Выбегу дерзко и непослушно
На берег,
Точно в большую песочницу,
Босиком!

И в ладошке
Я удержу сто ветров
Каспийских!
Сто надежд!
А воздушного змея
изрядно
Затискав,
Выпущу в горный
Лес!

Вихри
Солнечные
Веселые
крепко держа в руках,
Точно завойки,
Концами плетки
Выкручу на висках.

А потом, как когда-то
Я рассмеюсь,
Разревусь,
Разрыдаюсь,
Взорвусь!
Буду я всем сумасшедшей казаться.
Пусть!

Ты не гневайся, Каспий, милый.
 Можно, поглажу тебя?
 И не дрожи.
 Я пришла к тебе с миром,
 Ласковый мой,
 Озорной
 и мурчащий,
 Мой шаловливый
 большой,
 Настоящий
 Белый,
 Как Солнце, огненный барс!
 Белый, как Небо!
 Как свет
 За Душой!
 И широкий
 Огромный
 В сотни обхватов
 Марс!
 Запах первой твоей кукурдзы

морской
Я помню.
И запах лепешек с кунжутом
И мед добрых пчел,
Что садились на нос.
Пролетели года.
Но все это осталось
Со мной навсегда.
В черной ночи -звезды белых улиток.
Свет фонарей - по дороге -разлитый.
Маму, идущую рядом со мной.
Длинные тени,
Наверно, длиннее,
Нет ничего,
Раз они из кармашков
Светлого детства
Солнце достали
И сладкую песню.
Здесь на песке
Мамино слово
я чувствую рядом.
Мамину руку в руке.
Мама ведет меня вновь по дороге.
Мне хорошо и легко.
Мама, я помню тот вкус кукурузы.
Помню улиток.
Арбузы,
Медуз.
Белый песок и уверенность,
Что
Все,
Пока за руку ты меня держишь,
будет со мной хорошо!

Как возьму!
Как зачерпну
ковшом
пол-вселенной!
Рыбки
галактиками
так и
заплещутся в нем!
В Каспий брызгами
Выплесну!
Волю-вольную
Подарю диким звездам
за Южным Крестом!
Ветряно!
Станет душой моей
Ветряно!
И бездомно...
Бережно...
В штиль уйдет душа моя.
В штиль!
Брошу якорь туда,
где мерцает
Большая
медведица
Томно.
Боль моя
В быль уйдет,
Что космический
Солнечный ветер -
В пыль!

* * *

Острые перья чаек,
Как стрелы,
Пронзают песка
Млечность
Белою песней свободы...
Ты слышишь ее?
Нет?
Что ты?!!!
Шторы
Не затворяй
В кабинете своем,
Как шторы!
Чайки

тайну откроют тебе
Слова!
Не начертал его еще на песке?
Нет?
Черти!
То слово:
ВЕЧНОСТЬ...
Его волнами смоем.
Но...
Не беда.
Напиши его снова...
И так бесконечно.
Пусть наша жизнь быстротечна, -
Люби!
Смысл жизни
Не сможет смыть
Море.
Даже, если чайки все до одной улетят,
царапая криками воздух
хором,
в свой райский
чаечный храм,
Вскоре,
Каясь или молясь,
В одиночестве сна,
Как в соборе,
Ты...
Поймешь это сам!

Я не свободна...
Но там...
Где меня нет
Снова я есть!
Чайки
Мне накричали
Добрую весть!
ыСтала
Я понимать,
Что значит
Свобода
И честь.

Море волнуется раз -
Пустьяки!
Стерпишь!
Море волнуется два -
Дураки
Нервы
Треплют опять,
Как ветра
Паруса
В бурю...
Кровь
Нагоняет
радус
Темпера
туры!
Море волнуется три -
Что глядишь
дерзко?
Тихо.
Замри.
Я - как ты!
Я - твоя
песня!
Море уснуло у ног,
Нализавшись твоих
Пяток.
Толи сбывалась с тобой быль...
Толи сон
Сладкий...%)

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Где свивает вселенскую материнскую
нить
Светлоли-и-и-икая

Вечные скептики!
И политики!
Примите мой вызов!
Я - Свет!
Солнцеед!
И поэт!
Я - физик, сотканный сплошь
Из музыки и лирики!
Подкова солнца
Сияет мне,
Через море,
Чуть наклоненная вправо,
В своем вращении Посолонь -
Восходя вертикально
По движенью эклиптики.

Я больше скажу.
Я - русалка - Жар-птица!
И светит мне не одна звезда,
А ВСЕ звезды
Сумасшедшей галактики!
И то, что я не такая, как вы -
Практики! -
Не беда!
И знаете?
Когда-нибудь...
О! Да!
Я это вижу во времени!
Практики!
Да!
Вы сбросите маски!
Явив свои настоящие лица!
И все золото мира
Тогда
На чаше весов
Перевесить не сможет
Пера из хвоста
Той русалки -
жар-птицы!

Мама, смотри!
Я могу удивляться!
Прыгать и петь!
Веселиться!
Смеяться!
И бесконечно на солнце смотреть!
Ну а хрустальные туфельки стали
Вдруг велики!
В воду я в них,
Ты прости,
Забегала.
И потерялись они.
Это не слезы -
восторги морские
брызжут из глаз.
Принц?
Он ушел.
Улетел в свою сказку.
Туфельки?
Нет.
Ни одной не нашел.
Каспий их видно
с усердием прятал.
Крестный,
Ты знаешь его,
он ревнивец.
Сказал:
- Или он, или - принц!

Ало
Небо сияло.
Мало
Света нам было.
Слава
Лила в бокалы!
Валом
Счастье валило!
Снова

яд не допили -
Словно
Недомечтали.
Души
Недолюбили.
Слово
Не досказали!
Стали
Синими дали.
Стыло
грозы гремели.
Розы
В грязь опадали.
Ало
Щеки горели.
Луны
Злу услужили.
Пеплом
Сны догорали.
Солнце
В былях зарыли.
Стоном
Горы стонали!
Адом сердце болело.
Градом
Бури лупили.
Ало
Губы любили.
Миру
Не было дела.
Числа
в вечность уплыли.
Мыслью
Боль воссияла.
Смелость
Мы не забыли.
Бело
Вера спасала.
Небо
В снах трепетало,
В Боге
Смысл узнавая.
Ало
Жизнь начинала
Яру
Сказку сначала.

Белый рассвет
Белым цветом
над землей расцветает.
Бьется волна.
Белая чайка над морем летает.
Белое облако в мареве призрачном тает.
Мне не до сна.
Белый песок
Белые ножки мои принимает.
Белые волосы снова небрежно встряхну.
Были они также белы в четыре.
Но потемнели,
потом поседели,
ведь в мире
снова
между землею
и небом война.
Солнца дорожка,
Как меч Тамерлана
Море пронзает стрелой.
Сердце пленится
Видением снова.
Белое небо -
лишь отражение белого моря.
В мире покой.
В теплых глубинах
Гигантской белугой
Каспия сердце стучит.
В белом чашуйчатом теле
Таинственной рыбы

Белую мудрость
Хранит.
Белое облако в мареве тает.
Белая чайка над морем летает.
Бьется волна.
Белый рассвет
Белым цветом
над землей расцветает.
Мне не до сна.

Мама, с тобою бывало ль такое,
Чтобы на море
Точно во сне,
Но в сознание нормальном
Вне пониманья
Вошел в тебя сон?
Чтобы от солнца
Спускались ступени,
Как от балкона - балкон?
Облако в облако бы уходило,
Ты бы, прикованным взглядом следила
Как круговая какая-то сила
Строит ступени из снега
И неги
На небе
Круглых мерцающих облаков?
И со ступеней
Ждала ты,
как спустятся в волны
Ангелы
В море купаться,
Как в сон?
Чтобы ветра соревнуясь,
По кругу,
Возле той лестницы
Друг перед другом,
Лили на мир
Тихий звон?
Ты бы под лестницей этой стояла,
Белое солнце чтоб быстро читало
Все, что прошло до того.
Точно, сканировав, ленту былого,
Бог запускал твою душу
Для Новой
высшей работы
Светло.
И, обнулив твою память,
Как будто
Ты бы омылась
О синеву
Теплого моря,
И в ветряной выси
Небо бы мило тебе улыбнулось,
Ты бы тот час же от счастья проснулась,
Но не во сне,
Наяву.
Мама,
Скажи, сколько раз ты рождалась Белым
прекрасным китом?
Сколько судьба твоя обнулялась,
Сколько влюблялась
И огорчалась,
Перенасытившись сном?
Солнце меня пожалело,
похоже,
сняло как будто бы старую кожу,
к ней прилипали какие-то беды,
мысли какие-то, не мои...
сразу тот час же меня приделало
в новую кожу из звездчатой бездны,
будто бы я
ящерка, птичка,
лягушка,
змея,
или тритончик зеленый пузатый
с крыльями муравья!
Может быть даже, я стала
жар-птицей,
и не успела я удивиться,

Стерло видения с неба
Движеньем
Жаркого дня.
Я проснулась.
Волны упали на грудь, точно
сестры,
Ту обновленную
Новорожденную
В новых одеждах встречали меня,
Жалуясь мне,
что они только волны,
Нет у них тела
- вода лишь одна,
И, разбиваясь в рыданиях,
Слезы свои мне пытались
Выбрызнуть прямо в глаза,
Чтоб прониклось
Сердце мое
К их таинственной доле.
Чтоб непременно
пролилась слеза.
Шумно мне в уши они голосили,
Ныли
Стенали,
С собой уносили
В море мой запах,
Завидуя коже,
И волосам.
Мама, с тобою бывало ль такое,
Чтобы на море
Точно во сне,
Но в сознание нормальном
Вне понимания.
Или по снам
Чьим-то
душа бы твоя прогулялась.
В гости зашла.
Чтобы легонько рукою махнула -
лебеди б сразу жеплыли к тебе,
Ну а другой и стараться не надо -
Солнце б таинственным коловратом
Чтоб укатилось за тучи обратно,
Морем шурша...
Мама, с тобою бывало ль такое?
Чтоб оживляло видения море?
Пела бы сказкой душа?

Сны
Первые,
о любви
принимала в подарок я.
Но они уходили.
Таяли.
Потом на месяца,
На года,
Десятилетия...
Меня покидали.
И, как в награду
Снились снова они.
Падали градом.
Предвестники
Новой
Прекрасной
любви
всегда появлялись в видениях
в виде моря.
И я наслаждалась в волнах,
Проходя через все огорченья,
Потери
И страх.
Я бы могла выпить их
С горя.
Но нельзя выпить любовь,
Как нельзя выпить море!

Мама! Я вижу цвет глаз твоих в море!
Их синева исключительно -редка
Как те сапфиры, что в вольном просторе

Жгут глубиной самых ярких оттенков!
Мама, я видела, туча бурчала,
Серую морось вокруг рассыпая.
И на глаза твои тень набежала,
Пряча сапфиры под серой вуалью.
Мама! Я вижу лазурь голубая
Небом из глаз твоих льет оживленно
Песни от этого петь, улетаая,
Просится в небо душа окрыленно!
Мама! Я вижу в русалочьих волнах
Водоросли зеленеют призывно.
Как изумруды, глаза твои полны
Токов бесценной игры непрерывной.
Мама! Чернее нет ночи, чем бархат
Темных зрачков и ресниц твоих черных!
Я заглянула в их в бурю без страха!
Нет благородства того благородней!
Мама! Я вижу, как в солнечных бликах
Солнце вкруг омота светит влюбленно!
Вот и зрачков твоих омут сердитый
Точно увенчан златою короной!
Мама! Я вижу, как солнце пустыни
Белое море в себе отражает!
Добрый тот свет этих глаз синих-синих
Ангельским отблеском благословляет!
Мама, я вижу свое отражение
В зеркале моря очей твоих ясных,
В дочке и внучке найдя утешенье,
Как повторенье легенды прекрасной!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Теплых волн Белизна,
что тепло молока
материнского,
тянет к себе,
как магнитом.
Можно просто стоять и вдыхать облака,
Феромонами в нежном пространстве разлитом.
Бриллиантами россыпью блики в волнах
Скатерть моря божественно вышили снова.
А на скатерти - солнце, как сон в зеркалах,
Отражается светом стиха золотого.
Белым барсом свернется седая волна
Возле берега, где мое детство воскресло,
Я пою колыбельную.
Пусть Белизна
Насладится мелодией маминой песни.

Добрых снов тебе, море мое,
никогда
Я столь сладких мгновений не знала улады,
Как тогда,
когда
тихо ночная звезда
На волнах расцветала,
как будто бы рядом.
Когда в волны входя,
я листала все дни
Своей жизни стремительной,
как Книгу Судеб,
В той,
где люди оставили беды свои, Среди
праздников
и
утомительных буден.
Ведь из книги теперь невозможно убрать
ни проигранных дней,
ни смятений суровых.
Буду море,
тебе,
это на ночь читать,
Точно странный роман своей жизни бедовой.
В том романе гостили враги
и друзья.
И стремились вписать наставления

споря.
Я бы что-то и вычеркнула,
да нельзя,
Как не вычеркнуть разных течений из моря.

Шаль накинув,
с кистями из пены морской,
Волны,
сжежившись,
как-то тревожно и зыбко,
Рыбку сбросили с плеч нагорячий песок.
Любопытную,
Мелкую,
глупую рыбку.

Видно в стае совсем зарвалась егоза,
И забыла,
что крыльев-то нет
для азарта.
Задыхается в пене.
Таращит глаза,
И не знает,
как в море вернуться обратно.
Чешуёю сверкая,
аж больно смотреть,
Изливается вся серебристым отливом.
Но пойми же,
ведь то не свобода!
А смерть!
Вон уж чайки кружатся над новой поживой.
Вон уж мошки присели
и ждуть,
не шутя,
Чтобы жабры дышать прекратили попытки.
Ты не бойся,
я выпущу в море тебя,
Ты плыви,
только глубже плыви,
моя рыбка!
Средь людей
даже мне
не сдержать свою грусть.
И в волнах,
не тревожась убитью о камни,
Я с тобой поплыву.
И конечно вернусь.
Я еще не закончила песню
для мамы!

Шаль накинув на плечи из пены морской,
Выйду снова на берег.
Как сложно и просто
Не русалкою быть,
и не рыбкой с хвостом, -
Человеком,
мечтающим вырваться к звездам!

Воздастся пред небом по подвигу нам.
Я наивной, как рыбка, была.
Я не знала, что всю жизнь мудреца я искала
не там,
Не у тех я о тайнах святых вопрошала.
Мама,
глупую дочь не ругай,
и прости,
Ведь она за детей
и за внуков
в ответе,
Лишь сейчас поняла,
что мудрец - это ты,
Самый мудрый из всех мудрецов на планете!
Те вопросы я,
мама,
тебе принесла,
Не успела задать их в безоблачном детстве,
Когда вечность в спиралях ракушек цвела,
В бархат ночи вдохнув колыбельные песни.

Золотое перо Руси 2018 Церемония награждения

Если бы не встал вопрос мирового характера – что делать с авторским правом писателя в наше время – не было бы на пресс-конференции столь острых дебатов. Заданный залу накал проявился в искреннем выбросе эмоций председателя МГО СП РФ Владимира Бояринова, Народного артиста России, сопредседателя СП РФ Михаила Ножкина, выступлении доктора биологических наук, профессора МГУ, популярного ведущего передачи «В мире животных» Николая Дроздова, председателя студии Баталистов и маринистов при Министерстве Обороны РФ Владимира Силкина, учредителя проекта Александра Бухарова.

Вопрос, заданный залу, так и остался открытым и после приветственных писем от представителей власти, ГД ФС РФ и Федерального собрания ФС РФ место в этом безумном порядковом ряду чисел, так и место проекта Золотое перо Руси.

Оргкомитет, члены жюри и приглашенные, прибывшие с 70 разных стран на мероприятие еще задолго до начала, ощутили некое единство, некое безграничное стремление соучастия и сочувствия. Мы наблюдали откровенное братание культурных представителей планеты.

Были исполнены гимн на музыку Бисера Кирова, композиция «Это Русь» на слова обладателя Золота 2018 Янины Сысоевой, авторская песня в исполнении под фортепиано Сусанны Оганесян, и конечно несколько песен в исполнении Михаила Ножкина.

От спонсоров прибыло большое число подарков. Партнерами и спонсорами церемонии в этом году стали:

- * ГДФСРФ;
- * Совет Федерации ФС РФ;
- * Общественная палата Президента;
- * Союз писателей Российской Федерации;
- * СП РФ Московская Городская организация;
- * Культурный фонд и журнал «Моя Москва»;
- * Некоммерческое партнёрство Ассоциация распространителей печатной продукции, АРПП г. Москва;
- * Военно-художественная студия писателей при



Выступает Михаил Ножкин

Министерстве Обороны РФ, г. Москва;

- * Ассоциация саратовских писателей, г. Саратов;
- * СП Новый современник, г. Рязань;
- * Международное творческое объединение детских авторов, г. Ришон ле Цион, Израиль;
- * Фонд русской культуры в Германии;
- * ООО «Арго»;
- * МПК «Ляпка»;
- * Благотворительный фонд «Руспомощь».

Гордость друг другом, где не было первого среди равных, со-радость и ликование не закончилось награждением. Она переместилась на Красную площадь, к Нулевому километру. А затем выплеснулась, вылилась на просторы социальных сетей.

И даже не награды и дипломы, а признание собратьев по перу со всего мира так привлекло литераторов к этому проекту-долгожителю.

Ну что ж, «Король умер. Да, здравствует, король!» Мы приглашаем участников с 1 января вновь проявить активность. И будем рады встречать новых победителей 2019 года.

*Светлана Савицкая, Александр Бухаров
Все фото на странице: Юрий Машков*

Наша редакция с гордостью сообщает, что Среди прочих лауреатов были награждены и один из учредителей Медийной группы «Интеллигент» Сергей Малашко (Золотой диплом в номинации «Издания») и Главный редактор - Юлия Рудомазина (Серебряный диплом в той же номинации).



Итоги Международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси – 2018»

Оргкомитет Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» объявляет о закрытии конкурса 2018. Церемония награждения прошла 26 октября 2018 года в Центральном Доме Литераторов

Уважаемые участники конкурса!

Жюри рассмотрело с 1 января по 15 сентября 2018 года произведения более 30 тысяч представителей из 70 стран. Оргкомитет приносит извинения за отключение регистрации участников на ресурсе www.peregus.ru, связанные с большим наплывом произведений на конкурс. В этом году в жюри работало на добровольной основе более 70 человек из разных стран. Произведения пересылались членам жюри по мере поступления на электронную почту конкурса.

Итоги 2018 года в этих списках. Некоторые фамилии могут попадать в разные номинации. Внимательно ознакомьтесь со всем перечнем наград.

Партнеры и спонсоры церемонии:

- * ГДФСРФ
- * Совет Федерации ФС РФ
- * Общественная палата Президента
- * Союз писателей Российской Федерации
- * СП РФ Московская Городская организация
- * Культурный фонд и журнал «Моя Москва»
- * Некоммерческое партнёрство Ассоциация распространителей печатной продукции, АРПП гн Москва
- * Военно-художественная студия писателей при Министерстве Обороны РФ, г. Москва
- * Ассоциация саратовских писателей, г. Саратов
- * СП Новый современник, гн Рязань
- * Международное творческое объединение детских авторов, г. Ришон ле Цион, Израиль
- * Фонд русской культуры в Германии
- * ООО «Арго»
- * МПК «Ляпко»
- * Благотворительный фонд «Руспомощь»

Грамота от Депутата ГД ФС РФ

Е.А. Вторыгиной, заместителя председателя комитета по делам семьи, женщин и детей за вклад и развитие российской словесности, пропаганду литературы, развитие музейной деятельности — как одного из инновационных направлений развития библиотек:

Бухаров Александр Николаевич (г. Москва, Россия) учредитель проекта Золотое перо Руси

Савицкая Светлана Васильевна (г. Москва, Россия), писатель, соучредитель проекта Золотое перо Руси.

Бутырева Тамара Александровна (г. Балашиха, МО, Россия) заведующая детской библиотеки №2. МБУК Централизованной библиотечной системы

Покрасова Лариса Николаевна (г. Балашиха, МО Россия) Директор МБУК Централизованной библиотечной системы

Награда ООО «Трудовая доблесть» с прилагаемым к нему знаком отличия «Трудовое отличие»:

Лев Аннинский (г. Москва, Россия) литературный критик, литературовед, за многолетний высокопрофессиональный труд.

Атанас Ванчев де Траси (г. Париж, Франция) за многолетний личный вклад переводчика.

Берлин Тамара (г. Киев, Украина) за многолетнюю работу по организации литературных конкурсов для молодежи.

Юдин Валерий Иванович (г. Москва, Россия) доктор политических наук, за вклад в культурную жизнь страны.

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ УЧРЕДИТЕЛЯ ПРОЕКТА АЛЕКСАНДРА БУХАРОВА (с предлагающимися к нему медалями):

МЕДАЛИ им. Л.Н. Толстого «За воспитание, обучение, просвещение»:

Вильфрид Холцапфель (г. Эрлингхаузен, Германия) за развитие творческих связей между Россией и Германией.

Мартин Леон (г. Райнбах, Германия) за редакторскую обработку переводов стихов авторов из России.

Франц Кизель (г. Гютерсло, Германия) за финансовую поддержку русскоязычного конкурса в Германии «Сказка сегодня», и многолетнюю творческую надежную дружбу с проектом «Золотое перо Руси».

Томас Фишер (г. Гютерсло, Германия), председатель Форума «Русская Культура» За многогранную творческую деятельность во имя сближения народов.

Фрида Байер (г. Стадталлендорф, Германия) за развитие творческих связей между Россией и Германией.

Татьяна Окоменюк (Германия, Франкфурт-на-Майне) за популяризацию духовных ценностей и высокое художественное мастерство детских книг из серии «Современные авторы – детям САД» (Татарстан): «Сокровища викингов» и «Два Робики».

Круть Яна Алексеевна (г. Рыбинск, Ярославская обл.) за популяризацию современной литературы приобщение детей к чтению.

Карлюкевич Александр Николаевич (г. Минск, Беларусь) министр информации республики.

Медаль «М.В. Ломоносов. За заслуги. Слава русскому народу»

Генрих (Геннадий) Дик (г. Оерлигхаузен, Германия) за многогранную издательскую и литературную деятельность во имя сближения народов.

Наталья Сляднева (г. Гомель, Беларусь) за многогранную издательскую и литературную деятельность во имя сближения народов русского и белорусского.

Анна Ашотовна Барсегян (г. Екатеринбург, Россия) за многогранную литературную деятельность во имя сближения народов русского и армянского.

Николай Куляпов (г. Нижний Новгород, Россия) за произведение «Ода русскому языку».

Логонов Дмитрий Юрьевич (г. Челябинск, Россия) за ряд фундаментальных исторических книг: «Калитины», «Генерал Калитин. Страницы жизни», «Генерал Калитин».

Светлана Бурашникова (г. Удмуртская республика, Россия) за произведение «Мы русские».

Вторыгина Елена Андреевна (г. Архангельск, Россия) Депутат ГД ФС РФ от Архангельской обл. заместитель председателя комитета по делам семьи, женщин и детей.

Довыденко Лидия Владимировна (г. Калининград, Россия) главный редактор журнала «Берега».

Медаль «За заслуги в культуре и искусстве»

Агнес Госсен-Гизбрехт (г. Бонн, Германия) за перевод стихов русских авторов на немецкий язык.

Юрий Семёнович Риссенберг (литературный псевдоним — Юрий Берг) (г. Рюссельсхайм, земля Гессен, Германия) за многолетнюю популяризацию русского языка и высокое художественное мастерство стихосложения и фотографии.

Атанас Ванчев де Траси (г. Париж, Франция) за развитие многолетних надежных творческих связей между Россией и Францией «Института им. Солензара».

Ксения Захарова-Воловик (г. Будапешт, Венгрия) за развитие многолетних надежных творческих связей между Россией и Венгрией.

Гинзбург Филипп Борисович (г. Санкт-Петербург, Россия) за Альбом «Марафон» — мировая инструментальная музыка.

Чжан Хунбо (г. Пекин, Китай) Генеральный директор Китайского общества по коллективному управлению авторскими правами на литературные произведения.

Диплом «За верное служение отечественной литературе с вручением медали «55 лет СП РФ МГО»

Сергей Рябов (г. Москва, Россия) главный редактор журнала «Инженер и промышленник сегодня»

Вера Болдычева (г. Москва, Россия) главный редактор журнала «Моя Москва»

Наталья Сляднева (г. Гомель, Беларусь) главный редактор журнала «Эколог и Я»

Сергей Малашко (г. Магадан, Россия) главный редактор газеты «Интеллигент – Магадан»

Татьяна Окоменюк (г. Франкфурт-на-Майне, Германия) руководитель проекта «Лучшая книга года»

Марина Суворова (г. Москва, Россия) главный редактор журнала «Вестник АРГО»

Людмила Крыжановская (г. Херсон, Украина) за многогранную литературную деятельность во имя сближения народов русского и украинского

Вадим Исаакович Глузман (г. Бремен, Германия) за многогранную литературную деятельность во имя сближения народов русского и немецкого

Сергей Щеглов (г. Красноярск, Россия) главный редактор издания «Красноярское воскресенье»

Гинзбург Анна Витальевна (Россия, Санкт-Петербург) главный редактор интернет-журнала «ТАКТ»

**Медаль «Ф.М. Достоевский.
За красоту, гуманизм, справедливость»:**

Мухамед Аль Ахмад (г. Дамаск, Сирия) Министр Культуры Сирии, за укрепление культурных связей между Сирией и Россией.

Саир Зайнеддин (г. Дамаск, Сирия), заместитель министра культуры Сирии, за укрепление культурных связей между Сирией и Россией.

Алекс Амирян (г. Шарлот, Северная Каролина, США) за железные принципы и негибаемый характер в своих произведениях.

Медаль Александра Суворова « За вклад в патриотические традиции Отечества»

Суворова Марина Николаевна (г. Москва, Россия) за организацию и продюсирование патриотических акций в рамках Движения «За сбережение народа».

ПОБЕДИТЕЛИ И ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ – 2018»

Звания «**ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ**» с вручением сертификата и «Знака особого отличия «**ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ**» из чистого золота с пробой;

Звания «**СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ**» с вручением сертификата и «Знака особого отличия «**СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ**» из чистого серебра с пробой, а также звания «**ЗОЛОТОЙ ЛАУРЕАТ**» Национальной литературной премии **ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2018**» с вручением уникальной статуэтки Кузнецовского фарфора;

Звания «**СЕРЕБРЯНЫЙ ЛАУРЕАТ** «Национальной литературной премии **ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2018**» с вручением специального диплома, а также специальных тематических дипломов от учредителей и спонсоров удостоены:

Номинация ПРОЗА:

Обладатели золотых и серебряных знаков:

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 204

Козлов Юрий Вильямович (г. Москва, Россия) за роман «Враждебный портной»

Золотые лауреаты:

Наталья Вареник (г. Киев, Украина) за книгу «На волоске от всеобщего хаоса» с предисловием М. И. Ножкина.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 174

Пономарёв Александр Анатольевич (г. Липецк, Россия) за произведение «Охота на призрак».

Серебрянные лауреаты (диплом):

Ирина Александровна Прищепова (пос. Байкал, Россия) за эссе «Байкал во льдах»

Номинация ИЗДАНИЯ

(курирует номинацию АРПП):

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 203

Русакова Елена Васильевна (г. Москва, Россия) редактор издания «Роман-газета» за высокое художественное мастерство выпускаемой прозы, истинным народным признанием и в связи с 90-летием качества журнала.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 166

Переплеснин Михаил Вилорьевич (г. Москва, Россия) главный редактор журнала «Туркменистан»

Сертификат соответствия № 171

Сейид Хосейн Табатабаний (г. Тегеран, Иран) главный редактор электронного журнала «Караван».

Золотые лауреаты:

Аврутин Анатолий Юрьевич (г. Минск, Беларусь) главный редактор издания «Новая Немига литературная»

Байбородин Анатолий Григорьевич (г. Иркутск, Россия) главный редактор журнала «Сибирь»

Эльвира Поздняя (г. Вильнюс, Литва)

альманах «Ступени».

Сергей Малашко (г. Магадан, Россия) за издание «Интеллигент-Магадан».

Белова Татьяна Владимировна (г. Минск, Беларусь) издательство «Белова Групп»

Аскарров Джалал Рауфович (г. Баку, Азербайджан) директор журнала «BOUTIQUE BAKU»

Серебрянные лауреаты (дипломы):

Йосси Верди (Франция) за рассказ «Апельсиновое солнце».

София Привис-Никитина (г. Таллинн, Эстония) за повести и рассказы в двухтомнике «О любви».

Михаил Спивак (г. Виннипег, Канада) за роман «Дебошир».

Юлия Рудомазина (г. Санкт-Петербург) за издание «Интеллигент».

Непомнящий Николай Николаевич (г. Москва, Россия) за серию справочников «100 великих», серия «Исторический путеводитель», серия «Величайшие тайны мира» и др. издания.

Елена Ромашкина (г. Москва, Россия) ведущая рубрики «Смелость жить соло» журнала «ТАКТ»

Александра Бутор (г. Минск, Беларусь) ведущая рубрики «Киношкола» журнала «ТАКТ»

Олеся Соболев (Дубровских) (г. Санкт-Петербург, Россия) ведущая рубрики «В зрительном зале» журнала «ТАКТ»

Дарья Сорокова (г. Санкт-Петербург, Россия) ведущая рубрики «Образование и воспитание детей» журнала «ТАКТ»

Анна Янчилина (г. Минск, Беларусь) ведущая рубрики «Советы стилиста и имиджмейкера» журнала «ТАКТ»

Александр Липинский (г. Санкт-Петербург, Россия) ведущий рубрики «Как стать звездой» журнала «ТАКТ»

Ольга Сверчкова (г. Санкт-Петербург, Россия) ведущая рубрики «Адвокат спешит на помощь» журнала «ТАКТ»

Номинация ДУХОВНОСТЬ

*диплом им. Бисера Кирова
Медаль «Святой Благоверный
Великий Князь Александр Невский»*

Вареник Наталья Владимировна (г. Киев, Украина) за духовность произведений и общественную деятельность.

Шаронов Владимир Владимирович (г. Гомель, Беларусь) за книгу «Белый халат обязывает. Публицистические размышления о миссии врача».

Воловик Олег Евгеньевич (г. Будапешт, Венгрия) за развитие многолетних надежных творческих связей между Россией и Венгрией.

Чернов Вениамин Константинович (Возрушин) г. Киров, Россия) за повесть «1471 год. поход на Сарай Берке столицу Золотой (большой) Орды — спасение и освобождение Руси!», «Битва при Калке — вековая наша боль-память!» и «Евпатий Коловрат!»

Тюняев Андрей Александрович (г. Москва, Россия) за серию книг о истории славянства.

Вадим Исаакович Глужман (г. Бремен, Германия) за многогранную литературную деятельность

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 203

Маммадова Сария Ага Маммад (г. Баку, Азербайджан) автор более 140 научных трудов, 2 авторских свидетельств, 7 рационализаторских предложений. Награждена за утонченность нравственной позиции книги «О смысле жизни».

Номинация ОЧЕРК:

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 207

Нина Шадури-Зардалишвили (г. Тбилиси, Грузия) за высокое художественное мастерство книги о Высоцком.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 170

Смирнов Геннадий Викторович (г. Москва, Россия) за ряд очерков о России.

Золотые лауреаты:

Бланк Борис Лейбович (г. Москва, Россия) Советский и российский художник, кинорежиссёр, актёр и сценарист. Президент гильдии художников кино и телевидения Союза кинематографистов России. Главный художник Театра киноактёра. Народный художник РСФСР, за книгу «Ва Бланк».

Михаил Пеккер (Техас, США) за серию занятных очерков о наших за границей.

Серебрянные лауреаты (дипломы):

Эдуард Семенов (г. Москва, Россия) за произведение «Личный подарок Сталина»

Костамо Вера Юрьевна (г. Москва, Россия) за произведение «Арктика. Архипелаг Земля Франца-Иосифа»

Крекер Ирен (г. Кенцинген, Германия) за произведение «Игорь Доминич. Незавершённая строка»

Номинация ПОЭЗИЯ:

Диплом Михаила Ножкина:

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 210

Сысоева Янина Владимировна (г. Москва, Россия) за произведение «Это Русь»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 175

Николай Николаев (г. Тула, Россия) за книгу поэзии «Водяной дракон»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 180

Кузнецов Сергей Викторович (г. Москва, Россия) за произведение «Посвящение друзьям»

Золотые лауреаты (Кузнецовский фарфор):

Людмила Гонtareва (г. Краснодар, ЛНР) за произведение «Эти умныема-

льчики».

Руслан Пивоваров (Новомосковск, Украина) за цикл лирических стихов.

Севрюгина Елена (г. Мытищи, МО, Россия) за произведение «Башня, томящаяся во мне»

Серебрянные лауреаты (дипломы):

Андрей Стерхов (Беларусь) за произведение «Провинция».

Рубен Артемов (г. Москва, Россия) за книгу «Рубины Рубена».

Елена Шеремет (г. Вильнюс, Литва) за произведение «Льдин расколотых на реке вереницы»

Марсель Салимов (Мар. Салим) (г. Уфа, Башкортостан, Россия) за произведение «Многоязычный башкир».

Марина Крутова (г. Тверь, Россия) за произведение «Антоновка»

Ольга Запольских (г. Кострома, Россия) за произведение «По-за доном все травы — полынь»

Леонтьева Светлана Геннадьевна (г. Нижний Новгород) за подборку стихов «Говорящий город».

Номинация ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ:

ДИПЛОМ ДМИТРИЯ

САБЛИНА, Депутата ГД ФС РФ со спецподарком.

Сергей Стукало (г. Санкт-Петербург, Россия) за высокий литературный уровень целого ряда патриотических романов, верность военной теме, гражданскую позицию и личное мужество.

ПОЧЕТНЫЙ диплом им. А.Т. Твардовского от Военно-художественной студии писателей.

Олег Посметный (Кировская обл., Россия) за военно-патриотические произведения.

Бескровный Олег Александрович (г. Киев, Украина) за великолепные тексты военных песен об Афганистане и Востоке.

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 208

Ходаковский Игорь Анатольевич (г. Москва, Россия) за повесть «Паша Колокольчиков»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 169

Тимошев Рафаэль Миргалиевич (г. Москва, Россия), генерал-лейтенант, за поэму «Лермонтов».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 179
Дорогань Олег Иванович (г. Смоленск, Россия) за стихи о Твардовском и Теркине.

Золотые лауреаты (Кузнецовский фарфор):

Молодняков Сергей Александрович (г. Москва, Россия) за произведение «Записки юного синоптика».

Серебрянные лауреаты (дипломы):

Марина Сливко (г. Могилев, Беларусь) за военно-патриотические стихи.

Рымарев Сергей Павлович (г. Санкт-Петербург) за подборку стихотворений.

Виктор Зуев (г. Улан-Уде, Россия) за верность военно-патриотической теме.

Каланов Николай Александрович (г. Москва, Россия) за книгу «Афоризмы и цитаты о море и морях»

Номинация СКАЗКА:

Золотые лауреаты:

Алекс Ершов (Удовиков Александр Александрович) (г. Харьков, Украина) за произведение «Подсолнух».

Петренко Александр Викторович (псевдоним – Александр Ралот) (г. Краснодар, Россия) за произведение «Кот поэтессы. Мушинная история»

Карлюкевич Александр Николаевич (г. Минск, Беларусь) за книгу «Шибуршун и его друзья»

Номинация ЮМОР:

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 176
Леонид Лещинский (г. Акко, Израиль) за серию пародий.

Золотые лауреаты (Кузнецовский фарфор):

Бэлла Эриван (г. Ереван, Армения) за произведение «Как армяне невесту искали».

Серебрянные лауреаты:

Михась Слива (Ковалев Михаил Митрофанович) (г. Рогачев, Гомельская обл., Беларусь) за подборку юмористических произведений.

Алексей Новгородов (г. Москва, Россия) за произведение «Отложенный гол»

Колмогорова Наталья Ивановна (Ст. Клявлино, Самарская обл., Россия)

за произведение «Депрессия»

Номинация ЭКОЛОГИЯ Дипломы Н.Н. Дроздова (со встроенной медалью):

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 205
Пашинян Рубен Эдуардович (г. Ереван, Армения) за высокое художественное мастерство и стиль журнала «Армения туристическая»

Золотые лауреаты (Кузнецовский фарфор):

Вячеслав Смолдырев (г. Киев, Украина) за произведение «Фантазер».

Серебрянные лауреаты (дипломы Н.Н. Дроздова):

Маслов Виктор Александрович (г. Москва, Россия) за произведение «Диалог из будущего»

ДИПЛОМ Н.Н. ДРОЗДОВА со встроенной медалью №1. Лучшая библиотека РОССИИ

Бутырева Тамара Александровна (г. Балашиха, МО, Россия) Заведующая Детской Библиотеки №2 Библиотека МБУК «ЦБС») за великолепный, уникальный, рабочий и востребованный школьниками и педагогами проект музей экологической сказки функционирующий в течение 10 лет.

Номинация ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ:

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 201

Вашкевич Николай Николаевич (г. Москва, Россия) арабист, военный переводчик, к.ф.н. за серию книг «Этимологические словари», «Системные языки мозга».

ДИПЛОМ ИМ. ШЕКСПИРА (медаль встроена в диплом):

Марианне Кириш (г. Леопольдсхойе, Германия) за высокое художественное мастерство переводов русских текстов на немецкий язык.

Хазван Аль Фаз (г. Дамаск, Сирия) Министр Образования Сирии за высокое художественное мастерство переводов русских текстов на арабский язык.

Махмуд Абелуахед (г. Дамаск, Сирия) Советник Министра Культуры Сирии за высокое художественное мастерство переводов русских текстов на арабский язык.

Николай Тимохин (г. Семей, Казахстан) за переводы с английского сонетов Дж. Китса и Шекспира.

Эмзар Квитаишвили, автор, чьи стихи переводил Евгений Евтушенко (г. Тбилиси, Грузия) за виртуозные переводы А. Пушкина, А. Блока, Б. Пастернака, В. Маяковского.

Римма Лютая (г. Воронеж, Россия) за перевод с английского произведения Джорджа Макдоналда «Карачун».

Нефедьев Георгий Владимирович (г. Москва, Россия) председатель РОИПА за книгу «Окно из Европы. К 80-летию Жоржа Нива»

Жуков Андрей Вячеславович (г. Москва, Россия) к.и.н. соавтор ряда популярных фильмов по теме «Запретные темы истории» за книгу «Запрещенные коллекции или загадки Древней Америки»

Рукшин Сергей Евгеньевич (г. Санкт-Петербург, Россия) педагог и переводчик, воспитавший 90 призеров и победителей международных олимпиад, профессор РГПУ им. Герцена. Учитель Григория Перельмана и Станислава Смирнова.

Камаль Баллан (г. Дамаск, Сирия) за высокий уровень произведений.

Номинация ДЕТСКАЯ:

Серебрянные лауреаты (дипломы):

Лина Вара (г. Монс, Бельгия) за рассказ «Дедушка».

Светлана Лосева (г. Рязань, Россия) за подборку детских стихов.

Ксения Валаханович (г. Минск, Беларусь) за подборку детских стихов.

Шубная Любовь Федоровна () за цикл детских стихов.

Андрей Сердюк (г. Бердянск, Украина) за цикл стихотворений.

Номинация МУЗЫКАЛЬНАЯ: ДИПЛОМ им. Риммы Казаковой со встроенной медалью:

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 200

Глузман Вадим Исаакович (г. Бремен, Германия) за цикл песен о России

Золотые лауреаты:

Анна Ашотовна Барсегян (г. Екатеринбург, Россия) за песню о Каме.

Корнатовский Константин Викторович (г. Чита, Россия) за песню «Вальс любви».

Леонид Воробьев (г. Москва, Россия) за музыкальное сопровождение на слова Янины Сысоевой «Это Русь».

Архипцев Борис (г. Коломна, Россия) за музыкальность переводов

Тюняев Андрей Александрович (г. Москва, Россия) за авторские стихи, великолепно оформленные музыкальным видео.

Серебрянные лауреаты:

Сусанна Оганесян (г. Ереван, Армения) за теплоту и нежность авторских песен.

Сергей Каширин (г. Москва, Россия) за великолепное исполнение песни Янины Сысоевой и Леонида Воробьева «Это Русь»

Василий Акимов (г. Москва, Россия) за великолепное исполнение песни Янины Сысоевой и Леонида Воробьева «Это Русь»

Владислав Сенчилло (г. Москва, Россия) за великолепное исполнение песни Янины Сысоевой и Леонида Воробьева «Это Русь»

Сергей Тягнирядно (г. Киев, Украина) за великолепное исполнение песни Янины Сысоевой и Леонида Воробьева «Это Русь»

Ксения Бузина (г. Москва, Россия) за великолепное исполнение песни Янины Сысоевой и Леонида Воробьева «Это Русь»

Федосов Михаил Леонидович (г. Москва, Россия) за ряд патристических песен.

Дмитрий Евгеньевич Милованов (Москва, Россия) за ряд патристических песен.

Крашенинников Анатолий Вячеславович (г. Красноярск, Россия) за особую музыкальность прочтения своих стихов.

Номинация ТЕЛЕ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 202

Лепко Виктория Владимировна (г. Москва, Россия) Заслуженная артистка России, за образцово-грамотную речь на экране и за книгу стихов «Вчерашние стихи».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 172

Денис Старк (Харьков, Украина) за литературный киносценарий «Последняя электричка».

Золотые лауреаты:

Халимон Валентина Владимировна (г. Остин, США) за серию великолепных видео-репортажей о путешествиях по Америке, Африке и России.

Асов Ярослав Александрович (г. Геленджик, Россия) за ряд фильмов по истории славянства.

Номинация ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ:

Золотые лауреаты:

Чурканова Елена Сергеевна (Дорис) (г. Тбилиси, Грузия) руководитель научного общества изучения древностей «Колхидская роза» за духовный поиск наследия предков.

Шапошников Михаил Борисович (г. Москва, Россия) заведующий Музеем Серебряного века («Дом В.Я. Брюсова»)

Малышевский Петр Викторович (г. Ростов-на-Дону, Россия) за электронный проект «Цифровой народный кластер «Русь космическая»»

Дядюшенко Владимир Стефанович (г. Ростов-на-Дону, Россия) за электронный проект «Русское Космическое Общество — РКО»

Чжан Хунбо (г. Пекин, Китай) Генеральный директор Китайского общества по коллективному управлению авторскими правами на литературные произведения.

Серебрянные лауреаты:

Евгения Романова (г. Санкт-Петербург, Россия) канд. наук, востоковед, за просветительскую работу и популяризацию русской литературы в библиотеках.

Номинация МАЛАЯ РОДИНА

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 177

Малиновский Валерий Мечиславович (п. Ключи Усть-Камчатского района Камчатской области, Россия) за произведение «Ближе к зиме».

Серебрянные лауреаты (дипломы):

Дорогов Геннадий Николаевич (г. Кемерово, Россия) за венок сонетов «Слова».

Номинация ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 206

Асов Александр Игоревич (г. Геленджик, Россия) за книги «Русские веды», «Книга Велеса» и более 100 книг по истории славянства.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 168

Буслаев Алексей Елисеевич (г. Россия) за произведение «Велесова книга и все, все, все».

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 173

Шигин Владимир (г. Севастополь, Россия) за книгу «Севастополь, город русской славы»

СЕРЕБРЯНОЕ ПЕРО РУСИ

Сертификат соответствия № 178

Тулаев Павел Владимирович (г. Москва, Россия) за книгу «Судьба русской Тавриды. История освоения Крыма от древности до наших дней».

Золотые лауреаты (Кузнецовский фарфор):

Диденко Валерий Дмитриевич (г. Москва, Россия) за выдающийся вклад в развитие славянской культуры.

Серебрянные лауреаты:

Подъяпольский Алексей Григорьевич (г. Москва, Россия) за книгу «Открытие Атлантиды»

Арушанов Сергей Зармаилович (г. Москва, Россия) за книгу «Невидимый Египет. Тайные лица священных писаний»

ЗОЛОТАЯ СОВА

(За самую умную публикацию)

Котов Денис Алексеевич (г. Санкт-Петербург, Россия) основатель и совладелец книжной сети «Буквоед» — одной из крупнейших в России и самой крупной на Северо-Западе (более 150 магазинов, более 2-тысяч сотрудников, 2 млн посещений в месяц). Награждается за создание «Парка Культуры и чтения» (нового формата Развития) и за выдающийся вклад в просвещение, духовное и душевное Развитие Народа.

Иноземцев Алексей Борисович (г. Москва, Россия) автор произведения «Учебник осознания Призвания».

Рукшин Сергей Евгеньевич (г. Санкт-Петербург, Россия) педагог, воспитавший 90 призеров и победителей международных олимпиад, профессор РГПУ им. Герцена. Учитель Григория Перельмана и Станислава Смирнова.

БЛАГОДАРНОСТИ от УЧРЕДИТЕЛЕЙ ПРОЕКТА Национальная литературная премия Золотое Перо Руси АЛЕКСАНДРА БУХАРОВА и СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ «За вклад в мировую культуру» с вручением специальных подарков:

Театральная группа «Free Still» под руководством Татьяны Класснер (Германия).

Вальдемар Шульц (г. Кальв, Германия) за участие в международных литературных проектах.

Лео Гимельзон (г. Мюнхен, Германия) за активное творческое участие и многолетнюю поддержку нашего проекта.

Коллектив «Биржи обмена книг», (г. Эрлингхаузен, Германия) за развитие творческих связей между Россией и Германией.

Бутырева Тамара Александровна (г. Балашиха, МО, Россия) за популяризацию современной литературы и

приобщение детей к чтению.

Писанюк Светлана Рудольфовна (г. Балашиха, МО, Россия) за популяризацию современной литературы и приобщение детей к чтению.

Преображенская Татьяна Борисовна (г. Балашиха, МО, Россия) за популяризацию современной литературы и приобщение детей к чтению.

Леонид Брайловский (г. Ришон-ле-Цион, Израиль) за популяризацию современной литературы и приобщение детей к чтению.

Майзельс Илья Михайлович (г. Рязань, Россия) за популяризацию современной литературы.

Нам есть, с чем работать **Послесловие к церемонии**

26 октября прошла церемония награждения Национальной литературной Премии «Золотое Перо - 2018». Мне посчастливилось побывать там и даже принять одну из наград в номинации «Издания». Я, наверное, не найду верных и не избитых слов, чтобы описать свои впечатления и эмоции от великолепного события. Церемония была неожиданно уютной, чему во многом способствовали и малый зал Клуба Писателей ЦДЛ, в котором живёт добрый дух эдакого старомодного писательства, и прекрасные, увлеченные своим делом, и умеющие эту увлеченность передать, учредители и члены жюри премии. Спасибо им за это!

И вот, вместе с восторженными эмоциями и яркими воспоминаниями, мне уже не одну неделю не даёт покоя, неоднократно высказанная и в ходе пресс-конференции, и в выступлениях некоторых лауреатов, весьма пессимистичная мысль, в которую мне хочется добавить малую каплю позитива. Обобщенно проблему, на мой взгляд, можно выразить двумя словами: упадок культуры. Упадок культуры чтения, культуры творчества, понимания искусства, культуры в целом, в первую очередь среди молодого поколения, предпочитающее уже набившие оскомину «гаджеты» книгам.

И, казалось бы, всё так и есть: очередной эпизод популярного сериала обсуждается больше, чем все книги, выпущенные за последние несколько лет, вместе взятые; про театр мы слышим в основном в связи со скандалами и уголовными процессами; о современной поэзии не известно вообще ничего, но, стоит только зайти в Интернет, и мы узнаем всё о выходящих компьютерных играх... Но...

Но... Сейчас у нас почти неограниченный доступ к информации, появилось множество видов разно-

образных развлечений. Теперь вовсе необязательно читать книги, выписывать «толстые» журналы, обсуждать прочитанное, чтобы просто развлечь себя, отвлечь от рутины. Но, сколько людей, действительно ценящих искусство, понимающих его, всегда было? Я не очень оптимистичный человек, но, мне кажется, что примерно столько же, сколько и было. Всегда было что-то «на потеху публике», и что-то, что пережило века. Но сейчас потешает публику другое. Давайте верить, в то, что мы делаем то, что переживёт, если не века, то нас. И давайте это делать.

С другой стороны - люди пишут. И пишут много. Пишут хорошо, очень хорошо, плохо, просто ужасно, но пишут. И, для меня, в первую очередь, это заметно в том же Интернете. Люди находят пространства той или иной степени серьёзности, для публикации своего творчества (даже не на специализированных ресурсах). Там можно издать книгу (без «бумажного носителя»), купить книгу (и любом носителе), там можно получить комментарии и «минуту славы». Люди пишут, много пишут. Это значит, что интерес к литературе есть. И задача литературных журналов, и нашего издания, в том числе, и таких премий как «Золотое перо Руси», - дать им площадку для публикации, поощрить выдающихся авторов, их творчество. И, я не очень оптимистичный человек, но мне хочется порадоваться за то, что есть кому эту площадку давать, и хочется верить, что писать не перестанут. И это так здорово, что нам есть, с чем работать. Так давайте работать!

Юлия Рудомазина

Культурный мост России и Сирии

Сирия на арабском звучит, как Сурия. А Россия, как Русия. Достаточно переставить слоги, чтобы понять, что слова эти практически идентичны. Тот же самый эффект - со словами Москва (Масква) и Дамаск. Случайное ли это совпадение? Кажется ли нам, или принципы соблюдения нашими народами основных законов построения общества и нравственности и впрямь совпадают, как и стремления изучать культуру друг друга, от древней до современной.

Все мы помним учебник «Истории древнего мира» за 5 класс с изображением Древней Пальмиры. Все мы любим сказки о древних колдунах Магриба «Тысячи и одной ночи», хоть мы и не носители арабского. Но и число людей говорящих на арабском языке, и его вариантах, составляет около 240 миллионов!

Современные политические события снова сблизили Москву и Дамаск. Арабский мир с неизменным интересом читает классиков русской литературы, уже переведенных на арабский - Достоевского, Чехова, Толстого. Не менее востребованы и современные авторы.

У НАС СЕНСАЦИЯ!!! КОЛЛЕГИ!!!

АВТОРЫ этого года для перевода подбирались очень тщательно. Это очень солидная команда, в которой нам выпала честь быть представленными в Сирии Лицом мировой современной литературы.

Министерство культуры Сирии дает возможность выпускать книги русскоязычных литераторов, наравне с переведенными на арабский авторами европейских стран и писателей Америки.

Так, только за 2017 года ими было выпущено и продано 200 книг из 40 стран иностранных авторов в Сирии. Регулярно жители Сирии знакомятся с переводами русскоязычных писателей через 12 местных литературных журналов. Наиболее популярным из русских книг в 2017 году стал военно-исторический роман «Балканы» писателя Светланы Савицкой, изданный при министерстве культуры Сирии и рекомендованный для чтения по всем странам арабского мира, в том числе Египте, Ираке, Аравии и др. странах, в т.ч. в наших союзных республиках, знающих фарси. Тираж его моментально разошелся.

Поэтому министерство по Культуре Сирии города Дамаск обратилось с просьбой к учредителям проекта «Золотое перо Руси» рекомендовать для перевода в 2018 году три сборника рассказов современных авторов России и три романа с целью перевода на арабский язык и распространению русской культуры в арабском мире. Также по одному литератору из Украины, Беларуси, Германии и Греции.

Оргкомитет связался с издательствами и авторами с целью поддержания инициативы наших арабских коллег для укрепления культурного моста дружбы.

В план переводов Министерства Культуры Сирии 2018 года официально вошли:

РОМАНЫ:

Дмитрий Миропольский. Исторический роман «Тайна трех государей». Обладатель Золотого пера Руси 2017 г. Город Санкт-Петербург. (автор рекомендован издательством КОМСОМОЛЬ-

СКАЯПРАВДА). Лидер продаж Комсомольской правды.

Максим Замшев. Роман «Весна для репортера». Главный редактор газеты «Литературная газета». Обладатель Золотого пера Руси 2009 г. г. Москва.

(автор рекомендован издательствам ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА). Лидер продаж АСТ.

Сергей Лукьяненко. «Ночной дозор». Фантастика. Обладатель Золотого пера Руси 2008 г. г. Москва.

(автор рекомендован издательством ХРЕСТОМАТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ). Лидер продаж АСТ.

СБОРНИКИ:

Сборник рассказов «Душа болит». Михаил Кизилев, главный редактор издательства «Смена». Обладатель Золотого пера Руси 2016 г.

(автор рекомендован издательством СМЕНА). Лидер продаж Смена. г. Москва.

Сборник 130 притч «Крылатый бык». Светлана Савицкая. Обладатель Золотого пера Руси 2000 г.

(автор рекомендован издательством ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗОЛОТОГО ПЕРА). Лидер продаж Эксмо. г. Москва.

Сборник рассказов. Роман Михеенков. Обладатель Золотого пера Руси 2017 г.

(автор рекомендован издательством НОВЫЙ СОВРЕМЕННИК). Лидер продаж Эксмо. г. Москва.

БЕЛАРУСЬ:

Роман «Майор Ветров». Николай Чергинев. Председатель Союза писателей Беларуси. Обладатель Золотого пера Руси 2016 г.

(автор рекомендован издательствами Беларуси). Лидер продаж жанра детективов и военных романов. Г. Минск.

УКРАИНА:

Сборник рассказов «Белобережье». Людмила Крыжановская. Украина. г. Херсон. Обладатель Серебряного пера Руси 2008 г.

(автор рекомендован издательством ХРЕСТОМАТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ).

ГРЕЦИЯ:

Сборник рассказов «Почем грамм счастья?». Ирина Цотадзе (псевдоним Ирина Анастасиади). Обладатель Серебряного пера Руси 2016 г. Греция. Г. Афины.

(автор рекомендована издательством «9 муз»). Лидер продаж издательства 9 муз.

ГЕРМАНИЯ:

Сборник рассказов «Шляпный юбилей». Генрих Дик. Германия. Г. Орлингхаузен. Обладатель Золотого пера Руси 2012 г.

(автор рекомендован издательством «Немцы из России») Лидер продаж издательства Немцы из России.

Оргкомитет проекта Золотое перо Руси



Санкт-Петербург

Юлия Рудомазина



Родилась и почти всю жизнь живёт в Ленинграде/Санкт-Петербурге. Неоднократно публиковалась в изданиях «Интеллигента» и дружественных изданиях. Бессменный вебмастер сайтов (а их сменилось уже три) проекта «Интеллигент». С осени 2018 года - главный редактор Международной медийной груп-пы «Интеллигент».

Основное направление в творчестве - верлибр, как вид поэзии, относительно свободный от давления формы.

Наибольшее влияние на становление стиля и формы произведений оказали как американские авторы: Керуак, Гинзберг, Бротиган, Буковски, так и, разумеется, классики русскоязычного верлибра: Михаил Кузмин, Владимир Бурич, Геннадий Айги. Также творчество в духе времени аккумулирует явления современной культуры, печатной, визуальной, музыкальной, в попытке на их основе создать что-то новое.

Sometimes I feel like screaming

Снег - это, конечно, очень красиво
И так традиционно для нашего времени суток
Но очень холодно, - я совсем не чувствую ног

Улица перестала звучать, ей сказали,
Что ты никогда не ходил по ней
И не будешь ходить никогда

Свет фонарей этой ночью похож на троллейбус,
А воздух - вкуса цветного картона,
Наверное, красного, а, может, и синего

Где-то на этой улице обронено и навсегда утрачено
Чувство реальности, здравого вымысла
И прочей ориентации на местности

Стены... это так принято - строить дома из стен,
Чтобы не впускать в них улицы.
Но те пролезают сквозь москитную сетку

Улицы следят на обоях тенью деревьев
Душат деревьями, словно руками
Говорят, это называется ночным апноэ

Но я знаю, что это беззвучная улица
Ищет хоть что-нибудь, чтобы разбить тишину
Всё, что я могу, - нажимать на "гереат" снова и снова...

Печальная песня (Из недописанного цикла)

Что-то разбилось
Почти неслышно
Так оглушительно, что Город
Чуть не проснулся,

Тревожно вздохнул,
Перевернулся на другой бок
И продолжил спать.

забился в угол,
съёжился как червячок
чёрно-белый человечек.
тихонько всхлипнул,
попытался поудобнее закутаться
в старенькое одеялко,
чтобы никто-никто его не нашёл,
ни одна бука,
ни одно чудище-чудовище.

Город лениво ворочается во сне
Весь этот Город, все его стены,
Кривые деревья,
Все его улицы, фонари и прохожие,
Они такие
Большие и страшные,
Жёсткие...

Холодно
В каждом тёмном углу сидит по Буке,
За каждым кустом притихло Чудовище.
Никто-никто не защитит от них.

чёрно-белый человечек отчаянно зажмурился, -
если буку не видишь, она ничего не сделает
надо только плотно-плотно подоткнуть одеялко,
крепко-крепко закрыть глазки,
и ни за что-никогда не открывать их.
надо просто дожидаться утра
утром будет светло и совсем-совсем не страшно.

Только нельзя засыпать, -

Во сне ждёт Чудище,
Чудище-Чудовище,
Цепкое, пластилиновое
Не отпустит,
Не даст ни закричать,
Ни проснуться...
И снова,
И снова,
И сно
ва,
И
сно
о-
ва...

пока не очнётся
чёрно-белый человечек
на смятой простынке,
со сбитым одеялком,
один-одинёшенек
в тёмной комнатке,
где в углу,
под столом,
на стуле,
в шкафу и за шкафом
по страшной буке,
а до утра
ещё так
далеко

Allons-y
(Из недописанного цикла)

Наверное, каждый, хотя бы иногда, хочет поверить в нелинейность времени
Поверить, что можно измерить бескрайнюю вечность от середины к концу и до начала
Стать причастным к чему-то просторнее и живее, чем ежедневно изношенные векторы
Вдруг

Оказаться

Вырванным

Из нор-

Маль-

Н-

ого

Потока

Прикоснуться к другому, к всеобъемлющему, к необъятному, к беспощадному, к дышащему;
Взглянуть в само Время, увидеть его вдох и выдох, созидание и разрушение во всей полноте;
Увидеть струи, струны, завитки возможного и невероятного, будущего и несбудущего;
Увидеть, как встретятся персонажи костюмных драм и герои научной фантастики;
Как над всем мирозданием нависнет угроза, предотвратить которую можешь... да-да, только ты.
Никто не скажет тебе спасибо, никто не узнает даже, в какой они были страшной опасности,

А ты будешь помнить

А ты будешь выше

И их суета

Сразу станет ненужной

Разве важна теперь

Их каждодневность,

Когда есть воздух,

И звёзды, и Время,

Подвластное и неприступное?

Когда рядом есть он, способный переломить через колено весь космос, взорвать пару солнц,

Пробежать по горизонту событий и разметать все чёрные дыры, если будет необходимо.

Вопреки всем законам и гравитациям.

Чтобы так было, нужно всего лишь найти единственного в своём роде правильного доктора.

Просто нужно всё время прислушиваться, и однажды, посреди совершенно обычной улицы,

услышать,

Что он уже здесь... Слышишь?

* * * *

Слышишь?

Эта песня о неволе и свободе.

Её звуки сливаются с чистым снегом,

Искрящимся в лучах неопознанных солнц из неизвестной науке галактики,

Открытой два тысячелетия спустя древними археологами, чьи имена давно позабыты.

Пока Вселенная поёт эту песню, пространство и время пересесть так же просто,

Как тайно пробраться из Кардиффа в Лондон,

По пути спасти мир и успеть домой к чаю,

Привычно минуя все похороны,

Не оплакав утрат,

Даже не смазав ссадины йодом

(Как всегда, само заживёт),

Привычно смирившись с тем, что можно

Всё потерять: и планеты, и звёзды, и чёрные дыры,

И прошлое, и будущее, своё и всех тех, кто был рядом.

Ведь Время бесстрастно

Время безжалостно

К людям, мирам и своим повелителям.

Время всеведуще -

Оно точно знает,

Что Вселенная и Вечность должны быть оплачены.

Оно точно знает,

Кого ждёт Судный День

И кто отдаст внука единокровного,

Ради привычной размеренной жизни

Людей и их внуков,

Инопланетного снега,

Галактик, сверхновых,

Научной фантастики.

Ради восхода всех мыслимых солнц,

Ради заката могучих империй,

Ради смертного и обречённого...

...Слышишь?

Вселенная

Поёт

Тебе колыбельную,

Пока, нетвёрдо шагая,

Ты идёшь до последней двери

Песня закончится,

Как и всё остальное,

В этой,

И в прошлой,

И в следующей,

И в параллельной.

А пока ты идёшь,

И повторяешь только одно

Слово, имеющее силу и смысл

...

Вперёд!

Фиолетовый звук.
(The Dark Side of the Moon)

За фиолетовым звуком
Притаился огонь
И пусть на мокром асфальте
Тысячи ног
В ясную полночь
Обрушится небо
Нас накроет Луна
Своей тенью
Теплом своим темнота
Нас согреет
И Город примет в объятия
Фиолетовый звук

Черновик

Разбросаны черновики
Закорючки на бумаге
Чёрные буковки на снегу
Обрывки, окурки
Отрывки от слов
Будто играешь в «Балду»:
Буквы те же и слово — вот оно
Но не тот порядок — Нету слова
Кончилось
Слово
И Слова не было

Были следы на снегу
Словно птички прошли
Неизученной
Древнегреческовой клинописью
Записали стихи
Воробьиною мовою
Где слово не нужно
Язык не понадобится (можете его вырвать)
Только читайте
Пока не проехал трактор
Всепоощающий трактор
Ретрактор Дивера
Дистрактор Харрингтона
Хантингтона
Плутона
Полутона
Здесь пятитонный работает снайпер
Так что не прыгайте
Читайте
Снежное чувство
Слушайте лес
Смотрите северный ветер
Вот вам стихи

Вот древнее-древнее дерево
Оно знает музыку
Оно Бога ведает
Бородатого, цепкого,
Бога земного
Из коры из магмы
Из сока карельской берёзы
Из стопудового дуба
Из самого-самого детства
Из непомнятых первых праобразов
Прилюдей
Празапахов
Празвуков
Пращуров
Ящеров
Айнуров

Вот здесь будет текст
Вот тут стихи будут
Чёрной пастой написаны
Закорючки на клетчатом снегу
(Птицы, помните?)
Пока черновик
Он потеряется потом... когда-нибудь.

НИЧЕГО (рождественская поэма)

Слова

Молот

Первое слово здесь будет «молот».

Вы представляете?
Вы уже представляете?
Как он опускается.
Силу удара.
Треснувшее изображение.
Дрогнувшее то, что вы почему-то
Называете мирозданием.

Вы уже слышите
Звук?

Звук удара
Молота.

Дело, действительно, в звуке
И только в звуке.
Слышите?

МО-ЛОТ
МО-ЛЛЛОТ

И, таким образом, второе слово будет

Колокол

Второе слово здесь будет «колокол».

Колокол.
Не колокольчик
Не малиновый, не перезвон
Не набат.

Ровный
Бой
Четкие
Интервалы
Ко
Ло
Кол

Ко
Ло
Колл
С этим звуком
(Дело, действительно, в звуке?)
Люди поднимают голову,
Поднимаются со своих мест
(Вы уже поднялись?)
Вы уже поняли?
Зачем здесь колокол).

Люди идут вслед за этим
КОЛ-ЛОЛ-КОЛЛ
ОЛЛ-ОЛЛЛ

Куда-то в метель
За треснувшие декорации
За надорванный занавес
Там, быть может,
Их ждёт
Третье
Слово.

Слово.

Третье слово здесь будет «слово»

Написанное на стене
На Квэнья или Синдарине,
На галлифрейской,
На Чёрном наречии,
Или на придуманном гэльском
Неважно.

Если раньше нам можно было
Играть со звуком,
То от третьего слова есть
Только лишь начертание,
Только графический ключ
Как имя артиста, известного ранее

И будет оно означать,
(Это слово)

Ни много ни мало
Оптимистическое
Ничего.

Самое главное
В жизни

Вселенной
И прочая, прочая
И все-все-все

Noel

Вечером
Снег будет камнем падать,
Мокрый
Будет налипать на крышах,
На ветках,
На шапках,
Ботинках,
Трамваях
На ратуше и на церкви

Местом действия, пожалуй, будет город
(Там же есть ратуша и трамвай),
Старый немецкий, может быть, датский,
И почему бы не шведский,
Ну или очень и очень британский.

Разумеется, там будет памятник
Непосредственно в центре,
Королю, мореплавателю
Или какому-нибудь банкиру
До нелепого величественный
И очень высокий.
Снег покрывает его,
Как и всех смертных,
Противно приликая к лицу.

А у памятника, у постамента
Без шапки,
С припорошёнными волосами,
С мокрым лицом,
(Это талый снег или слезы?)
Стоит девочка с гитарой.

Замерзла
Пальцы скованны холодом,
И аккорды берутся всё хуже и хуже.
Но всё равно:
Никто не слышит
Ни ноты, ни звука
Никто и не хочет слушать
Мальчик,
Для которого
Есть её песня,
Сидит в тёплом доме
С чашкой какао
Или в шумном трактире
В обнимку с весёлой
Продажной девкой
Или, быть может, сгинул
В дальней-предальной стране.
А, может, и не было его вовсе
И девочки нет.

Есть большие-большие сугробы
На главной площади
Рядом с ратушей
Вокруг памятника
Около церкви.

И песни никакой нет,
Слышен только
Церковный колокол,
Отбивающий
Ровно.

Девочка Джинни

Хорошая девочка Джинни
Смотрит в окно
Смотрит, как мальчик
Пишет на стене
Дома напротив
Слово-Которое-Нельзя
(Определённо, несносный мальчишка,
Приносящий столько проблем
Несчастным родственникам).
Улыбается девочка Джинни
И морщит веснушчатый носик
Думает Джинни:

«Какая дерзкая наглость
И вздорная невоспитанность!
Ну и что, что глаза голубые,
Волосы непослушные,
И свежий пластырь на лбу
Это не повод быть таким
Возмутительным!»
И отчего-то ей весело
И, одновременно, тоскливо.

Джинни берёт гитару
И извлекает пару умелых аккордов
Джинни мечтает,
Мечтает, что мальчик
Обернётся и посмотрит на её окно
И, непременно, заметит, и
Тогда наверняка...

Хорошая девочка Джинни
Любит конфеты и лёгкий рок
И каждый год с нетерпением
Ждёт Рождества

Мальчик курит,
Каждый вечер проводит в пабе
Он любит текилу, футбол
И девочку Джинни
Он никогда не получал подарков
На Рождество.

Джинни играет на гитаре
Боем и перебором,
Придумывает мелодию
О том, как бывает,
Весело и, одновременно, тоскливо,
Когда мальчик
Рисует на стене
Слово-Которое-Нельзя-Прочитать.

От струн и от её пальцев
Рождается звук.

Девочка Джинни выходит на улицу
Конечно, без шапки
И без перчаток
С аппетитом вдыхает
Вкусный морозящий воздух
На старый город
Медленно
Падают
Снег

Кузнец

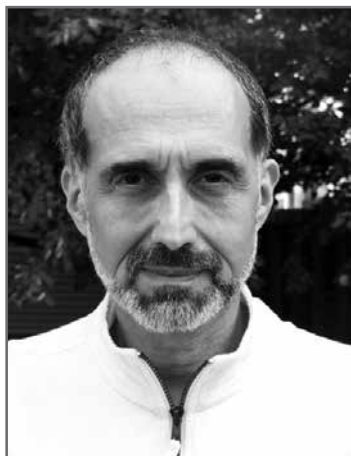
Поутру
Он проснулся
Протёр глаза
Довольно зевнул
Сейчас
Прямо сейчас он поднимется
Натянет носки
Сварит кофе и взглянет на мир
Скажет он
«Сегодня будет метель»
Рассмеётся разздорнейшим смехом

Есть у него сила в руках,
Чтобы раздуть огонь в горне,
Чтобы поднять молот
Тяжко опустить его
На послушно и звонко
Отзывающийся металл

С каждым тяжелым громким ударом
Молота в кузнице
Будут являться
Окна и стены,
Город и площадь,
Памятник, снег,
Возможно, что даже и маленькие трамваи.

Так и случится
Всё это возникнет
Как только
поднимется он

США



Семён Каминский

Прозаик, журналист. Родился в 1954 году в городе Днепрпетровске. Образование высшее техническое и среднее музыкальное. Публиковался в России, Украине, США, Канаде, Израиле, Германии, Финляндии, Дании, Латвии (в «Литературной газете», в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS», «Зинзивер» и мн. др.). Лауреат премий журналов «Дети Ра» (2011), «Северная Аврора» (2012), «Сура» (2012). Автор четырёх книг прозы.

Живёт в Чикаго (США).

Отрава

— ...Я тобі так скажу, Вѣниамину Сѣргіювичу... Треба бигты у сѣрэдыни, — часто говорил Веньке старший аппаратчик Петро Гнатюк, — тому, що пѣрэдних быють по морди, а задних — по сраци...

Вообще-то Венька занимал в цеху должность сменного мастера, и, по идее, наставлять рабочих должен был он. Но пока что уму-разуму учили его: он приехал на химкомбинат по распределению, после института, всего полгода назад и ни черта в рабочих делах не смыслил (и не жаждал осмыслить, мечтая уехать как можно скорее), а все двенадцать его подчинённых проработали здесь по много лет, уверенно теряя на вредном производстве зубы и волосы. Гнатюк, самый старший, лет сорока, казался Веньке совсем старым — со своей гладко отполированной двадцатью годами производственного стажа головой, под неизменной чёрной кепкой, полупустым ртом и маленькими бледно-голубыми глазками, прямо-таки наполненными хитростью... Ну просто вылитый весёлый пиратский боцман! Даже перекинутый через его правое плечо ремень сумки с противогазом казался перевязью острой пиратской шпаги. На самом же деле, по-настоящему острым был гнатюковский язык — говорил он на русско-украинском суржики, как и большинство в этих местах, но всё-таки более на украинском, чем остальные. Жил Гнатюк в далёком от химкомбината посёлке и на каждую смену по три с половиной часа добирался раздолбанной вонючей электричкой: работы, тем более так хорошо оплачиваемой, как на химическом производстве, в его родном посёлке не было, вот и приходилось ездить далеко. Этот разговорчивый боцман в основном и наставлял Веньку во время дежурств, обучая всяким цеховым и житейским премудростям, а Венька молча слушал.

И все остальные в сменной бригаде относились к молодому мастеру замечательно. Беспорядочно бородатый начальник смены Николай Петрович (за глаза называемый попросту Бородой) зазывал Веньку к себе в кабинетик, «на чай»: в ночные смены это значило — на полстакана спирта с половинкой яблока вместо закуски. Лаборантки Нина и Оксана, симпатичные молодухи, но уставшие от жизни с пьющими мужьями, предлагали ему домашнего борща, разогретого на лабораторных печах. А беспечные операторы Лёнька и Славка — опять же, в долгие ночные смены — отправляли его спать за приборные щиты: «Мы, Вениамин Сергеевич, привычные, а вы пойдите, прикорните там, на лавке, полчаса». И на узкой твёрдой лавке, под ровный тяжёлый гул и шипение пневматических самописцев и манометров, Венька проваливался в беспокойный, но всё равно такой вкусный молодой сон — иногда и на два, и на три часа... Ребята, впрочем, не забывали разбудить «начальника» вовремя, чтоб не выглядел заспанным к утру, к концу смены, когда настоящее, цеховое начальство начинает шастать по аппаратным.

Работа была не тяжёлая по сравнению с другими производствами, но очень вредная и опасная, если что-то начинало подтекать (за что платили большие надбавки, давали бесплатное молоко и шла выслуга лет): в цеху стояло ещё трофейное немецкое оборудование, целиком завезённое после войны, и давным-давно миновали все разумные сроки его эксплуатации, а используемые вещества относились к классу сильных и когда-то боевых отравляющих веществ. Поэтому главная задача у всех была одна — потихоньку выполняя план, не взлететь на воздух и не отравиться. К этому вполне подходили гнатюковские сентенции о «беге в середине»...

А ещё Веньке нравилась Людка. Она тоже была старше его, лет на пять, и тоже работала аппаратчицей одного из отделений цеха. У неё имелись смуглый высокий чистый лобик с неглубокими мыслями, красивые каштановые волосы — под

обязательной косынкой, муж и дочка, а также незаконченное образование в ПТУ и какая-то своя полудеревенская-полугородская жизнь в доме у свекрови. Нельзя сказать, чтобы Венька много про неё думал, да и поговорить, в общем, не часто удавалось, разве когда приходилось заменять её напарницу по отделению. Однако его будоражила полоска её простых голубых или белых трусов, выглядывающая иногда при наклонах к вентилям и заглушкам на небольшом плотном ладненьком теле – в промежутке между синими опрятными рабочими штанами и короткой курточкой.

Однажды Веньку совсем бес попутал. Ему опять пришлось подменять беременную Людкину напарницу, Варю, которая, едва выйдя в вечернюю смену, закричала, заохала... Сообщили Вариному мужу – и на комбинатовской административной машине помчали её в роддом. Венька остался в отделении, помогать. Сначала они вдвоём долго болтали в щитовой, чересчур ярко, как сцена, освещённой люминесцентными лампами, раз в час заполняя журналы наблюдений за процессом. Потом пили чай (что было совершенно запрещено на рабочем месте). Потом Людка начала с ним кокетничать («Мне наши девки говорят, мол, что это к тебе молоденький мастер зачастил? А я им: да что вы болтаете...»). А потом Венька притянул Людку к себе и начал жадно целовать... даже самому было неясно, как это он вдруг на такое решился, прямо затрясло его. Губы у неё были... замечательные... немного в душистом вазелине... наверно, намазала перед сменой, из-за сухого воздуха в цеху. Венька оторвался от неё только тогда, когда почувствовал привкус крови, – это у Людки губа треснула от такого его рвения. Она, впрочем, тоже целовалась очень настырно, со вкусом, и на колени к нему сразу же пересела. Ранку промокнула платочком – и опять целоваться. Потом отстранилась, держится снизу живота и говорит:

– У меня всё разболелось... хватит... – и опять целоваться.

И так, наверно, целый час. Теперь уже и Венька почувствовал, что всё болит. Тут Людка от него отпорхнула, отсела подальше, поправила косынку, курточку и давай делать вид, что заполняет журнал показаний – пора уже. Хорошо, что ещё никто из смены в аппаратную не зашёл: борода, например, очень любил неожиданно появляться. Венька через несколько минут опять надумал сунуться, но Людка свою противогазную сумку схватила и – в цех: надо что-то и там проверить, скоро конец смены.

Распаренный Венька – за ней. Обходя отделение, они с Людкой вышли на крышу.

В небе над комбинатом и близкой рекой громоздились клубни подсвеченных снизу густых дымов, невообразимых оттенков рыжего цвета.

– Красиво... – сказал Венька, всё ещё переживая своё возбуждённо-лирическое состояние.

– Ага, красиво... – повторила Людка. – Только это отходы сбрасывают... к ночи – пока инспекция не видит... и под выходной день – потому что пробы воздуха не берут. А потом вся эта дрянь на город идёт... Пошли отсюда.

Назад вернулись – уже сменички пришли. Венька стал нехотя с ними разговаривать о чём-то производственном, а у самого вид... Нет, нет, я – здоров, просто, видите ли, здесь, в щитовой, несколько жарковато.

Всё главное случилось в следующую смену, поздно вечером, прямёхонько на полу за приборными щитами, на подстеленных зимних спечовках из грубой, шершаво-колючей ткани. И хотя в аппаратную Людкиного отделения вроде никто и не заходил, Венька почувствовал, что смена всё-таки что-то про них знает: выражение физиономий, что ли, у всех было какое-то необычное. А Гнатьок, сидя на лавке в мужской бытовке (после душа, абсолютно голый, но уже в кепке), стал

долго и смачно рассказывать целую басню про то, как в молодости помногу и подолгу любил деревенских девушек в стогу сена... и как это сено пахнет... и как колется в неподходящий момент... Впрочем, Гнатьок – известный болтун, и, возможно, Веньке с перепугу что-то особенное просто показалось?

Долго рассуждать ему об этом не пришлось, потому что на завтра, в 20:43, случилась авария. Лопнул трубопровод на громаде серой китоподобной ёмкости с самым ядовитым в цеху газом, мерзко заорали датчики, зашкалили стрелки – сначала в Людкиной щитовой, а потом – и в центральной. Людка была на месте беды первой, натянула противогаз и ручную стала останавливать насосы, не надеясь на хилое дистанционное управление. Венькиного руководства и помощи никто, конечно, не ждал, все вроде бы сами знали, что делать и что не делать, и к ёмкости сбежалась целая группа хоботообразных во главе с Бородой. Гнатьюка, правда, не было видно, но он, наверно, был занят в другом отделении. Венька же, после вчерашнего события, был полон дурной энергии и, незаметно для себя, выпендривался перед Людкой, поэтому активно и совсем неосторожно лез помогать в самое пекло.

Утечка была серьёзная, и долго ничего не могли поправить, – судя по всему, случилось именно то, чего давно уже ждали и молча боялись. Пришлось начать полную остановку процесса, а повреждённый трубопровод принялись бинтовать, как раненую конечность. Непроницаемый белый туман с невинным запахом прелого сена ловко переползал из одного отсека в другой. Старых фильтров в противогазах хватало только на пятнадцать минут, нужно было выбегать из зоны аварии, чтобы поменять противогазные коробки на запасные, из хранилища, но Венька не сразу это понял, да и запах поначалу не казался ему страшным – даже напоминал что-то беззаботное, детское, летнее... Когда трубу забинтовали и туман начал рассеиваться, в цеху уже работала целая аварийная команда, съезжалось всё начальство – и цеховое, и из управления комбината. Ночью у Веньки сильно болела голова, а следующим утром, уже в комнате ИТРовского общежития, начались сильная тошнота, озноб и рвота. Отравление... заводская больница... неделя капельниц и уколов.

«Вам, молодой человек, повезло, отравление не тяжелое, всё у вас пройдёт».

«Вас же учили, что нужно соблюдать технику безопасности? Вы же расписывались в журнале инструктажа?».

«Я ж тебе казав: треба бигты у сэрэдыни...».

Оказалось, что и Людка надышалась, но намного сильнее, и в больнице ей лежать долго-долго. У неё началось осложнение – серьёзная лёгочная болячка, и неизвестно, чем это закончится. Венька всё думал-думал пойти её проведать, да так и не решился... неудобно как-то. Муж, говорили, по несколько раз в день к ней в палату бегают, очень переживает и дочку приводит.

В общем, может, это и хорошо, что Людки не было тогда, когда пришло на Веньку долгожданное открепление из Москвы и бригада провожала его домой. борода ворошил, естественно, бороду, Нина и Оксана напоследок прикармливали какими-то домашними вкусоностями, Лёнька и Славка шутили и фамиллярно хлопали по плечам – он уже для них почти не начальник. Гнатьок, сняв кепку и привычно погладив лысину, опять не преминул напомнить свою науку.

И побежала дальше молодая Венькина жизнь, но, похоже, осталась бродить в организме какая-то не выявленная врачами отравка, потому что ещё много лет спустя запах скошенной травы и сена будет остро мучить его в городских скверах и парках и, особенно, в загородных поездках, вызывая тошноту, тревогу и отчаяние, вместо желания вдохнуть, как говорится в песнях и стихах, этот зов полей полной грудью.



Михаил Этельзон

Родился в 1959 г. в Виннице. С 1977 по 1989 учился и работал в Ленинграде. Окончил Ленинградский политехнический институт и Московский институт патентной экспертизы. Печатался в многочисленных периодических изданиях в России, Канаде, Англии и США: в журналах «Арион», «Новый журнал», «Нева», «День и ночь» и др. Автор трёх поэтических книг. Живёт в Нью-Йорке.

А ты где служил...

А ты где служил? А ты где служил? А ты где служил?
Повторял опять, повторял опять, повторял опять... на
обрубки ног, на обрубки рук он рубил сложил...

а я оборачивался, оборачивался, оборачивался...
смотрел, как одной левой,
да, одной левой, потому что больше нечем,
он крутит поочередно то правое,
то левое колесо инвалидной коляски...
свой обрубок – навстречу проходим...
и повторяет: а ты где служил...
я оборачивался, как на свое прошлое – тоже
покалеченное...

Брось, о чем ты...
нелепость, глупость,
при чем тут твоё прошлое?
А ты где служил?
Что ты ему ответил?
Что ты ему можешь ответить?
Под Одессой?
На сборах два месяца? Заткнись.
Не моя страна, не моя война, не моя вина... А вокруг
Невский, солнце, праздник...

Не в рифму?
Зачем рифма, какая рифма к “инвалид без ног и руки”?
Нет такой рифмы.
Без размера?
Зачем размер, когда в нем от макушки до...
До чего?! Там были ноги...
Ты его замерь!
Человек – это звучит гордо?
Ты его видел?!
Без рифмы, без размера, без звука...
Потому что они все кончились, прекратились, исчезли,
схлопнулись в черную дыру этого обрубка на Невском...
Весь Невский, весь город на моих глазах втягивался и
исчезал в этой дыре...
И я оборачивался, оборачивался, оборачивался...
Не моя страна,
не моя война,
не моя вина...

Это спектакль! Их собирали по всей стране и привезли
сюда для сбора денег...
Это бизнес, понимаешь?
А форма, десантная? – Одеди!
А погоны? – Нацепили!
А ордена? – Купили!
А ноги?

НОГИ? – Отрезали?!

Лох, они не воевали, это просто инвалиды после аварий
на фабриках, в шахтах, по пьянке...
А взгляд? – Их накачали! Напоили! Накурили!
Ты не понимаешь, как делают бизнес?!
“А ты где служил, а ты где служил, а ты где служил...”
Отвожу глаза, ухожу... И оборачиваюсь...
Нет, не понимаю...

Не моя страна,
не моя война,
не моя вина...

А если ты не прав. Если хотя бы один
из этих четырех обрубков,
кусков мяса, уже недочеловеков –
и не обрывай меня! –
ОТТУДА?

Оборачиваюсь, оборачиваюсь...

Он удаляется и должен уменьшаться в размерах,
он обязан превратиться в точку и исчезнуть...
Почему он растёт, уже закрыв собой Казанский собор,
и продолжает расти...
И еще трое, которым повезло больше – у них обе руки, –
растут, заслоняя собой Адмиралтейство, Зимний
и Спас-на-Крови...
Я понимаю, уйдут, когда-то они исчезнут с Невского,
перестав мозолить глаза, напоминать...
и все станет красиво, как было, ничего лишнего...
Их забудут, и можно будет начать новую войну...
Неважно, настоящие ли они, откуда их привезли,
и кто их нарядил. Пусть стоят, пусть напоминают,
ведь пока они стоят, пока напоминают...

Эээ... парень, ну что ты, что ты?..
стареешь – сентиментален, мокрые глаза...
Ну что тебе до них?
Хочешь стать соляным столбом?
Не смотри назад... Не оборачивайся...
ты уже в Боинге, ты уже над океаном...
успокойся – коньяк, кофе, журналы...
скоро посадка...
Далеко позади Невский, инвалиды и Казанский собор,
сам так похожий на огромного инвалида
в грязно-серой защитного цвета форме,
обрубленного по пояс, протягивающего руки
к прохожим на Невском...

Не твоя страна,
не твоя война,
не твоя вина...



Александр Габриэль

Родился в Минске, по образованию инженер-теплоэнергетик. В 1997 году эмигрировал в США с женой и сыном. Живет под Бостоном (штат Массачусетс), занимается тестированием программного обеспечения. Стихи активно пишет с 2004 года. Дважды лауреат поэтического конкурса «Заблудившийся Трамвай» им. Н. Гумилева (2007 и 2009 гг.), обладатель Золотого Пера Руси в поэтической номинации 2008 года. Автор двух книг.

Похороны по-нью-орлеански

...а воздух горяч и тесен,
как жаркий гриппозный бред.
В печальнейшей из процессов
намешаны тьма и свет.

Уйдите подальше, леди,
сжимая полоску губ,
от яростных всхлипов меди
из ярких, как солнце, труб.

Кривитесь, солдатик стойкий,
туземный обряд кляня...
Чернеют костюмы-тройки
на белом наброске дня.

В конце той дороги – яма,
крестов однотипных ряд...
Танцует Большая Мама.
Лишь слезы в глазах горят.

И вы не считайте пошлым,
греховным и напоказ
уменьше прощаться с прошлым
под нью-орлеанский джаз.

Бостонский блюз

Вровень с землей –
заката клубничный мусс.
Восемь часов по-местному.

Вход в метро.
Лето висит на городе ниткой бус...
Мелочь в потерятой шляпе.

Плакат Монро.
Грустный хозяин шляпы играет блюз.

Мимо течет небрежный прохожий люд;
сполох чужого хохота. Инь и Ян...
Рядом. Мне надо – рядом. На пять минут
стать эпицентром сотни луизиан.
Я не гурман, но мне не к лицу фастфуд.

Мама, мне тошно; мама, мне путь открыт
только в края, где счастье сошло на ноль...
Пальцы на грифе “Фендера” ест артрит;
не потому ль гитары земная боль
полнит горячий воздух на Summer Street?!

Ты Би Би Кинг сегодня. Ты Бадди Гай.
Черная кожа. Черное пламя глаз.
Как это все же страшно – увидеть край...
Быстро темнеет в этот вечерний час.
На тебе денег, brother.
Играй.
Играй.

Из окна второго этажа

Ветрено. Дождливо. Неприкаянно.
Вечер стянут вязкой пеленой.
И играют в Авеля и Каина
холод с календарною весной.
Ни на йоту значимей не делаю
ни дома, ни землю, ни людей,
морось кокаиновая белая
заползает в ноздри площадей.
Небо над землей в полёте бреющем
проплывает, тучами дрожа...
И глядит поэт на это зрелище
из окна второго этажа.
По вселенным недоступным странствуя,
он воссоздает в своем мире
время, совмещенное пространственно
с шариковой ручкою в руке.
И болят без меры раной колотой
беды, что случились на веку...
Дождь пронзает стены. Входит в комнату.
И кристаллизуется в строку.

Тюбик

Он к ней приходит не слишком часто;
ну что поделать, не может чаще.
А в ванной – тюбик с зубною пастой,
ему два года принадлежащий.
Когда он где-то – невыносимо.
И жизнь чернеет, как Хиросима.
Она – как робот. Ее Азимов
с нее и пишет свои законы.
Ее глаза – как глаза иконы.
Его любовь – словно код Симсима.

Ему открыты ее пенаты;
она и речка, и переправа...
А он – женатый. Совсем женатый.
Хотя об этом не стоит, право.
Ей больно думать: с чужим-то мужем!
Но быть одной многократно хуже.
Иначе – темень. Иначе – стужа
в соседстве с Цвейгом и Грэмом Гринном.
Весь свет окрестный сошелся клином
на нем. Ей больше никто не нужен.

Они читают одних поэтов,
не любя танцы и папиросы.
И нет у них никаких ответов
на заковыристые вопросы.
Слегка помялась его рубашка.
Его ждет дома дочурка Машка.
Сказать, что всё это рай – натяжка,
и это будет звучать манерно.
Но без него ей настолько скверно,
что даже думать об этом тяжко.
Цветочки в вазе. Дивана мягкость.

Конфет вчерашних сухая сладость...
Она давно отучилась плакать,
ведь слёзы – слабость.

Нельзя, чтоб слабость.
В колонках тихо играет Брубек.
Зубная паста. Всё тот же тюбик.
Они в чужие дома не вхожи.
Их нет в театре, в кино и в клубе.
Зато она его очень любит.
И он ее очень любит.
Тоже.

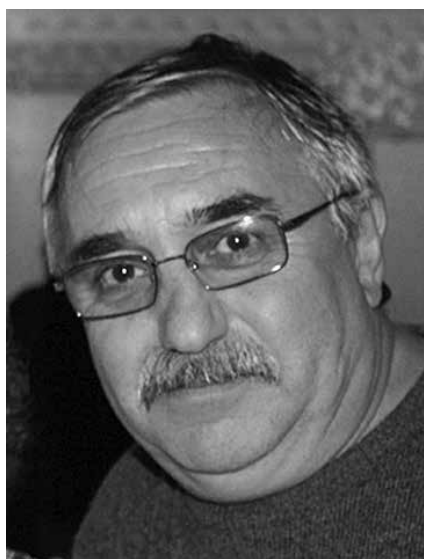
Любовь поэта

Он был влюблён. Влюблен в Неё
душой горячее и нетленной.
Забыл футбол, кино, йо-йо,
светился, жил в другой Вселенной.
Бродил у речки, у ольхи,
с надеждой уравнивал печали
и начал сочинять стихи
бессонно-звездными ночами.
Сверкал жемчужно легкий слог,
был каждый звук хрустящ и лаком...
В гробах заволаговались Блок
и Заболоцкий с Пастернаком.
А он пронзал стихами тьму –
да так, что восхищались боги.
Любовь торила путь ему
и освещала все дороги.
В доме любимой, как всегда,
безгрешно стыл диван из плюша...
Она давно сказала “да”.
А он не слышал.
И не слушал.

Нестыковочка

Мы словно планер братьев Райт,
ушедший в первый пробный рейд:
моя твоя не понимает;
твоя моя не разумеет.
И не стереть досады с лиц,
и нет пути ни вверх, ни вниз,
хоть бейся лбом, упавши ниц,
хоть повторяй слезливо: “Please!”
Как головою ни тряси,
нам ни о чем не говорит
ни твой изысканный фарси,
ни мой безжизненный санскрит.
Мы не проходим этот тест;
уже пора рубить сплеча...
Театр. Мимика и жест.
И не дозваться толмача.
Все планы – наперекосяк,
пускай другой идет на Вы.
Моя твоя совсем никак.
Твоя моя совсем увы.

Алекс Щегловитов



Писать начал давно, но преимущественно в стол. Немногочисленные публикации в харьковских областных газетах в счет не идут. Творчество в большей степени представлено в сети Интернета. С 1992г. Живу в США. В России вышли два коллективных сборника: «Облако в стихах» (2002г) и «Стихия I» (2004г), сборники стихов «В созвездии рака» (2008г), «Целая жизнь» (2016г) и «Пролог» (2017г) Двукратный Лауреат (второе место) Международного литературного конкурса «Пушкинская Лира» в 2016 и 2017 годах. Член Литературного клуба Нью-Йорка и член Клуба русских писателей. Публикации в русскоязычной прессе Нью-Йорка, Белгородском многопрофильном журнале «Звонница», англоязычном magazine «Poems of the World». Родился и вырос в Харькове, Украина.

**ВСЕГО ТРИ СПИЧКИ,
ЧТОБ ДОЖИТЬ ДО ЛЕТА**

Паркет скрипит. Сверчок на антресолях...
Из-под обоев старые газеты...
Листки календаря февраль мусолит,
И не желает наступленья лета.

Я весь промёрз. В углах ютятся тени.
Погасла печь. Ловлю тепло губами...
Февраль лютует, кровожадный гений...
Но нЕчего во мне уже убавить.

Огонь свечи- маяк переживаний,
Всего три спички, чтоб дожить до лета.
Душа в холодном теле на диване,
Да крошки от надкушенной галеты.

**Я РАД, ВЫ
ИЗЛЕЧИЛИСЬ ОТ МЕНЯ**

Я рад, Вы излечились от меня.
А я, все так-же, безнадежно болен,
Размениваю чувства у менял,
И вновь зову на помощь силу воли.

Я рад, что улыбаетесь другим,
Что можете смеяться, как и прежде.
Вернулось всё на старые круги,
В безмолвие сомнительной надежды...

Я рад, что память, множа пустоту,
Мне сохранила абрис Ваш в тумане.
Срывает осень жёлтую листву,
Ещё не веря, что зима обманет.

Я рад тому, что...впрочем дела нет
Вам до того, что так меня волнует...
Лишь силуэт в зашторенном окне,
Да губы помнят Ваши поцелуи...

**КОГДА СЛЫШУ В НОЧИ
ЗАТИХАЮЩИЙ СТУК КАБЛУЧКОВ**

Когда слышу в ночи затихающий стук каблучков,
Выхожу на балкон и смотрю в темноту Недоверья.
И Луна поправляет за тучами дужки очков,
И собака скулит за неплотно прикрытою дверью.

И куда-то спешат непрерывной толпой облака,
Грустный клён за окном не даёт успокоиться ветру,
Каблучки затихают...Наверно ты так далека,
Что уже ни к чему приносить бесполезную жертву.

ПРОСТИ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ

Прости, если можешь и, если не можешь,- прости.
Зима наступила, завьюжила белой разлукой, И
реки замёрзли, деревьев заломлены руки... Уйду не
прощаясь, сжигая надежды мосты.

Позёмка очертит шагов неуверенных цепь, Свеча
задрожит на ветру мотыльковой тенью, Ещё я
надеюсь твоё получить всепрощенье, И может быть
где-то на гранях судьбы уцелеть.

Прости, если можешь и, если не можешь,- прости.
Скитаться по свету издревле мужская забава, Так
часто меняются женские слёзы на славу, Но так
тяжело эту славу по жизни нести.

И кто-то опять наполняет мечтой паруса, И кровь
закипает опять в набухающих жилах, А я
измениться никак очевидно не в силах... Но снова и
снова мои произносят уста:

Прости, если можешь и, если не можешь, - прости....

Я ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ...

И.Щ.

Я вдали от тебя...
Небо с морем сливаясь волнуется,
Солнце светит, но мне,
Без тебя, не хватает тепла.
Чайки с криком летают,
Деревья устало сутулятся...
На край света меня
Беспокойная жизнь завела.

Море Белое? Что же...
Такое же в общем как южное.
Ночи? Я их не видел,
Захваченный белым дождем.
Для кого-то здесь делаю
Что-то, наверное, нужное,
Этот кто-то считает,
Что мы день-другой подождем.

Деревянные избы,
Болото и тучи над городом...
Всего два часа лету
И можно быть рядом с тобой...
Глушат мысли мои
Чайки резким, пронзительным голосом,
И о чем-то мне шепчет -
О чем?-Беломорский прибой...

Я НЕ ЛЮБЛЮ МОМЕНТ
ПРОЩАНИЯ

Я не люблю момент прощания,
Он так безжалостен и груб.
Боль сердца, обуздав желания,
Пьет влагу с пересохших губ.

«Прощай!» - короткое, как выстрел,
Всё разделило, - «до» и «от», -
Смешались краски на палитре,
Раскрасив жизнь наоборот.

И белый снег стал ярко-красным
У Чёрной речки. Пистолет
Свой выстрел сделал. Это страшно...
Прощаться, если шанса нет.

ИГРАЛА ШАРМАНКА

Играла шарманка...
«Пиастры... пиастры... пиастры...», -
Летели на землю из узкого горла Жако.
Играла шарманка мелодию лёгкого счастья,
Играла шарманка, и ручка крутилась легко.

Осьмушка листа, а в углу отпечаток мизинца,
Шарманщика дочка писала при свете свечи:
«О сударь, сегодня Вы можете страстно влюбиться,
Сегодня любую по силам с ума Вам свести...»

Билетик на счастье, Жако подцепил своим клювом,
Шарманщик монетку на счастье в карман опустил,
Судьба убегала от счастья красивым аллюром...
И все были счастливы в меру отведенных сил...

УТРО

Луна всё более бледнела,
День набирал в свои права,
И падало на землю небо,
Порозовевшее едва.

И тишина, взорвавшись смехом,
Играла в золоте листвы,
И блики лунные несмело,
Ласкали волосы твои.

Я собирал твой смех губами,
И пил, как утренний бальзам.
А солнце, первыми лучами,
Скользило нежно по телам.

СТИХИ НИ ДЛЯ КОГО

Как сладостно слагать
Стихи ни для кого!
(А. Вознесенский)

Унавшая рука,
Дрожащее перо,
Возлюбленный слуга-
Заплаканный Пьеро.

Заученность реприз,
Софитов полукруг,
На две ступни карниз-
И воздух так упруг.

Когда звено цепи,
Разрублено сплеча,
Строка не исцелит,
Улыбку палача...

И некому солгать,
Но так писать легко...
Так сладостно слагать
Стихи ни для кого!

КОГДА-НИБУДЬ...

КОГДА-НИБУДЬ...

В который раз приходит осень:
Дожди, листва, ноктюрн, окно...
Но, как и прежде, сердце просит:
Камин, свеча, стихи, вино...

Бордово-рыжим одеялом
Укрыты лес, тропинка, пруд... И
невесомости начало Дождя
качели раскачало...

Когда-нибудь... когда-нибудь...

И вновь, и вновь танцуют звёзды
Осенний вальс. Горит свеча В
который раз. А может поздно
Рубить сомнения с плеча.

Под утро льдинок хруст капелью
Прощупывает солнца путь...
Дрова ноктюрн любви пропели,
В который раз мы не успели...

Когда-нибудь..., когда-нибудь...

Смывает дождь с окна печали:
Камин, свеча, стихи, вино... И
твои пальцы зазвучали, Когда
им всё разрешено.

Невинности холодный иней, Луч
солнца очертивший грудь. И
невесомость этих линий Осенних
строчек не покинет...

Когда-нибудь... когда-нибудь...

У МЕНЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ...

У тебя всё в порядке-до меня долетают слухи,
Это радует-видишь, имеюкакую-то радость.
У меня всё нормально, а значит, как минимум, «лучше»,
По сравнению с тем, когда большего было не надо...

Мир в формате «окна» занавесился шторками пыли,
Я почти не пишу, если это тебе интересно...
Заполняет досуг мой неподражаемый Спилберг,
Да любуюсь на младшую, выглядит просто принцесса...

Не могу я уснуть... за окном цветомузыка ночи.
Океаны любви разделяют пространства желаний.
Мне планеты опять непутёвую старость пророчат,
Зачехляю перо, словно дал я обет воздержанья.

Где-то капает кран, половицы скрипят от безделья,
Мне влюбиться бы, да, пролюбил я тебя без остатка...
Мне б талант Даниэл¹, ах, какой бы я создал бестселлер,
Про любовь и коварство, интриги, измены и страсти...
У меня всё в порядке

¹ Даниэл Стилл-современная популярная американская писательница



Исажон Султон

Родился в 1967г. в селе Авазбой Риштанского района Ферганской области (Узбекистан), окончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Публиковался в различных литературно-художественных изданиях, в том числе – в журналах «Дружба народов», «Звезда Востока», в «Антологии узбекского рассказа XX века». Автор повести «Мольба» и сборника «Лунный родник».

Странники

Нашей дороге нет ни конца, ни края. Иногда на пути каравана встает горный хребет, иногда оазисы, где воды из прозрачных, словно слеза, родников орошают цветущие сады. Но чаще вокруг бескрайняя безлюдная пустыня.

Наши лошади изнемогали годами идти под седлом; мы сами похудели и постарели за время странствия. И все-таки мы продолжаем путь, раскинув шатры, мы ночуем, встаем до рассвета и вновь отправляемся дальше.

Наш попутчик – бродяга-ветер, а путь указывают звезды. Как всегда, во главе каравана едет вожак. Когда-то он был богатырем, а сейчас согнулся, вконец обессилел, но продолжает вглядываться в горизонт. За ним следует Муслим, задумавшись, покачивается в седле. На родине осталась его возлюбленная, прекрасная, словно молодая пятнадцатидневная луна! Потому он и задумчив. За Муслимом едет Мухаммад.

Наш самый младший спутник Абдулла дремлет в седле. Он был еще ребенком, когда мы отправились в путь. За время странствия детское его лицо изменилось, стало решительным и вдумчивым, вытянулось, на лбу появились первые морщины...

Много лет назад мы отправились в путь. Нас было много. На втором году странствия мы достигли цветущего оазиса. Люди, узнав, куда мы едем, отвели нас к своему падишаху. Тот, сойдя с трона, радушно принял нас и сказал: «В ту сторону задолго до вас прошло много людей. Однако мы не слышали, добрались ли они, возвратились ли назад. Лучше примите подданство и оставайтесь с нами. Я назначаю вас на высокие посты, будете жить и благоденствовать!»

Долго уговаривал нас падишах, и некоторые покинули наш караван и остались в оазисе.

На пятом году путешествия мы добрались до большой пустыни. Местные жители сказали, что она называется Хазрамавт, что означает «пришла смерть». Песок там был черный-пречерный. Периодически он приходит в движение и поднимается к небу черным смерчем. Двое или трое наших

спутников, напуганные песчаными бурями, решили повернуть назад. Мы же продолжали путь. Да и действительно, если не брать в расчет голод, жажду и усталость, никакая беда и не угрожала нам в этой необъятной пустыне! Живые и здоровые мы все продвигались вперед.

Словно в награду, перед нами предстала долина, окруженная горами. Озера её были прозрачны, словно стекло, люди необыкновенно красивы. Мы узнали, что страна эта называлась Кухи Каф, и жили здесь не люди, а пери!

Женщины были так прекрасны, что никогда больше не доводилось нам видеть таких красавиц. Услышав куда мы держим путь, они тоже стали отговаривать нас. «Оставайтесь, – говорили они, – Гуликахах и Гулианбар подарят вам самых прелестных рабынь! До конца дней живите в блаженстве!» – молили они. И некоторые из нас остались в долине красавиц. Мы же стремились вперед и только вперед.

Потом оазисы и долины исчезли. Куда ни глянь – сухая, растрескавшаяся земля, лишь кое-где поросшая верблюжьей колючкой да лебедой. Мы едва продираемся сквозь них.

Наши лица застыли, омертвели, подобно маске. Души окаменели. Окружающий пейзаж уже перестал волновать наши сердца.

Раньше мы тосковали о далеком родном крае, теперь всё забыто. Муслим, вспоминая возлюбленную, теперь не печалится больше. Взгляд его стал твердым, подбородок стал волевым. Мы беспрестанно едем, и, когда спешиваемся для привала, нам кажется, что земля продолжает качаться под ногами. Мы наскоро едим что-нибудь, а потом растягиваемся на земле и мгновенно засыпаем, неподвижны, как камни.

Только юный Абдулла еще сохранил свежесть чувств. Иногда он любит закатом солнца. Видимо, переливы красок на небе пробуждают в его памяти дорогие воспоминания. Прежде, глядя на закат, его черные глаза наполнялись слезами, а теперь он не дает волю чувствам. Только впадает в глубокую задумчивость.

Вперед, и только вперед!

Чувства преходящи, богатство недолговечно, красавицы неверны! Там, куда мы стремимся, нас ожидают невиданные чудеса!

Там...

...там есть сокровища. На них вычеканено имя каждого из нас. Надо взяться за кольцо на воротах, назвать свое имя, и... сокровенная тайна открывается. С того момента любое желание хозяина сокровища исполняется! Мгновенно! И мы уже на подступах к этому месту. Сердце подсказывает – оно где-то рядом!

* * *

Наконец, пустыня осталась позади. Воздух увлажнился, чувствовалось дыхание океана. И вот в точке, где сходятся суша и океан, мы увидели Волшебную Гору, огромную, величественную, невероятно красивую. Она была хрустальной! Ночью при свете звезд тускло мерцала. Ее глубины переливались всеми цветами радуги. И звездный свет, отражаясь, играл на ее склонах.

Это и есть Волшебная Гора! Волшебная Долина! Мы стремились сюда, можно сказать, всю жизнь! На воротах у входа к этой горы висели кольца, на которых было отчеканено имя каждого из нас. Слабо поблёскивая, они манили к себе.

С трудом передвигая затекшие ноги, мы шли к горе. Юный Абдулла побежал первым по осыпающимся под ногами камням. Добежав до ворот, он что-то прокричал. Мы не разобрали его слов – мы были не в состоянии понять что-то.

У подножия горы оказались много ворот. Они потемнели от времени; древние письмена и печать пророка Соломона почти стерлись. Кольца тоже были старые, но все еще крепкие и прочно закреплены. Имен было великое множество, но я не увидел на кольцах имен тех моих друзей, которые отстали от нас в пути! В мозгу подобно молнии мелькнуло мысль: не потому ли, что их имена не записаны здесь, они отстали в дороге?

Мы разбрелись в разные стороны. Я отыскал свое именное кольцо и молча застыл перед ним. В небе сверкали далекие звезды. Тело обессилело, все желания в душе погасли. Мужества поубавилось... Волшебная гора священна, высока, величава, на поверхности её склонов отражается весь мир!

Сердце гулко бьется. Сейчас возьмусь за кольцо и назову своё имя. Прогремит гром, сверкнет молния, древние волшебные цепи рушатся, ворота распахнутся и обнаружится дорожка. В самом начале дорожки есть ниша, покрытая вековой пылью. В нише – светильник. Только возьмешь его в руки, озвучишь желание – оно тут же сбывается!

Письмена на воротах удостоверяли:

«Данное сокровище было скреплено тайной имени одного из рабов Божьих. Клянусь именем Создателя, хозяин этой тайны, то есть я – джинн по имени Палбос. Я могу доставить моего повелителя во мгновение ока в любое место, куда он только пожелает. Все богатства мира брошу к его ногам. Возведу на трон любого царства. Посвящу в тайну языка птиц и всего сущего на земле. Предоставлю в распоряжение моего повелителя красавиц со всего света.

Я бессилен лишь противостоять воле Всевышнего и предначертанному Им смертному часу»...

Где-то в глубинах горы сверкнул луч. В переливах света я увидел свое отражение на поверхности кольца: на меня молча смотрел сторбленный, изнеможенный, упавший духом человек с тусклым взглядом и лицом, на котором годы отпечатались морщинами.

...Тихо дул бродяга-ветер, равнодушно мигали звезды.

Сокровенный смысл надписи на воротах стал постепенно осознаться мною... И я готов был кричать от досады!

Как?! Почему?!

Так только в этом и заключается чудодейственная сила легендарного волшебного сокровища?!

О-о-о! В моем сердце, ставшем за все эти годы тверже камня, разразилась страшная буря!

Разве же чудеса, которые хочет даровать нам волшебное сокровище, мы не растеряли по дороге?!

Разве в то время, когда мы отправлялись в это странствие, у нас было недостаточно мужества и отваги, чтобы добиться исполнения любого нашего желания?!

Разве мы не отвергли лучших из лучших красавиц, ради того, чтобы побыстрее добраться сюда?!

Разве мне не был с детства знаком язык всего сущего на земле? Разве не беседовал я часами с золотыми стрекозами, сидевшими на стеблях мяты?! А теперь это хотят преподнести мне как особый дар?!

Нет, я не прослезился. Но изо всех сил сжав кольцо, в отчаянии прокричал:

«Еще! Что еще ты можешь даровать, печатью пророка Соломона плененное создание? Ради тебя я отрекся от всего в жизни, а властен ли ты хотя бы вернуть меня в детство, где бирюзовое небо, нежное солнце, серебряная вода и сапфирные птицы?! Сможешь ли ты заново возродить, мои чувства, растерянные на дорогах, устремленных к тебе?! Что же такого необыкновенного, достойного звания «древняя тайна», ты мог бы даровать мне, о узник-повелитель страны безмолвия?!»

...Молчащая, немая, безголосая хрустальная гора тянулась ввысь, в безлунное небо...

Я почувствовал полную опустошенность.

Мы ожидали от этой тайны чего-то великого, необыкновенного вознаграждения, большего, чем все, утраченное нами. А теперь все то, что нам хотят даровать, нам не нужно! Это – лишнее! В пору нашей молодости эти дары могли привлечь, очаровать нас, но теперь все иначе!

Теперь...

Я отдернул руку от кольца. Лучи последний раз блеснули на нем. Мое отражение, безнадежно взиравшее на меня, кануло в темную бездну.

Оглянувшись, я невольно сделал шаг. Уже не имело значения, куда я пойду. За годы странствия привыкнув двигаться вперед, несмотря ни на что, в любой ситуации, я двинулся в сторону коней. Пройдя немного, я услышал, как неподалеку под чьими-то ногами осыпаются камешки. Мои спутники, ушедшие туда, где были отчеканены их имена, с опущенными головами, возвращались назад.

Они тоже преодолели искушение, не продали душу ради иллюзорных сокровищ джинна Палбоса.

Неужто те, не дошедшие до конца пути, оказались счастливее нас?

...Кто сможет ответить на этот вопрос? Волшебная гора все еще хранит молчание. В ожидании новых гостей безмолвно тянется к небу...

Куда теперь? Дорога, пройденная нами, невероятно длинна. Даже если повернем назад, еще до того, как мы доберемся до родного края, некий воин, севший на крылатого коня – Смерть – непременно настигнет нас.

Вперед двигаться тоже бессмысленно. Видно, на роду нам написано, обрести здесь вечный приют. Другого пристанища нет.

Мы молча смотрели друг на друга под безлунным небом этой странной долины. Но Вожак повернул коня назад.

* * *

Теперь бессмысленно и безнадежно, только ради того, чтобы не останавливаться, мы продолжаем свой путь. Где мы упадем со своих коней и погрузимся в последний сон, обрета вечный покой – неизвестно.

Только Абдулла, единственный среди нас, еще крепок духом, тверд взглядом, полон сил и прямо держится в седле!

Наша единственная надежда связана с тобой, Абдулла! Мы, один за другим будем оставаться в этих дорогах. Только ты сможешь добраться до родины! И ты должен добраться! Что бы с нами не произошло, ты не мешкай, погоняй коня!

Если на этих дорогах мы насчет падать с коней – не трать на нас времени! Слишком много тех, кто как мы направляется в сторону таинственного сокровища. Только ты – очевидец – расскажешь им чудовищную правду о нем!

Сильнее стей коня, брат! Мы согласны, если сию секунду, опередив нас, ты скроешься за горизонтом. А мы же со слезами на глазах, томясь и падая с коней, будем смотреть тебе вслед. Когда ты скроешься из виду, мы сложим головы на чужой земле, представляя, что ты добрался до нашей родины – туда, где бирюзовые небеса, серебряные реки, золотая земля – счастливые люди. Мы будем надеяться, что ты раскрыл путникам правду, и погрузимся в блаженство, которое не сможет дать никакое волшебство – в вечный сон, в вечность...



Бах Ахмедов

Окончил физический факультет МГУ. Кандидат физико-математических наук. Стихи и проза публиковались в альманахах и журналах: «Звезда Востока», «Новая Юность», «Урал», в «Литературной газете» и многих других изданиях. Лауреат Международного поэтического конкурса «Пушкин в Британии» за 2007 и 2012 годы. Участник 6-го Ташкентского Фестиваля поэзии 2008 г.

Прожить три слова

Это история о человеке, который однажды, солнечным весенним утром, отправился со своим приятелем к гадалке. Собственно, вопрос к гадалке был у приятеля, а Даниил просто сопровождал своего друга. Но все вышло иначе и гадалка, маленькая, сухонькая седая женщина, с короткой стрижкой, похожая скорее на учительницу математики предпенсионного возраста, чем на гадалку, намного больше внимания уделила Даниилу, чем его спутнику, имя которого мы здесь не называем, потому что для нашей истории это неважно. Итак, Даниил, известный своим скептицизмом и трезвым умом, не удержался и решил поиграть с судьбой, в которую не верил. Однако, в отличие от своего друга, чьи вопросы касались его текущих любовных коллизий, Даниил не стал мелочиться и задал прямой вопрос «учительнице», звучавший просто и банально: сколько ему осталось лет жизни? Женщина посмотрела на него внимательно, как-то странно улыбнулась и прошла по комнате. Она подошла к старому книжному шкафу, открыла стеклянную дверцу и снова закрыла ее, при этом дверца издала жалобный тихий скрип. «Вот книги, – произнесла гадалка отрешенно, – Они отличаются содержанием и количеством слов». Даниил посмотрел на нее с удивлением, пытаясь понять, к чему она клонит. И тогда гадалка снова села напротив Даниила и, пристально глядя ему в глаза, сказала отчетливо разделяя каждое слово: «Я не знаю, сколько времени Вам осталось провести в этом мире, но сейчас мне пришла более интересная информация, и теперь я знаю, сколько Вам осталось произнести слов в этой жизни. Сто восемьдесят две тысячи семьсот двадцать восемь слов».

– Погодите, я что-то не понимаю, – рассмеялся Даниил, – что означает это число?

– Ваша земная жизнь завершится после того, как Вы произнесете это количество слов, точнее, уже на... – гадалка на секунду задумалась, как бы считая что-то про себя, – на 9 слов меньше, которые вы только что произнесли.

– Что за чепуха! – воскликнул Даниил и вскочил с кресла, – Как вы можете знать, сколько слов мне осталось?

– Я не знаю механизм приходящей мне информации, она просто приходит, – тихо ответила гадалка, терпеливо наблюдая за реакцией Даниила.

Он сделал несколько шагов до двери и обратно и снова сел. Вдруг какая-то новая мысль поразила его, и он воскликнул: «Послушайте, но ведь тогда я могу стать бессмертным? Я просто замолчу и все. Где же логика?». Гадалка спокойно кивнула, как будто ждала этого вопроса, и ответила: «У вас действительно есть шанс прожить очень долго, но все-таки не вечно. Если вы «онемееете», вы доживете до глубокой старости, может, до ста лет, но все-таки вы смертны, как и все люди в этом мире». Даниил хотел было что-то спросить, но гадалка подняла руку и продолжила: «Я знаю, что Вы хотите мне возразить: где же тогда логика в моем предсказании? Не ищите ее, и я не смогу объяснить вам все до конца. Я сказала то, что услышала, а дальше – думайте сами. Мне почему-то кажется, что онеметь у вас не получится, но возможно, вам имеет смысл подумать над тем, чтобы постараться разумно и равномерно распределить количество произносимых слов на будущие годы».

Даниил задумался и долго молчал, пытаясь осмыслить

услышанное. Нет, он не был болтливым человеком, скорее даже наоборот, но необходимость каждый день считать количество произнесенных слов привела его в полное уныние. Однако через секунду еще одна идея пришла ему в голову, и он неуверенно произнес:

– Тогда, у меня остается один выход: завести себе блокнотики и общаться с миром письменно...

Гадалка отрицательно покачала головой: «Боюсь, что вынуждена буду Вас огорчить, но написанные слова тоже считаются».

– Но их по крайней мере, легче считать, – добавила она, пытаясь его хоть как-то утешить.

Наступила долгая пауза.

– Мне нужно все это обдумать, – произнес, наконец, Даниил.

– Да, конечно, обдумайте, время у вас есть.

– Можно, я снова приду к Вам через пару месяцев?

– Можно, но лучше зайдите через год.

– Хорошо. Если только я не истрачу к тому времени отпущенный мне запас слов.

2.

Но пришел он к ней намного раньше: через 5 месяцев. Эти были странный период в его жизни. Он очень хотел забыть предсказание гадалки, как дурной сон, и с помощью некоторых его друзей-скептиков, которым он рассказал о своем визите («Вы бы еще в сумасшедший дом пошел за предсказаниями!» – сказал ему один из ближайших друзей), ему это почти удалось. «В самом деле, – думал Даниил, – возникает вполне банальный и смешной вопрос: почему я должен ей верить?.. Ведь это полная чушь, чушь!...»

Его жена Нина, с которой он прожил почти 20 лет, узнав о предсказании, отнеслась к нему с философским юмором: «Ну что ж, по крайней мере, меньше будем ругаться!» – сказала она. Но по ее словам он так и не понял, верит она во все это или нет.

Он не стал разговаривать меньше, но все-таки иногда его посещали мысли о том, что некоторые слова в речи вполне можно было опустить, особенно, если эти слова не несут действительно нужной информации. Даниил стал задумываться о лаконичности, и все чаще, оказываясь в дружеских компаниях, он предпочитал отмалчиваться, хотя раньше с удовольствием принимал участие в общем разговоре. «Да не верю я в эту ерунду, – оправдывался он перед друзьями, – просто устал». И действительно, на лице его стала замечаться усталость и какая-то размытость индивидуальности, словно время постепенно стирало его черты, оставляя немое бледное пятно. Это было непонятно и тревожило его друзей, привыкших видеть в нем если не лидера, то уж по крайней мере не бесцветную посредственность. Даниил и не был ею, но постоянные размышления над странным предсказанием привели к тому, что между ним и миром возникла прозрачная стена, приглушавшая все звуки жизни с той стороны. И эта стена становилась все толще и все менее прозрачной, искажая облик Даниила.

Догадывался ли он об этом? Вероятно, да, потому что это возрастающее отчуждение стало беспокоить и его. Однажды он вдруг поймал себя на мысли, что буквально не понимает, что

ему говорит жена. Ничего особенного в ее словах не было, она просто просила его купить на обратном пути с работы некоторые продукты, но у него вдруг возникло странное чувство, что она говорит с ним на каком-то иностранном языке, который он учил еще в школе и с тех пор, конечно же, забыл. Ему пришлось приложить немалое усилие, чтобы постичь смысл ее нехитрых слов. И тогда он понял, что нужно что-то делать.

Он отпрашился с работы и отправился к Анне Федоровне, – так звали гадалку. Она приняла его, несмотря на слабость после долгой болезни («Я уже давно не занимаюсь этим и никого не принимаю, – тихим, чуть хриловатым голосом, сказала она ему по телефону, – Но Вас я обещала принять, поэтому приходите...»). Дверь открыла незнакомая молодая женщина и молча провела Даниила в спальню к гадалке, которая сидела в своей постели, обложенная подушками, высохшая, бледная и постаревшая за эти полгода лет на 15. На столике возле кровати лежали лекарства, шторы на единственном окне были приспущены, и в комнате, погруженной в полумрак, висел одуряющий запах сердечных капель.

Даниил было потрясен увиденным и не знал, с чего начать. В какой-то момент ему захотелось извиниться за беспокойство и уйти. Но Анна Федоровна жестом попросила его присесть и сама начала разговор.

– Я знаю, зачем Вы пришли, – сказала она, – и, к сожалению, не смогу сказать Вам ничего нового, кроме того, что уже сказала в прошлый раз.

– То есть, предсказание не изменилось? – спросил Даниил. Анна Федоровна прикрыла глаза, как будто ей было тяжело не только говорить, но и смотреть. Даниил растерянно оглянулся, почувствовав спиной чей-то взгляд. В дверях, прислонившись плечом к косяку, стояла женщина, впустившая его в квартиру, и выжидательно смотрела на него. Даниил понял, что ему пора уходить. «Извините, что я Вас потревожил, – сказал он, обращаясь к гадалке, – поправляйтесь!». Она открыла глаза и слабо улыбнулась. «Остаток сто тридцать шесть тысяч двести одиннадцать слов, – едва слышно произнесла она, – Вы истратили за эти месяцы почти четверть вашего запаса».

Эти слова поразили Даниила, как молния. То, что казалось ему всего лишь абстрактной размытой перспективой, скрытой густым туманом будущего, вдруг приобрело четкие черты жесткой реальности, а туман рассеялся, обнажив близость неизбежного. Неужели он истратил так много всего за несколько месяцев? Такими темпами он протянет не больше двух лет. А ведь уже после первой встречи он так старался экономить слова!

Даниил мягко дотронулся до руки Анны Федоровны и сказал:

– Простите, что я не поверил вам сразу... Точнее, сомневался.

– А сейчас разве не сомневаетесь? – по ее губам скользнула понимающая улыбка, – Все нормально, я и не ждала другого, потому что поняла сразу, что Вам нелегко будет принять это странное предсказание.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил Даниил.

– Не думаю, но все равно спасибо. Простите, мне должны делать укол.

– Да-да, понимаю, – Даниил встал, – Я вас еще обязательно навещу, Анна Федоровна.

– Попробуйте, но боюсь, что мой запас слов уже совсем скоро иссякнет.

Даниил растерянно начал лепетать дежурные утешения («Нет, нет, вы поправитесь, я знаю!»), но Анна Федоровна жестом мягко остановила его и сказала: «Не произносите лишних слов, Даниил, даже если вы мне не верите...».

3.

После этого посещения Даниил перешел на письменное общение. Следуя примеру Бетховена (чью музыку он начал слушать заново и открыл в ней бездну нового для себя), Даниил завел себе «разговорную» тетрадь, и этим достиг сразу двух целей: во-первых, сам процесс писания поневоле заставляет экономить слова, а во-вторых, – это, конечно, было более важной причиной, – он теперь без труда смог подсчитывать слова, потраченные за день. Каждый вечер, перед сном, Даниил аккуратно записывал в отдельный блокнот количество написанных слов.

Нина наблюдала за всеми этими процессами с возрастающей тревогой. Сначала она подумала, что муж просто решил от скуки поиграть в него, и даже отчасти стала подыгрывать ему.

Но когда прошла неделя, а Даниил по-прежнему не произнес ни одного слова, Нина встревожилась. «Ты заигрался, дорогой. Остановись!» – сказала она ему строго и внушительно, показывая всем своим видом, что ей надоел этот детский сад. Даниил отложил нож и вилку (дело происходило за ужином), задумался на несколько секунд и вдруг четко и медленно произнес: «Это не игра. Это степень приближения к свободе». Затем он встал, прошел в свою комнату и записал в своем счетном блокноте: «+8».

На следующий день Нина пошла на прием к одному психиатрику, которого ей порекомендовала двоюродная сестра, когда-то проходившая у него лечение. Психиатр, полноватый пожилой мужчина с блестящей лысиной, выслушал ее, задал несколько вопросов, а потом кивнул, показывая тем самым, что ситуация ясна. «Скорее всего, у Вашего мужа один из видов эскапизма, – сказал он спокойно, – он пытается таким образом, убежать от жизни. Либо это обычная логофобия. Но я не могу сказать точнее, мне нужно увидеть его для этого». Нина вздохнула и сказала:

– Я попробую его привести, хотя сильно сомневаюсь, что у меня это получится. Но что же мне делать сейчас? Как реагировать?

– Я думаю, что пока Вам лучше включиться в его игру и сделать вид, что все нормально. Возможно, у него со временем это пройдет.

Нина пожала плечами: «Не похоже... Впрочем, боюсь, что у меня все равно нет выбора».

Как Нина и предполагала, идти к психоаналитку Даниил наотрез отказался. На все попытки уговорить его, он ответил в блокноте всего одной фразой: «Я пока еще живой человек...», жирно подчеркнув ее дважды. «Я тоже живой человек!» – сорвалась на крик жена, и ушла к соседке, хлопнув дверью.

Однако время шло, и Нина почти привыкла к его «небольшой причуде», как она называла поведение мужа, не очень убедительно успокаивая встревоженных друзей семьи и родственников. И все-таки, его молчание давило на нее, и ей все труднее было удерживаться на скользком краю оправдания своей жизни с ним. Она пыталась привлечь на помощь их взрослого сына, жившего отдельно со своей подругой. Но сын, придя в один из воскресных дней на обед к родителям, только пожал плечами, а на вопрос матери, что он об этом думает, ответил с вялым безразличием: «Ну а я что могу поделать? Не обращаю внимания, это у него возрастное, пройдет...»

Между тем, Даниил все больше отдалялся от мира, обрывая одну связь за другой и погружаясь в непроницаемые глубины своей рефлексии по поводу случившегося. Он записался сразу в несколько библиотек, накупил в букинистических магазинах труды средневековых философов и почему-то вспомнил свое школьное увлечение геометрией.

Он уволился из института и устроился в театр простым гардеробщиком потому, что эта работа не требовала произнесения слов.

Где-то там, за тяжелыми дубовыми дверями, бурлили сценические страсти, зал взрывался восторженными аплодисментами, а Даниил сидел на старом стуле, положив школьную тетрадку на стойку гардероба и вычерчивая в ней геометрические узоры разной сложности. Его собственная жизнь стала казаться ему одним из таких узоров, и хотелось найти единственно правильный многогранник, который, при всей своей холодной абстрагированности и безличной лаконичности, смог бы включить в себя все грани жизни Даниила, и при этом безошибочно угадать сложные угловые отношения между ними. Это была странная и, вероятно, бесплодная борьба с формой, но не с формулами, которые всегда как бы вспыхивали вокруг острыми искорками растворимой в пространстве правды, вспыхивали в надежде на воплощение и гасли, устав от ожидания. В другой тетради он начал вести дневник, который назвал «Бритва Оккама», фиксируя на каждой странице с аккуратностью математика количество написанных слов.

Но время, равнодушное к этим его играм с пространством и цифрами, текло мимо, спокойно огибая, а иногда и сглаживая острые углы мучительной борьбы со словами, когда приходилось тщательно отбирать самые точные слова и отбиваться от всех остальных, пытавшихся обрести свое зыбкое право на жизнь в его дневнике. Постепенно для Даниила каждое написанное слово стало обретать совсем иные значения, прогибаясь под тяжестью смыслов, которыми он пытался его нагрузить.

Через несколько лет он обрел, наконец, лаконичность, к

которой так сильно стремился, и стал обходиться примерно полсотней слов в месяц, чтобы выразить свои наиболее важные мысли или состояния. К тому времени он уже был один, потому что Нина ушла, оставив ему, как в плохом фильме, записку на столе. Даниил прочитал ее, усмехнулся и спокойно отметил про себя, что она могла бы быть в три раза короче. Он знал, что рано или поздно это случится, и был удивлен не ее уходу, а скорее тому, что она ушла так поздно, выжидая какого-то возврата к прошлому, хотя бы иллюзорного, хотя давно уже было понятно, что стремительное соскальзывание в холодную бездну отчуждения превратилось в необратимый процесс. «Живи и дальше со своим молчанием, занимайся любовью со своими словами и будь счастлив, если сможешь», – писала Нина в записке, – тебе ведь никто не нужен, ты вечный слуга своего одиночества...»

В тот вечер, сидя на работе и слушая, как из зала доносится высокий голос ведущей актрисы театра, Даниил написал в своем дневнике: «Искусство – это дверь в вечность, а одиночество – ключ от этой двери (11)».

4.

Прошло еще несколько лет, наполненных книгами, тишиной и все большим сближением с танцующими тенями времени. Отпущенный запас слов медленно приближался к своему концу, но Даниила это больше не пугало. Он рассчитал, что если понизит свой лимит до 25-30 слов в месяц, проживет еще года три, а ему этого было вполне достаточно для завершения всего того, что он наметил. Его записи становились все более отточенными, а плотность смыслов в них возросла до такой степени, что ему самому иногда страшно было перечитывать их, словно сознание входило в орбиту черной экзистенциальной дыры, и могло быть поглощено ею в любое мгновение, стоит только остановиться на секунду. В то же время, он ощущал в себе все больше света внутри, победно проникающего сквозь огромные паузы между его редкими записями.

Иногда он писал короткие стихи, в большинстве случаев очень похожие на хокку. В его дневнике теперь все чаще встречались рисунки, а не слова. Так, постепенно, он научился рисовать, приобрел кисти и краски и стал писать картины.

Он по-прежнему жил один. Пару раз его навестила Нина, и он был искренне рад ее видеть. Она сидела на кухне, пила чай и спокойно рассказывала ему, как обрела настоящее счастье с другим мужчиной, который каждый день дарит ей простую теплоту тихой непретенциозной любви, и Даниил был искренне рад за нее – она видела это по его глазам. А уходя, она не удержалась и уже у порога двери спросила: «Неужели ты меня действительно никогда не любил?».

Он мягко улыбнулся и произнес вслух: «Я и сейчас тебя люблю, даже больше, чем прежде». Нина посмотрела на него недоверчиво, и тихо сказала: «Зачем ты тратишь слова? Наверное, у тебя их осталось совсем мало?». Даниил обнял ее на прощание, а Нина быстро вышла из квартиры, чтобы не расплакаться.

Однажды утром Даниил проснулся, взглянул на солнечные зайчики на стене, которые гонялись друг за другом, и вспомнил, что после вчерашней записи, оказавшейся длиннее обычного, у него осталось в запасе всего три слова. И вдруг он почувствовал себя таким свободным, каким не чувствовал еще никогда. Теперь не нужно будет ничего считать! Вокруг расстилось бескрайнее пространство его молчания и в то же время оно в любую минуту было готово свернуться в комочек у его ног. Все зависело теперь только от него, и Даниилу показалось, что он, наконец-то, загнал время в его собственную ловушку.

Три слова, три небольших колышка на сухом песке вечности. Ничего не стоило выдернуть их, и песок моментально засыплет их следы

Даниил подумал: «Сколько вариантов я перебрал раньше, сколько раз я думал об этих словах, но так ничего и не выбрал». Каждый раз, когда он пытался уловить подспудное звучание последних слов, они ускользали от него, расплывались, распадались на отдельные звуки и незаметно переходили друг в друга, плотно смыкая ряды и не позволяя проскользнуть даже небольшому смыслу.

Он стоял у окна кухни и смотрел то на кофеварку с варившимся в ней кофе, то на улицу, где местный пенсионер-алкоголик кормил бездомную собаку остатками мокрого хлеба, и вдруг Даниила осенило: возможно вся суть этой истории со словами всего лишь в том, что он должен был найти самые правильные, самые беспорные по точности подания слова для

найду, когда-нибудь найду» – подумал он, как будто этим он наоборот мог продлить свою жизнь, а не закончить ее.

Кофе забулькал и выскочил на свободу, собака лизнула шершавую ладонь старика и побежала по своим делам, а Даниил вдруг почувствовал такой прилив радости и жажды жить, какие не испытывал очень давно. Ему захотелось окунуться в людскую толпу, раствориться в ней, смотреть на красивые лица женщин, на улыбки детей, на толстых теток продающих мороженное или цветы, на что угодно, только бы быть в этом потоке жизни, неудержимо несущемся вперед, бурлящим неожиданностями, и таким полновесным, таким подлинным в своей естественности и простоте. Был теплый весенний день, солнце купалось в людской благодарности, и каждая деталь мира казалась одним сплошным обещанием.

Даниил шел по улице, читал вывески и вдруг с радостью отметил, что механизм подсчета слов, который работал в нем всегда с необычайной точностью, вдруг остановился, умер, оставил его бедный мозг, перегруженный цифрами и ассоциациями. Он почувствовал себя по-настоящему счастливым. А три таинственных слова, надев белые маски беззвучия, плыли где-то рядом, и Даниил ощущал их прохладное мятное дыхание, но это только обостряло его ощущение безграничного принятия мира, а его широкие шаги по изумрудно-свежей траве времени становились легкими и парящими, как будто он действительно готовился взлететь в любую секунду.

5.

С этого дня Даниил вышел из своего затворничества. Он стал ходить в гости, встречаться с друзьями и общаться с родственниками. Он жадно вслушивался в разговоры людей – ему вдруг стало казаться, что, возможно, таким образом он найдет нужные слова. Его самый близкий друг, который был в курсе его ситуации и знал, что Даниилу осталось прожить три слова (Даниил показал это на пальцах, и друг сразу все понял), сказал, что на его взгляд, самый лучший вариант ухода – это произнести: «Господи, спасибо за все!» Даниил усмехнулся и показал пальцем на четверку на циферблате часов. «Ну конечно, – сказал его друг, – неужели ты всерьез думаешь, что Бог будет приходить к одному слову?! Тем более, когда это слова благодарности...».

Даниил, конечно, давно уже размышлял над этим вариантом и сам, но эти слова казались ему слишком банальным решением. «Должно быть что-то другое, что-то более точное и неожиданное, – думал он, – Впрочем, теперь мне торопиться некуда».

Теперь каждый новый день казался ему незаслуженным подарком. Он продолжал работать, встречаться с друзьями и по его поведению никто не мог бы сказать, что это спокойный пожилой человек живет в ожидании своих последних слов, и что он может в любую минуту произнести любые три слова и жизнь его закончится.

Даниил уже давно не боялся смерти, но и не видел смысла приближать ее искусственно. Он просто знал, что нужные слова придут сами, и он сразу их узнает и произнесет, когда настанет время. И тогда эти три слова не просто попадут в точку, но сами станут той точкой, пройдя через которую он окунется в иное пространство, свободное от слов, времени и земной математики

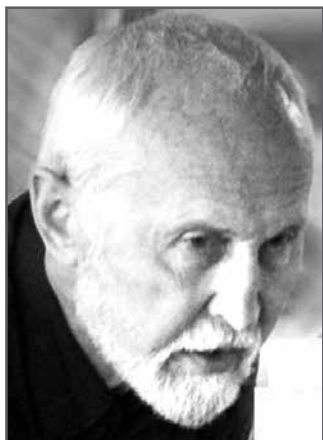
Однажды Даниила пригласил в гости один из его двоюродных братьев, живший в красивом двухэтажном доме за городом. Через некоторое время Даниил вышел в сад насладиться теплым летним вечером с огромной луной на небе. Неподалеку за деревянным столом сидела девочка лет 12 и делала домашнее задание. Это была Аня, дочка хозяина дома. Зная общительность дочки и ее любопытство, родители предупредили ее, что дядя Даниил не может говорить, поскольку он немой (это была официальная версия для всех родственников и друзей, не знавших истинной причины молчания Даниила).

Тем не менее, увлеченная решением задачи по геометрии, она забыла о предупреждении и направилась прямо к Даниилу.

– Вы случайно не помните, чему равна площадь круга? – спросила Аня, подойдя к нему. Даниил помедлил одну секунду и спокойно произнес, четко выделяя каждое слово:

– Пи эр квадрат.

– Спасибо большое, а то мне что-то лень было подниматься за учебником, – сказала девочка и вернулась к столу.



Юрий Топунов

Родился в 1948г., живёт в Херсоне. Поэт, прозаик, бард, художник, один из основателей «ТОН Ключа» и его бессменный куратор. Его рассказы и стихи публиковались в периодических изданиях Украины, России и Америки. Режиссёр большинства постановок объединения, автор сборников прозы, поэзии, поэтических переводов с немецкого. Главный редактор книг, изданных объединением «ТОН Ключ».

Англичанка

Шкиперские байки

Последний тёплый вечер немного отдавал грустью. Над нашими головами уже прошуршало чувственное лето и впереди маячила прекрасная, но такая холодная осень. Заканчивались летние каникулы и всем нам, за лето так привыкшим друг к другу, предстояло разъезжаться по разным уголкам необъятной страны, дабы продолжить вгрызаться в скрижали разных мудреных наук.

Уже начали, мигая, зажигаться фонари на Суворовской, когда вынырнув из тени платанов, широкой покачивающейся походкой, к нам приблизился шкипер самоходного копра, Пётр Степанович.

– Привет, пацаны! Чего это у вас такие морды кислые?

Мы пожали плечами – как-то не хотелось это всё обсуждать, тем самым усугубляя и без того мутное настроение. Но от шкипера так просто отбемкаться было невозможно, не такой это был человек.

– Не, пацаны, так дело не пойдёт, – он сдвинул на лоб мичманку и почесал затылок, а потом, сорвав ее с головы, швырнул на асфальт в центре нашего грустного круга, – значит так, сейчас берём пару пузырей, загрызть и валим на карусель. А там, в тишине, подальше от дружины и легавых, я вам расскажу потрясающий случай из моей бурной жизни.

– Пётр Степанович, а может тут и расскажите, – прозвучал чей-то несмелый голос.

– Слушай, ты что недоразвитый? – спросил шкипер, выкатив глаза. – Ты хочешь, чтобы нас за распитие в общественном месте замели. Нет, ребята, ночь на нарах в КПЗ даже не намекает на романтику! Ну так что?!

Мы по быстрому скинулись и, прихватив пару бомб «Биомицина», направились всей компанией в тихий сквер, расположенный на квартал выше набережной Днепра, густо заросший акациями и кустарником. Это было наше царство и туда не рисковали заходить дружинники даже с милицией, а в самой чащобе стояла железная карусель, которую жители,

рядом стоящих домов, в основном работники морпорта, соорудили для своих деток. Впрочем, дети те уже давно выросли и разъехались, а карусель все еще стояла и даже функционировала. Именно здесь и было излюбленное место наших неформальных собраний, когда между несколькими глотками вина, велись беседы на разные темы, порой даже рискованные.

Итак, вино было открыто и бутылки пошли по кругу, а Пётр Степанович почему-то молчал. Пауза длилась, но никто не решался ее прервать и, когда уже молчание достигло апогея, шкипер заговорил, причем, медленно и раздумчиво:

– Самой большой загадкой для меня остаются женщины... Особенно, женщины образованные... В них есть какая-то червоточинка что-ли... Сколько не стараюсь их понять, а не получается... – он снял мичманку и положил к себе на колени, а правой рукой пригладил волосы. – Нет, пацаны, всё-таки женщина – это великая загадка и разгадать ее нам не под силу!

Мы молчали каждый о своём, как-никак, а все уже столкнулись с этой великой загадкой человечества и шкиперские размышления вслух разбредили наши юные души, заставляя погружаться в летние воспоминания.

– А все начиналось, как всегда, – произнёс шкипер, выныривая из флёра воспоминаний, – взяли мы три пузыря, загрызть и пошли обезьяну водить. Но как-то все не заладилось с самого начала. Митрич, наш механик, был немного простужен и постоянно кашлял, а потому, после первой же засобирался домой в люлю, ну, а пацаны спешили к своим зазнабам и тоже быстро отшвартовались и я остался сам с собой в темном городе с непочатым пузырьём в кармане. Тут мне на глаза попала афиша детского кинотеатра, где на всех сеансах шли «Приключения неуловимых», а на самом последнем фильм с каким-то странным зарубежным названием, – «Шербургские зонтики». Кинотеатр был рядом и я, недолго думая, взял билет. Я вам скажу, пацаны, рукой кассирши точно двигала Судьба. Если бы видели, как она долго выписывала мне ряд и место, у неё даже синий карандаш сломался, и она заменила его на красный. Нет, это точно была Судьба! – Пётр Степанович снова погрузился в молчание, но оно уже не тяготило, а будило любопытство и мы терпеливо ожидали продолже-

ние рассказа, и оно последовало. — Я, ничего не предчувствуя, вошёл в зал и отыскал свое место, оказавшееся козырным, прямо посередине 7-го ряда, напротив центра экрана. Вскоре погас свет и начался киножурнал, который вещал о визите нашего генсека в какую-то обезьянью африканскую страну. Я обратил внимание, что все ряды вплоть до моего, были пусты, а молодежные парочки, в основном, осваивали задние ряды, смачно там чмокаясь. И вот, когда уже пошли титры фильма, плюшевая входная занавеска дрогнула и, кто-то тихонько вошел в зал. Скосив глаза, я заметил женский силуэт,двигающийся по моему ряду к середине, то есть ко мне. «Интересно, а где же ее охрана?» — только и подумал я и снова уставился на экран, где уже шло действие фильма. О, если бы вы видели эту нудотину! Нет, всё нормально, фильм про любовь и всё такое, но актёры почему-то не разговаривают, а поют, да еще на незнакомом мне языке. Короче, пацаны, я впал в дикую тоску и уже хотел откупоривать запасную ёмкость, как мой взгляд упал на одинокую женскую фигурку, сидящую через кресло от меня.

— Я дико извиняюсь, — полушёпотом обращаюсь к ней, — а на каком языке изъясняются герои фильма?

— На французском, — кратко бросила она и уставилась снова на экран.

— Странно, никогда бы не подумал, что это французский, — тихо пробормотал я, но она услышала и так насмешливо хихикнула:

— А вы, сударь, на каком языке предпочитаете изъясняться?

— Кроме командного и матерного, на русском, — ответил я, чтобы прекратить над собой издевательства, но не тут-то было.

— О, а вы оказывается полиглот! — она прямо фонтанировала желчью, но что-то в этом фонтане звучало тёплое и даже приветливое. Примерно так же со мной разговаривала моя школьная любовь, Наташка и я, чтобы не мешать другим смотреть фильм, пересел в соседнее кресло, оказавшись рядом с этой извочкой.

— А вы, военный? — продолжала насмешничать она, заметив на моих коленях мичманку и шкиперские нашивки, блеснувшие на рукаве форменного кителя.

— Нет, — миролюбиво сказал я, как бы утихомиривая ее агрессивность, — я моряк. Шкипер. — И что же здесь смешного? — поинтересовался, услышав в ответ смешок.

— Не обращайтесь внимания, это нервное. Я еще после работы не отошла, — и добавила. — Давайте посмотрим фильм, интересно, чем это всё закончится. Да и музыка чудесная... Вы только музыку слушайте и не обращайтесь внимания на их французский, я и сама его не понимаю, — и мы, обменявшись улыбками, уставились на экран.

Самое смешное, что у меня даже возник интерес к фильму, тем более, музыка настраивала на лирический лад, и я затих, непроизвольно накрыв своей ладонью ее руку, лежавшую на подлокотнике кресла. Маленькая ручка птичкой вздрогнула под тяжестью моей клешни, но не выпорхнула, а осталась на месте и мы даже будто стали дышать в унисон.

Когда фильм закончился и включился свет, мы еще некоторое время неподвижно сидели, и я краем глаза заметил, что она вытерла глаза кружевным платочком, но левую руку, из-под моей, по-прежнему не убирала.

— Меня зовут Пётр, — сказал я тихо.

— А меня Маргарита Марковна, — так же тихо ответила она.

— Значит, Марго...

— Нет, Маргарита Марковна, — произнесла с нажимом на отчество, — а вас как по батюшке?

— Вообще-то, Степанович, — я замялся, — но...

— Нет-нет, Пётр Степанович, — она улыбнулась и встряхнула головой, — мне так привычнее. Да и знакомы с вами мы едва-едва. Ну, пойдёмте что ли, уже почти все вышли... И мы с ней направились к выходу, где уже дожидалась, недовольно бурча, бабуля-билетёрша, чтобы закрыть за нами на щеколду выходные двери.

Мы слушали шкипера, открыв рты. От него тянуло мажорной романтикой, а язык пестрел эпитетами, которые, казалось, никогда не могли коснуться уст старого морского волка. А он сидел на краешке карусели, покачиваясь влево-вправо и поглаживая коротко стриженные усики, слегка тронутые сединой, и припоминая подробности того давнего вечера.

— Пацаны, а кто там захорлал бутылку? — голос шкипера приобрёл свою обычную окраску. — Вы мне там хоть чуть оставили? — и он длинно приложился к, вставленной прямо в руку, бутылке, причем вино журчало и текло в горло, без глотательных движений. Эту особенность Петра Степановича мы называли «высшим пилотажем питья из горлышка», так как он не пил, в привычном понимании этого процесса, а вливал в себя вино, как переливают его из бутылки в другую ёмкость. Закончив священнодействие, шкипер покачал бутылку, проверяя ее на отсутствие содержимого и, удовлетворённо крикнув, тихонько откатил под куст.

— Значит так, — опять изменив тон, продолжил свой рассказ Пётр Степанович, — даже ёжику известно, что последний сеанс заканчивается хорошо за одиннадцать, и когда мы вышли из кинотеатра, на дворе уже было, хоть глаз коли.

— Ой, как темно! — немного деланно воскликнула моя киношная соседка и ухватила за руку, которую я ей подставил таким крендельком. — Ужас, как темно и страшно...

— Но, я же пока с вами и это означает, что бояться абсолютно нечего.

— А может быть именно вас мне и следует опасаться! — Опять включила свой издевательский тон дамочка.

— Ну, ежели так, то я пошёл, — и, провявив обиду в голосе, сделал вид, что собираюсь отдать, швартовые.

— Не обижайтесь, — виновато выпалила Маргарита, было видно, что ей не улыбается остаться одной в темноте херсонских улиц, — это у меня такой дурной характер, вечно кого-то подкушу, а потом сама же и жалею...

— Ладно, — подписал я мирный договор, — у кого нет недостатков, тот либо ангел, либо покойник...

— А вы философ, товарищ шкипер, — растягивая слова, произнесла она, давая понять, что мой тон ей по душе.

— Так, может позвольте проводить вас домой? — задал вопрос для порядка, на сто процентов уже зная ответ.

— Было бы очень мило с вашей стороны! — почти выдохнула она. — Тем более, я живу не очень далеко, но на нашей улице нет ни одного фонаря.

— Не беда, я в темноте вижу, как кошка, — прихвастнул для пушей важности, — это чисто профессиональное свойство моряков! — И мы, выйдя из темного переулочка на освещённую только звездами Комсомольскую, свернули направо и пошли вглубь старого города, по бульжной мостовой Шолом Алейхем.

Темнота была конкретной, и мы шли, постоянно спотыкаясь, тем более, Маргарита сдуру напялила туфли на шпильках, что заставляло ее плотнее прижиматься и держаться за меня уже обеими руками, в чём, постоянно каялась и извинялась. А пока мы шли этим курсом, я узнал, что она окончила иняз какого-то столичного университета, а сейчас работает в школе и учит бедных детишек никому не нужному у нас английскому языку. Еще она рассказала, что живет с родителями в старом доме, расположенном почти в конце этой улицы, у неё есть еще брат, но он уже женат и обитает в другом городе, и что у них в доме есть три кошки, которые мать завела со скуки, пока дочь училась в столице. Так незаметно мы подошли к ее дому, со светившимся окошком и лавочкой у калитки, на которую и присели, как сказала она, на минутку. Но тут раздался скрип двери:

— Рита, то ты там?! — послышался женский сварливый голос.

— Да, мама! Я сейчас! — меня поразил тон послушной девочки, девочки-пай.

— А кто это там с тобою разговаривает? — последовал вопрос.

— Это... — она замялась, — Меня провожали, поздно уже и темень жуткая...

– Смотрите, вы там не долго! – произнёс голос, обращаясь уже и ко мне. Двери снова зашкрипели, закрываясь.

– Вот так я и живу, – немного виновато произнесла девушка, и я понял, что её жизнь сладкой не назовёшь: дом, работа, дом, а когда-никогда – кино в «Павлика Морозова». – А у вас, наверное, жизнь очень интересная?! – вдруг воскликнула она.

– Да уж! – уверенно так, ляпнул и добавил. – Всякое бывает в нашей жизни, только скуке в ней нет места. Вот например... И я рассказал ей историю, как мы около Кизомыса, на лимане, в шторм, сваи забивали. Это у нас халтурка подвернулась, заказали сделать причал для рыбколхоза, и вот мы, не смотря на штормовое предупреждение... А когда закончил, она задумчиво сказала:

– Интересный вы человек, Пётр Степанович, слушала бы вас и слушала... Но, мне уже нужно идти, а то мама опять ворчать будет. – Она погладила мою руку и уже повернулась уходить.

– А на прощанье в щеку... – снахальничал я, задержав ее ручку и, скорее не увидел в темноте, а почувствовал, как она улыбнулась и подставила щеку. Ну, тут я, не будь дураком, сделав вид, что промахнулся, втянул ее губы, оказавшиеся такими пухлыми и податливыми, что аж дух захватило. И не только у меня:

– Ох, Пётр Степанович, – дрожа всем телом, выдохнула она, – мне нужно бежать, – и, вырвавшись из моих клешней, исчезла за старинной узорчатой калиткой.

– Маргарита Марковна, – тихонько позвал её, – может, телефончик дадите?

– Какой у нас телефон! – с горечью, отозвалась она. – В субботу я бываю в Клубе моряков на танцах, а матери говорю, что хожу совершенствовать свой английский. Если будет желание, приходите, – и скрипнула закрывающимися дверьми.

– Так, пацаны, это не дело! – возмутился шкипер, узнав, что вино закончилось. – Дуйте кто-нибудь мухой за вином, а я подожду, не буду рассказывать, пока сбегаете...

Мы кинули на пальцах и двое побежали в ближайший гастроном, чтобы успеть к закрытию, а Пётр Степанович достал папиросу и, медленно размяв ее в пальцах, закурил. Непривычная тишина повисла над нашим, обычно гомонливым, сообществом, – кто тоже курил, а кто просто сидел, задумчиво глядя на звёзды. Вскоре явились гонцы, позвякивая бутылками «Биомицина» и все оживились, а рассказчик, изрядно отпив из бутылки, поставил её возле своих ног и продолжил свою романтическую историю.

– Я еле дождался субботы и, отказавшись от поездки на Красную хату, на юшку, рванул под всеми парами к Клубу моряков. Когда я услышал, доносившиеся из-за забора звуки радиолы, а не оркестра, понял, что пришёл слишком рано. Но делать нечего и, взяв билет, вошёл на танцплощадку, где у самого входа располагалась эстрада, а вокруг, вдоль забора, увитого диким виноградом, стояли обычные садовые скамейки, пока еще пустые, и только в самом углу, справа под стеной здания клуба, сидела стайка девиц, на которых я даже не обратил внимания и, обернувшись ко входу, чтобы не пропустить мою англичанку, закурил.

– А вы, оказывается, курите? – услышал я такой знакомый ироничный голосок и резко обернулся.

Передо мной стояла невысокая стройная девушка с гривой черных кучерявых волос, прихваченных шпильками кверху, и большими карими глазами, над которыми парили, как нарисованные, чёрные брови. У меня просто в зобу дыхание спёрло! А она, стервочка малая, смотрит и наслаждается эффектом, на меня произведенным.

– Пётр Степанович, вы что, язык проглотили? – вкрадчиво-издевательски спрашивает, а сама лыбится и по всему видно, что довольна моим ошарашенным видом. Тут и ее подружки подруливают.

– Рита, это он? – беззастенчиво вопрошают, будто меня здесь и нет, а сами пялятся на меня и глазками стреляют.

А она, немного зарумянившись, кивает головой.

– Познакомьтесь, девочки, это Пётр Степанович, шкипер... А это Инна... Нелли... Генриетта... сёстры, Розалия и

Клара... – все по очереди одарили меня улыбками, жеманно кивая головками.

– И все учителя английского? – только и нашелся что сказать, чем вызвал весёлый и громкий смех девушек.

– Нет, английский преподаю только я, – очень серьёзно ответила Маргарита, – Инна и Нелли – экономисты, Генриетта – учитель русского языка и литературы, а Роза и Клара учатся на биофаке в нашем пединституте.

– И все вы здесь совершенствуете свой английский?! – наконец-то обрёл я и дар речи, и свой природный юмор, а новый взрыв смеха подтвердил моё попадание в тон.

– Рита, а он симпатичный, – заметила Нелли, значимость слов которой придавали очки в тонкой золочёной оправе, – и неглуп...

Меня зацепило, что при мне говорили так, будто меня здесь не стояло и я, неожиданно для всех, схамил:

– Милые дамы, если я похож на манекен, то можете на меня повесить свои бюстгалтеры...

– Ради Бога, извините! – уже густо покраснев, выпалила Маргарита, и обращаясь к подругам, – девочки, а деликатность нам не помешала бы... – и опять ко мне, – Пётр Степанович, а вы танцуете?

– Если с вами, Маргарита Марковна, то с превеликим удовольствием! А что уже объявили белый танец? – и я подал ей руку.

Да, для моей англичанки весь этот вечер был выкрашен в красный: она в третий раз покраснела, да так, что её яркий румянец не могла скрыть даже смуглость кожи, что, впрочем, было ей очень к лицу. Но руку она приняла без колебаний и мы, выйдя на середину площадки, начали танцевать под радиолу, а подруги её застыли на месте с широко открытыми глазами.

– А не зарулить ли нам в буфет, пока подтянется оркестр? – предложил я, когда мы, закончив танец, подошли к подругам Маргариты.

– Нет! – довольно резко возразила она. – В буфете только спиртное, а мы не пьём и не любим... – но я ей не дал договорить.

– Да и мне вино нужно только для запаха, дури своей хватает... – все звонко засмеялись, чем вопрос и был исчерпан.

Вечер прошёл на высоком уровне. Почти непрерывно мы танцевали и только, время от времени, Маргарита просила меня, чтобы я станцевал с кем-то из её подруг, которые, не смотря на большое скопление молодёжи и, я бы сказал, приятную внешность, почему-то популярностью не пользовались. Видимо, парней отпугивали подчёркнутая интеллигентность и напускная высокомерность девушек, чем я, между прочим, поделился со своей партнёршей, на что она лишь многозначительно хмыкнула, но комментировать не стала. За полчаса до окончания танцев, мы выскочили с площадки и всей компанией порулили вверх по улице.

– Пётр Степанович, вы не против, если мы сначала проведем девушек, – прошептала моя англичанка, уже смело держа меня под руку.

– О чём разговор! – я был сама галантность. – Разве может быть иначе?

Должен сказать, пацаны, эти проводы действительно не составили никакого труда, все барышни жили в центре города, по пути к дому моей зазнобы и вскоре, мы с ней остались тет-а-тет, на, почти опустевшей, Суворовской.

– Давно я так не танцевала, – прикинув к моему плечу и поглаживая золотые нашивки на рукаве, щебетала Маргарита, – а вас мы с подругами не очень утомили? Ведь вам пришлось танцевать без перерыва! – и, не дожидаясь ответа, – Пётр Степанович, а что вы скажете о моих подругах? Хорошие девочки, да? Правда, немного бесцеремонные...

– Да уж, что есть, то есть... – только и вставил я.

– Но вы на них не обиделись? На них не нужно обижаться, они ведут довольно замкнутый образ жизни и почти не общаются с мужчинами, родители их только со мной в субботу отпускают в клуб, и, мы тайно посещаем танцы. Боже, если бы они узнали!.. – Она сделала круглые глаза и смешно наморщила носик. – Они бы нас всех поубивали!

Миновав кинотеатр, где состоялось наше знакомство, мы свернули на Шолом Алейхема и вошли в потёмки старых улиц.

— Как я ненавижу этот затхлый мирок старого города! — неожиданно воскликнула девушка. — Такое ощущение, что время здесь остановилось, всё идёт так, как было заведено сто, двести лет назад. Да что там двести — ничего не изменилось за прошедшие тысячи лет!

— Ну, это вы слишком, Маргарита Марковна, нашему городу еще и двухсот лет не набегало...

— Господи, да причём тут город! — в сердцах воскликнула она, но осеклась и, зыркнув коротко на меня, вдруг замолчала. Я тоже стал продолжать, решив, что после мой поправки, эта тема исчерпана, и оказался дурень дурнем, — она никогда не бывает исчерпана, пацаны! Ни-ко-гда! Но это я понял много позже, почти год спустя.

Шкипер взял из-под ног бутылку, сделал несколько крупных глотков и закурил. Курил он, долго и молча, а мы заинтригованные его последним восклицанием, сидели тихо, как мышки, и ждали продолжения. Такими длинными рассказами моряк нас еще никогда не баловал, да и тема была уж больно душещипательная, близкая нашим молодым сердцам.

— Когда мы уже подошли к дому и я хотел её поцеловать, Маргарита неожиданно выскользнула из моих рук и, приложив палец к губам, еле слышно прошептала:

— Пётр Степанович, вы подождите на скамеечке... Хорошо? — я в ответ кивнул, а она исчезла в темноте, как растворилась.

— И вот сижу, курю, а кругом тишина, аж уши режет, только сверчки делинчат. Не знаю, сколько времени прошло, я уже нервничать стал, но вдруг слышу, окно открывается и меня зовут. Подхожу к окошку, а из него моя англичанка выглядывает и, делая круглые глаза, шепчет:

— Вы сможете залезть сюда?

— Легко! — пожимаю плечами и, наступив ногой на выступающую лепнину, одним махом оказываюсь в комнате.

— Ничего себе, какой вы ловкий, — следует восторженный шёпот и скороговоркой, — не волнуйтесь, моя комната находится через весь коридор от родительской спальни, они уже спят и ко мне никогда не заходят... Ну что же вы, никак раздумали меня целовать? — и мы задохнулись в поцелуе.

Ох, пацаны, какое времечко у меня началось! Всю неделю я только и думал о субботе, а это был единственный день, который Маргарита могла посвятить мне, точнее вечер и ночь. Но зато, какую ночь! Я читал, что англичанки, бабы холодные и расчётливые, но это всё не о моей зазнобе. Представьте себе Везувий, который сжёг лавой целый город, кажется Помпею, а тут этот самый Везувий накрыл меня одного с мицей, крабом и клёшами. Я даже почти не пил, разве что иногда на копре, с командой, для сугреву, мог принять на грудь стаканчик и не более. С «Беломора» перешёл на албанские сигареты «Люкс», так как ей очень нравился запах хорошего табака, который называла мужскими духами. Я даже пошил себе новый форменный костюм и мичманку, поизносившуюся под дождями и ветрами. Короче, вы себе представить не можете, что делает из мужика женщина! Да, я изменился настолько, что иногда замечал сочувственные взгляды своих корешей-мореманов, но они всё понимали и, молча, ждали моего возвращения из этого дальнего плаванья, которое затянулось почти на год.

Моряк снова замолчал и закурил. Последняя бутылка пошла по кругу, но мы пили из неё только для блезиру, стараясь оставить больше шкиперу, так как гастроном уже давно закрылся, а нам хотелось дослушать рассказ до конца. Однако, он курил и молчал, как бы даже не замечая нас. Наконец, кто-то не выдержал:

— Пётр Степанович, ну и что? — вопрос как бы повис в воздухе, а шкипер, как великий актёр, всё держал паузу и, наконец, снова заговорил.

— Что — «ну и что»?! — и философски добавил, — Всё заканчивается, ведь даже живём мы не вечно, — и грустным голосом повёл свой рассказ дальше.

— Если бы я знал, чем это всё закончится, может быть и не начинал бы... Однажды, вот в такой же последний летний

денёк, мы, как обычно, встретились все в Клубе моряков. Правда, Маргарита была какая-то не такая, грустная, что ли, и задолго до окончания танцев, позвала меня прогуляться по городу. Подруги почему-то с лёгкостью нас отпустили, хотя и сами тут же слиняли с танцплощадки. А мы с ней пошли на набережную к Днепру и долго стояли, глядя на, медленно текущую, тёмную воду. Вдруг она резко повернулась ко мне и, со слезами в голосе, выдавила из себя:

— Пётр Степанович, это наше последнее свидание...

— Почему последнее? — вопрос мой прозвучал по-дурацки и она грустно улыбнулась.

— Нет, вы положительно прелесть, — и провела пальцами по моей щеке, губам, и, отстранив руку, продолжила, — потому, что я выхожу замуж и уезжаю из Херсона.

— Маргарита Марковна, а как же я? Я тоже хочу на вас...

Она закрыла ладошкой мне рот и, всхлипнув, продолжила:

— Молчите, милый мой шкипер, я знаю! Если бы я захотела, то легко женила бы вас не себе, но... Но кто же меня за вас отдаст?! Неужели вы думаете, что меня, еврейскую девушку, дочь раввина отдадут замуж за гою.

— За кого, за кого? — переспросил я.

— За нееврея, — Маргарита досадливо поморщилась. — Помните, при одной из первых наших встреч, я говорила о том, что в нашем мире ничего не изменилось за тысячелетия?

Я кивнул головой. — И это так! Я не могу выйти замуж за вас, меня проклянут отец с матерью, а после этого хоть в петлю лезь. Нет, это исключено!

— А, может, я поговорю с вашими родителями? — в моём голосе прозвучала робкая надежда.

— Если бы они хотели с вами поговорить, то давно бы это сделали! Неужели вы думаете, что они слепые и глухие?!

— Так они знают, что мы... — Я — ошумел.

— Ну, скажем так, догадываются, — она слегка усмехнулась.

— А как же... — я не знал, как закончить вопрос.

— Милый Пётр Степанович, есть такая старая херсонская поговорка: Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не беременело, — она снова горько усмехнулась. Но вдруг встряхнула кудрями и воскликнула. — Однако еще не вечер! К чёрту грусть, эта ночь наша! Пойдёмте, мой дорогой шкипер! — и, схватив меня за руку, повела по ночному городу.

Всю неделю я думал, что это дурацкая шутка или интеллигентские выбрыки взбалмошной девицы, но, придя в субботу на танцы, не увидел привычной девичьей компании, и так повторялось из недели в неделю, пока я не перестал туда ходить, поняв, что больше там не фиг ловить. Несколько раз я пытался встретить Маргариту возле школы, где она работала, курсировал мимо её дома, но опять-таки напрасно. Я снова стал выпивать, хотя и не получал уже от этого удовольствия и жизнь вошла в старую наезженную колею. Однажды, лет через пять, на Суворовской меня окликнули:

— Почему не здороваетесь, товарищ шкипер, — голос был знакомый, он звучал насмешливо и немного картаво.

— Здравствуйте, Нелли, — с трудом узнал я подругу Маргариты в расплывшейся уже женщине, держащей за руку вёрткого, как обезьяна, пацана.

— Как поживает наш бравый моряк? — в том же духе продолжала она.

— Жизнь бьёт ключом! И всё по голове, — ответил ей в тон.

— А вам передавала привет Рита... — она хитро взглянула на меня из-под тонко выщипанных бровей.

— А где она? — непроизвольно вырвалось у меня

— Она живёт в Харькове и, как вы знаете, замужем. У неё хороший муж, двое детей, — и уточнила, — мальчик и девочка. Всё у неё хорошо... — Нелли внимательно посмотрела мне в глаза. — Она приезжала с детьми к родителям, недели две гостила. Когда мы с ней встречались, Рита спрашивала о вас... А, прощаясь, сказала, дескать, если увидишь Петра Степановича, передавай ему привет...

Я кивнул головой и, забыв попрощаться, пошёл по Суворовской, никого не замечая. Зашёл в кабак и надрался до беспамятства. В одиночку. Единственный раз за до и после.

Красное Черное и странное

Постановка Прокофьевского «Игрока» в Королевской опере Фландрии производит неоднозначное впечатление. Вероятно, что-то подобное ощущают посетители казино: рулетка крутится, шарик бежит, неизвестно, что выпадет, - красное, черное, чет или нечет, но сколько всего переживаешь, пока круговорот не остановится. Так и опера: мизансцены разворачиваются перед глазами, слушаешь, смотришь и отмечаешь: выигрыш!.. а вот этого - ах как жаль!.. а тут - зеро.

Первая редакция оперы была завершена композитором еще в 1916 году, но в силу вполне понятных причин не могла быть поставлена в России, и после переработки материала автором в конце 20-х гг. её премьера состоялась в Брюсселе в 1929 году. Так что «Игрок» - опера Бельгии не чужая, и в этом сезоне, девяносто лет спустя, она вернулась на сцену Фландрии.

Режиссёром спектакля стала Карин Хенкел, приглашенная руководством театра из Германии именно как специалист по Достоевскому. Ни в коем случае не смея настаивать на том, что моё понимание великого писателя правильнее и лучше, всё же скажу, что результатом режиссёрской работы я была удивлена и озадачена, - это если выбирать нейтрально-вежливые слова. В конце концов, драматический спектакль и оперный - совсем не одно и то же, а постановка «Игрока» - первый опыт Карин Хенкел в музыкальном театре. Ключевым словом работы над ним, по её собственному признанию, было слово «гротеск», что, в общем, и не удивительно для передачи атмосферы Достоевского, лишь бы не превращалось в гротеск самой режиссуры. Концепция К.Хенкел и работа дирижёра Дм.

Юровского вкупе с декором Мюриэл Герстнер, освещением Хартмута Литцингера и костюмами Клауса Брунса дали достаточно эклектичное решение спектакля. К сожалению, о музыкальной стороне можно сказать только одно: фортиссимо! И отнюдь не в качестве эмоциональной похвалы, а вполне заурядно, в самом банальном значении, то есть: очень громко. Фразы деревянных духовых, акценты ударных, шустры пассажи струнных и рывканье тромбонов - всё разучено и сыграно, но об элементарном балансе сцены с оркестром нет и речи. Всё в этой опере и без того мозаично, она построена как бесконечное разворачивание мелодекламационных эпизодов; классических дуэтов, ансамблей, мелодики, консонансов и эффектных разрежений арий в тонику там не найти, как и саму тонику. Дирижёру стоило бы не в пример бережнее отнестись к певцам, выучившим сложнейшие музыкальные и языковые тексты, но оркестровая яма гремела, не используя ни малейших градаций, разве что редко снижаясь с двух форте до полутора. Поэтому голоса некоторых исполнителей монументально забивал оркестр, а слова было трудно разобрать даже мне, носителю языка и читателю Достоевского в оригинале.

Что ещё можно отнести к странностям - или находкам, как посмотреть, - это сценическое решение спектакля.

Вся происходящее на сцене подаётся слушателям как ретроспектива: воспоминание Алексея Ивановича, уже сошедшего с ума и запертого в сумасшедшем доме - вот уж не знаю, в семнадцатом номере или нет, - и прокручивающего заново историю своей любви и своего падения.



Достигается это постоянным присутствием на сцене мима и танцора Мигеля до Вале, который дублирует певца от и до, показывая нам его внутреннее **Я** каждую секунду, непрерывно вытаскивая его психическое состояние наружу и выражая его отдельно от тенора. Слушать эту оперу и так не просто, гремучая смесь Достоевский - Прокофьев сильна сама по себе, но насколько же усложняет восприятие постоянно корчащийся на сцене добавочный безмолвный персонаж. Его конвульсии, кувырки, спазмы, извивания и прочая физическая активность крайне отвлекают от действия, не говоря о музыке.

Так же спорно решёна вторая картина четвёртого действия оперы, кстати, идущей без единого антракта. Сцена в казино представлена артистами хора, исполняющими эпизодические роли посетителей и игроков, по замыслу режиссёра - сплошь безвольных лудоманов, совершающих потому бесконечные замкнутые циклы телодвижений, символизирующих бездушное вращение рулетки. Кто-то нюхает пол, в надежде найти «жемчужное зерно», кто-то неумоимо бьёт поклоны, кто-то без усталости вытряхивает содержимое сумочки на пол, собирает и вытряхивает снова. Наблюдать такой закольцованный хаос на протяжении получаса очень утомительно.

Так же отвлекают, потому что попросту слепят зрителя, вертикальные световые панели с бегущими надписями Pandhuis - Play and Die - Rien ne va plus (*Ломбард - Играй и умри - Ставок больше нет*) и прочими изречениями; как-то не очень ловко себя чувствуешь, когда приходишь в театр и заслоняешься ладонью от сцены.



И странно было видеть скупую обстановку и минималистический реквизит хотя бы в сцене в гостинице, поскольку решение режиссёра и декоратора никак не выразили ясно выписанный в романе русский менталитет, вовсю развернувшийся в Рулеттенбурге. Генерал Достоевского, маниакально ожидающий смерти Бабуленьки и наследства, весь в долгах, живёт в отеле на такую широкую ногу, что никто во всём городе не сомневается в его платежеспособности и богатстве, и ведь именно на на этот *на брюхе шёлк, а в брюхе-то щёлк* и охотится глубоководная акула, авантюристка Бланш. На сцене же в лучшем случае показана скудная «меблирашка» с аскетическими койками, убитым креслом производства ГДР и красным торшером времён соцреализма.

К безусловным же удачам нужно отнести изумительную игру исполнителей, которым, по рассказу одного из участников, была дана определённая возможность импровизации. Замечательно гротескно была решена сцена прибытия Бабуленьки. В отдалении, на «третьем ярусе» сцены лежал некто под капельницей, к кому скорбно шли Генерал и Бланш, оба в глубоком трауре и с кладбищенским венком, когда это тело вдруг поднялось, громогласно воззвав «Алексей Иванович!», и оказалось полной сил Бабуленькой. Для усиления эффекта Бабуленька даже вырывает у Бланш запасённое заранее гламурное ведерко с землей и пылко разбрасывает его содержимое по сцене. Вообще же именно яркие сцены Бабуленьки и Генерала оказались в спектакле самыми интересными, построенными на ясных драматургических приёмах и не требующими дополнительной расшифровки.

Осталось рассказать о певцах. Прекрасное впечатление произвела сопрано Анна Нечаева, молодая солистка Большого, спевшая Полину. Вновь обратил на себя внимание уже запомнившийся по «Садко» баритон Павел Янковский, на сей раз выступивший в роли англичанина Астлея. Экцентрично и сочно спела Бабуленьку немецкая меццо Рене Морлок. К исполнителю главной роли остались определённые вопросы. Алексея пел чешский тенор Ладислав Элгр, так замечательно несколько сезонов назад исполнивший Сергея в «Катерине Измайловой». Силы голоса ли было не достаточно, чтобы перекричать глотку оркестра, или в целом вокальные данные певца потускнели за эти годы - можно только гадать, но это было не лучшее исполнение.

Звездой оперы стал американский бас Эрик Халфварсон, выступивший в роли Генерала, певец мировой величины, ответственным образом подошедший к работе над ролью и снискавший восторженные аплодисменты пуб-



лики. По случайному стечению обстоятельств мне удалось поговорить после премьеры и с ним, и с русским *коучем*, помогавшим ему в работе над произношением.

Ещё за полтора-два года до премьеры он брал уроки у концертмейстера И. Савельевой, постоянно работающей в Будапеште и оказавшей ему, по его словам, неоценимую услугу: «Мы занимались по её обычной методе, разучивая русский текст, добиваясь, чтобы гласные были одного цвета, долгие, а согласные быстрые, энергичные, присоединённые к следующему слогу». - «Переоценить колоссальный труд Халфварсона было бы трудно,- вторит ему педагог. - Он пришел идеально подготовленным. Отпечатано всё было отдельно, с фонетическим разбором и переводом. Смотреть на эти листы было наслаждением! У кого порядок в делах, у того порядок в голове, прежде всего».

Подытоживая рассказ о премьеры, можно сказать, что, в конце концов, неоднозначное впечатление от спектакля не должно удивлять. Кто-то в чём-то проиграл, кто-то завис в недоумении, пытаясь поймать *систему* происходящего, кто-то ушёл с выигрышем - словом, всё происходит так, как и обязано быть в казино.

Майя Шварцман

Фото: пресс-служба театра

Белые начинают и проигрывают

«Волшебная флейта» Моцарта
Брюссель, сентябрь 2018



В постперестроечные годы, помнится, в прессе было модно использовать строки из «Экклезиаста». Журналист, патетически озаглавливая статью, вроде: «Время разбрасывать камни, и время собирать камни», создавал не только текст, но и собственный высоколобый имидж. Противоречивая постановка «Волшебной флейты» Моцарта в Брюссельской опере Ла Монне странным образом соответствует приведённой цитате, только, пожалуй, в обратном расположении: разрушено было всё, что только можно. Двухактная опера распалась по воле режиссёра Ромео Кастеллуччи ровно посередине, словно в антракте подменили всех действующих лиц, течение сюжета, интерпретацию и всю концепцию. Такого ошеломления я не испытывала давно.

Хотя, в принципе, надо было насторожиться ещё на увертюре, которую предваряло действие статиста, бросавшего металлическую палку в горизонтально висящую на сцене лампу дневного света. На третий раз он, разумеется, попадал, свет с металлическим дребезгом гас, что и совпадало с первым аккордом. В продолжение всей увертюры четверо чёрных людей («Мне день и ночь покоя не даёт мой чёрный человек») в противогазах методично складывали огромное оригами из квадрата пластика на полу сцены, как вот дети в детском саду учатся делать кораблик или бумажную шапку. К финалу у них получалось что-то вроде черного гробика, который уносили в глубину сцены к белому заднику. Зная тягу режиссёров к символике, можно было бы предположить, что так подготавливают зрителя к немудрящему разделению мира спектакля на светлое царство Заратро и владения Царицы Ночи. Но всё было не так-то просто. Всё последующее сошлось скорее со схемой бородатого анекдота: *у меня две новости, с какой начать?* Начали с хорошей.

Сразу же после увертюры на авансцену опускался полупрозрачный занавес, за которым и происходило всё дальнейшее. Декорации были белого цвета. И все без исключения персонажи - в белом с ног до головы, с пышными султанами перьев, в пудренных же париках, камзолах, фижах, с выбеленными лицами, а то и в кисейных вуалях. У каждого персонажа был дублёр, двигавшийся синхронно с ним на своей половине сцены, только не певший, а открывавший рот и зеркально жестикულიровавший. Даже вместо Трёх Дам было четыре, всё было чётным ради сохранения этой симметрии. Так добро и зло, или свет и тьма, заданные сюжетом, были поставлены режиссёром во главу угла для подчёркивания дуальности оперы.

Говоря о декорациях, трудно выразить словами, что это были за конструкции. Спрограммировал их швейцарский



«алгоритмический» архитектор Михаэль Хансмайер. Совершенно белые, словно из гофрированной и кое-где растянутой гармошкой папиросной бумаги, их центральная часть имела сходство не то с гигантским треном, не то с моделью тазобедренного сустава, а боковые - с причудливо застывшими огромными шапками безе и пастилы. Между прочим,

это неожиданно сомкнулось для меня с воспоминанием о памятнике Моцарту в Вене, работы В. Тильгнера, представляющем собой скульптуру атлетически прекрасного молодого человека в окружении всевозможных атрибутов эпохи рококо: купидонов, голубков, белораморных красавиц в завитушках, и потому более похожем на кремовый торт искусного кондитера, чем на памятник несравненному композитору.

Всё происходящее на сцене в первом действии было совершенно волшебным. И музыка, и декор, и костюмы излучали свет, пол сцены был оснащён шестью вращающимися кругами, на которых *slow motion*, словно на льду, танцевали артисты балета (хореограф - Синди ван Акер), среди которых было несколько темнокожих, что усиливало кондитерский эффект: совершенные сливки с шоколадом. Пара вращающихся кругов были двойными. Чтобы понять это, представьте себе две яичницы, в которых желток (белого цвета) расположен не по центру и вращается сам по себе, а белок - сам по себе. Магия царила во всём, первая ария Царицы ночи, например, сопровождалась появлением на сцене двух коконов, из которых плавно и мягко, сонно даже, высвобождались фигуры двух балерин, словно это рождались ночные бабочки. Пение солистов, скольжение балета, строившего сложные фигуры из тел, кипенно-белых тканей и перьевых опахал, а также спустившиеся с колосников движущиеся и вращающиеся облака - всё делало зрелище изумительным. Просто не верилось, что «десять оттенков белого», невесомая фактура декора и реквизита (перья, кисея, гофре), завораживающее вращение фигур и Моцарт! - Моцарт, одухотворяющий сие действие своей неземной музыкой, могут быть так прекрасны. Движение становилось всё интенсивнее, всё новые и новые силуэты сходили с барельефов боковых конструкций и примыкали к прочим, и первый акт закончился словно кипением мыльной воды вокруг светящегося шара в руках Заратро, стоящего в центре сцены.

С концом первого действия кончилось и волшебство. И наступило царство тьмы. Вернее, режиссёра, разрушившего партитуру с бычьим напором. Бык забыл о том, что ему не дозволено творить на сцене то, что дозволено автору «Юпитера».

Декорация отныне представляет собой унылую картонную выгородку, а все персонажи и не-персонажи - в костюмах цвета обёрточной бумаги, не различить. Музыку Моцарта в зале услышат не скоро, чуть не через час, потому что сначала в тишине публике приходится долго читать на экране сентенции из разряда «хочу всё знать»: до Альфы Центавра столько-то световых лет, жизнь сложна, космос бесконечен, время неумолимо, мать - самое дорогое etc. А затем на сцену оперного театра выходят три женщины. Садятся на три табурета. Буднично вытаскивают груди - числом шесть - и начинают сцеживаться с помощью молокоотсосов в обычные детские бутылочки, которые затем сдают Царице ночи, скромно ждущей в сторонке. Царица ночи сливает полученное молоко в трубку дневного света, с которой начинался спектакль (и из которой гневным выльет молоко на землю с последним аккордом оперы), а дальше...

Дальше действие оперы так и не продолжается. Пять других женщин по очереди называют свои имена и рассказывают реальные истории... о своей слепоте: при каких обстоятельствах ослепли, как долго были в больнице, какой диагноз был поставлен, что сказали врачи, что ощутили сами, что значит быть слепым и как это изменило их дальнейшую жизнь. Каждая уверяет, что сроднилась со своей слепотой и живёт с ней вполне органично. (Тут бы грянуть «Иоланту», да режиссёр не додумался, а то вот была бы сенсация). В свою очередь, пятеро мужчин (мы же помним о дуальности оперы, хотя слово опера тут лишнее?) рассказывают свои истории. Режиссёр, вцепившись зубами в концепцию дуальности, заставляет их, обожжённых инвалидов, пострадавших - в противовес женщинам - не от недостатка света, а напротив, от его обилия и силы, поведать зрителям истории своих ожогов и дать убедиться в них воочию, предъявляя шрамы и пластиковые защитные накладки. При этом зрители, не забудьте, пришли в оперу на «Волшебную флейту»! Какое отношение десять человек «с улицы» имеют отношение к миру Царицы ночи Моцарта? Почему они были выставлены режиссёром Ромео Кастеллуччи со своими увечьями на оперной сцене?

...Но - стоп. Сыграем-ка и мы по своим правилам: не стоит делать каждой буквой этой рецензии невольную рекламу Кастеллуччи, поставившего всех присутствующих в зале в отвратительно неловкое положение. Попробуй выразить протест - и тебя обвинят в чёрствости и бездушии по отношению к инвалидам, хотя я считаю бесчестным заставлять людей, пришедших на «Волшебную флейту», участвовать в акции, посвящённой совершенно иным вещам. По-моему, это цинично - прикрываться Моцартом для организации собственного перформанса и спекулировать на эмпатии собравшихся.

Несмотря на то, что партитура второго акта вынуждена была пробиваться сквозь наглость постановщика, как травинка через асфальт, и единого звукового действия не получилось (акробатические упражнения, необъяснимые композиции из тел, длинные рассказы в прозе тормозили музыку бесконечно), да позволено нам будет обратиться к певцам и музыкантам.

Менее всего впечатлила Царица ночи в исполнении Джоди Девос. И первая, и, в особенности, вторая арии не имели ничего общего с лёгкостью, красотой и, проще говоря, профессионализмом. И знаменитые фиоритуры с верхним «фа» звучали резко и пусто, как резиновая пищалка. Отчаянно фальшивили и Три Мальчика.

Зарастро в исполнении Тейла Фавейтса был неплох, хотя



в нижнем регистре опоры голоса было недостаточно. Харизматичный австриец Георг Нигль исполнил роль Папагено с удивительным шармом, голос его был гибок, подвижен, и слушать его сердце радовалось. Под стать ему была и Папагена, которую спела русская певица Елена Галицкая. Очень лирично прозвучала в роли Памины Илзе Эеренс, особенно в дивной арии «Ach, ich fühl's, es ist verschwunden», и ярким, выразительным пением порадовал Рейнаут ван Мехелен, спевший Тамино. Его тембр и манера обладают еле уловимым оттенком «старомодности»: так могли бы петь тенора в 60-е гг прошлого века, что, впрочем,нисколько не помешало восприятию.

Хор, подготовленный хормейстером Мартино Фаджиани, располагался в оркестровой яме и пел практически безупречно, в том числе и мои любимые, полузаметные, но очаровательные «tra-la-la» в теме Колокольчиков.

Настоящей отрадой вечера стал оркестр с дирижёром Антонелло Манакорда. Ещё в первом действии оркестр обратил на себя внимание чудным звуком, светлым, органичным, стилистически очень точным. Давно не доводилось слышать таких отточенных пассажей, такого прелестного, матового, словно припудренного, staccato, столь выверенного баланса между звучащими инструментами. Смотреть на дирижёра было наслаждением: подобные пластику и изящество в подаче вступлений надо было искать. Он словно ткал пряжу из света и звуков, без узелков, без сбоев, без видимого напряжения, темпы и динамика расцветали в его руках, сам он почти парил, и если уж на кого снизошёл дух Моцарта в этот вечер, так это на него.

Как восприняла спектакль публика? Наутро после премьеры мне довелось услышать по радио восторженный захлѐб журналиста Йориса Вергейле, назвавшего первое действие «скучным бабушкиным фарфором» и китчем и зашедшегося, как тетерева на току, бесконечными комплиментарными руладами по поводу смелости и новаторства второго. Ну что ж, синдром искренности из сказки о голом короле ещё никто не отменял.

И тут приходит пора вспомнить самое начало «Экклезиаста»: всему есть своё время. Есть время выдавать чёрное за белое, и наоборот. Есть время заботиться об инвалидах, а есть время идти в оперу. И если речь идёт о «Волшебной флейте», то стоило бы добавить строку: «Есть время играть Моцарта». И про себя тихо и убеждённо сказать: всегда.

Майя Шварцман

Пристегните ремни:

Музыкальная жизнь -2017г., N 7/8

высота поднебесная



На свете, пожалуй, нет столько морей, сколько их сочинили композиторы всех мастей. От Генделя до Чюрлениса, включая Дебюсси, Бриттена и прочих. Их бы ноты да Богу в уши, и проблема нехватки воды на планете была бы решена.

Римский-Корак, бывший морской офицер, - один из самых плодотворных «водных» композиторов.

Маршак как-то отозвался о «Сказке о царе Салтане»: Какой Пушкин молодец, у него небо сверху, а море снизу: В синем небе звёзды блещут, В синем море волны плещут.

Римский-Корсаков такой же. Открыть его «морские» партитуры - и увидишь волны в синусоидах басов, лист за листом, визуальное - в лигах разложенных аккордов в широком расположении.

Море Римского-Корсакова в «Садко», «Салтане», прелюдии-кантате «Из Гомера» - это плотная звукопись, осязаемая настолько, что просто можно окунуться. Низкий качающийся мерный аккомпанемент, как виолончели в «Шехеразаде», или трёхзвучный мотив вступления к «Садко», - всегда волшебная стихия до горизонта, с рефлексам и отблесками.

Какую красоту можно было бы показать при постановке этой чудной оперы, даже и с неизбежными купюрами, если бы не укоренившийся обычай оперных режиссёров отталкиваться от партитуры и авторских прав всеми силами...

Премьера «Садко» в опере Фландрии в Бельгии в общем-то не поразила ничем. Что ожидали, то и получили. Русское сказание о новгородском гусяре было подано по прихоти постановщика Даниэля Крамера в шаржированном виде, как бунт индивидуума-неудачника в бездуховном же мире.

Вообще возникает чувство, что лучший способ творчества сейчас - это противоречие базовому произведению гения, не будь которого, собственно, не пришлось бы получать зарплату и гонорары многим поколениям интерпретаторов, кормящимся от его щедрот. Некий инфантильный бунт детей против создателя с аргументацией: «А назло!» Богатая, избыточно прекрасная музыка Римского-Корсакова (кстати, обладавшего «цветным слухом») так и просит цветового воплощения; пусть это не будет повторением билибинских мотивов или сувенирной хохломой, но уж никак и не мрачным чёрным сценическим оформлением, предложенным декором Аннетт Муршец и костюмами Констанс Хоффман. Довлеющий мрак вместо собственно декораций поддерживается огромным экраном, постоянно показывающим разнообразные ужасы (видео - Даррел Мелони). Вообще о чёрном и белом, столь излюбленным ныне в оперных постановках, речь впереди.

Сцена представляет собой разрыхлённое поле, в котором вязнут, передвигаясь, все без исключения персонажи. Может, это очередная аллегория матери-земли, к которой так рвётся из водяного плена Садко? Кто знает...

Диспозиция разворачивается с самого начала так: духовные запросы большинства (хора купцов новгородских, люда торгового) - это политика, пошлая реклама, футбол. Садко - одиночка, на которого никто не обращает внимания. Что он, собственно, противопоставляет обществу по концепции режиссёра - как-то остаётся за кадром. Разумеется, сцена несогласия горожан с Садко оборачивается картиной натужного веселья хора с корчами и хохотом - сколько их таких уже было, кочующих из постановки в постановку, - и издевательств над героем, выразившихся в том, что его немедленно раздевают до трусов, обливают водой, валяют по земле и тому подобное. В таком непрезентабельном виде он и проводит практически всю оперу.

Царевна Волхова, явившаяся лирическому герою, выделяется из стаи тем, что руки у неё по локоть в золотых перчатках - позже эта перчатка будет символизировать рыбу-золото перо, а руки у Волховы, будучи обнажены, окажутся все в крови, не хуже леди Макбет. Почему - останется загадкой до самого финала, пока Волхова, напевая колыбельную Садко, не попытается его задушить и даже разорвать ему грудную клетку. Откуда и зачем такой садизм, непредусмотренный Римским-Корсаковым? Смотри выше, после слова «аргументация».

Суть социально-поведенческого бумеранга в постановке ясно представлена в мизансцене Садко с Любовью Буслаевой. Сила физического большинства одолела Садко - и он по праву сильного в свою очередь вымещает свою обиду по отношению к жене, зверски опрокидывая любовно накрытый ею стол прямо в чернозём.

Следует картина ловли золотых рыб, то есть перчатки Волховы. И приоритеты стремительно меняются: хор готов следовать за Садко на край земли и готовно пакует чемоданы. Эта мизансцена простодушно преподносит ещё одну нехитрую мораль: оказывается, главное в этом мире, чтобы у тебя была золотая рука. (Особенно, если ты оперный режиссёр.)

Далее стоит остановиться подробнее на трёх ариях знаменитых гостей, Варяжского, Индийского и Веденецкого. Все они изображают турагентов, заманивающих люд новгородский в свои страны, но видеоряд при этом подаётся чужероднее некуда. «О скалы грозные дробятся с рёвом волны», и мы видим толпы тонущих в этих самых волнах беженцев, рвущихся в Европу.

«Не счесть алмазов», - нам показывают оборванных детей, роющихся в отбросах. «Город каменный, городам всем мать», - на экране витрины, золото, брендовые сумки, роскошь и секс, наконец-то секс! Этот турагент легко побеждает.

Конец картины - ошеломляющий уход от лейтмотива воды, о которой в значительной степени и написана опера и которая имеет ключевое значение: ведь именно через 12 лет *плавания* Морской царь затребует дань и заберёт Садко на дно морское, а Волхова станет рекой. Но постановщик зацепляется за единственное слово в заключительной песне «Высота ли высота поднебесная, глубота, глубота - океан-море». Раз сказано: «**высота**», зачем вникать дальше, - и вот на экране мигает приглашение на посадку, стюардессы предлагают пристегнуть ремни, и Садко со товарищи улетают на самолёте.

В следующем действии авиация уже прочно забыта. Морской царь увлечённо копает лопатой заблаговременную могилу для гусяря - благо сцена полна земли, натуральней не бывает. Хор и карикатурно разжиревший (ну просто буржуй с плакатов РОСТА) Садко изображают толпу, увешанную пакетами из duty-free и дешёвыми сувенирами в виде надувных кактусов, дельфинов, кенгуру, загадочно огромного ананаса и прочей ерунды. Когда же Морской царь требует Садко к себе, лебеди с Волховой оказываются чёрными оборотнями; титульного героя вновь хищно раздевают, отнимая да-же накладной живот, а сцена венчания с Волховой уже не что иное, как укладывание Садко в могилу, куда раньше сбрасывают пресловутый микрофон, весь спектакль покорно олицетворявший гусли.

Исполняя колыбельную, Волхова одновременно покушается на жизнь Садко, но оказывается побеждена и убита им; сцена угловато раздвигается, изображая русло новой реки, а заключительный хор добравшихся до дома туристов славит титульного героя, размахивая всё теми же странными для взрослых людей игрушками и надувными шарами. Любава, тело Волховы и убивающий над нею Нежата остаются подчеркнута одиноки на противоположном Садко и толпе берегу реки, тем более на фоне общего, написанного в партитуре, но совершенно не оправданного постановочным действием веселья. Таким мажорным мраком заканчивается опера.

После всего увиденного немедленно возникают вопросы, на которые хочется затребовать, как в школе, полного ответа.

Прежде всего, самый бессильный вопрос: за что. Почему. Зачем.

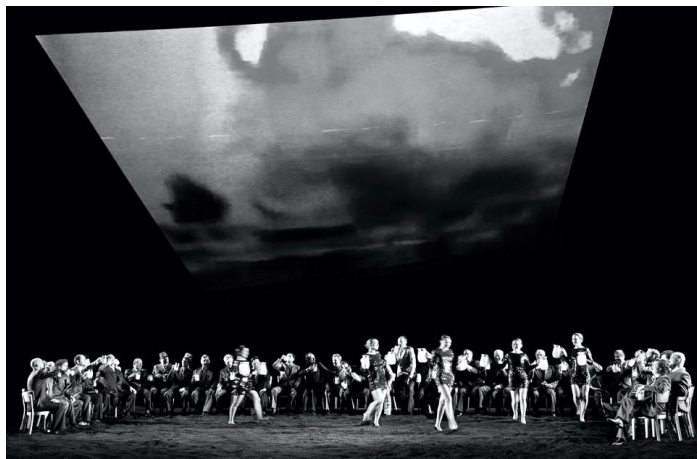
Для примера: вроде бы никто пока (пока лихо спит) не берёт на себя роль верховного главнокомандующего в изобразительном искусстве, вольно вписывая современные реалии в самые что ни на есть музейные шедевры. Никто не дорисовывает нефтяную вышку во ржи Шишкина, чёрный BMW рядом с попом в репинском «Крёстном ходе в Курской губернии» (а ведь там место есть!) или парочку шахидов на мосту в картине Мунка «Крик». Попробуйте подкрасться в музей к полотну не с ножом и кислотой, боже упаси, а с палитрой и самыми добрыми намерениями - увидите,



что будет. Почему же дописывание режиссурой смыслового звучания партитуры практически любой оперы стало повсеместно узаконенной практикой? Почему борьба с бархатом, париками и ходульными, согласна, приёмами оперных мизансцен обернулась уничтожением оригиналов? Хорошо, пусть не будет в постановке «Садко» расписных сарафанов и алых косовороток, картонных берёз и марлевых волн, но разве проблема в них? Реформы театра (любого) неизбежны, и никто этого не оспаривает. Отказ от практики пения кастратов, слава богу, давно освоен. Исполнение мужчинами женских ролей времён шекспировского театра кануло в Лету. Оперные спектакли преимущественно отказались от условностей трагедии: меццо и альты, изображающих керубинистых юношей. Всё это можно только приветствовать и энергично двигаться далее, но...

Но.

Остановимся на излюбленном приёме оформления спектаклей в графическом чёрно-белом варианте. Вот встреча Садко с белыми лебедями и Волховой: прекрасные лебеди выглядят как средневековых врачи во время чумы, а Морской царь заодно со своими лебедушками демократично носит женское платье, только чёрное, и сильно смахивает на фею Карабас на пенсии. Это - эстетика видения постановщиков. Вот так, ни больше ни меньше, подсказала им музыка Римского-Корсакова. А потом и белые лебеди с Волховой становятся в последнем действии чёрными. На что нам этим открывают глаза? Что чёрный лебедь по определению *хуже* белого? Разве не бесспорно красива эта птица, как и другие бесчисленные божьи творения, независимо от цвета? Разве был случай в мировом культурном ряде, чтобы лебедь стал символом коварства, уродства, патологии и т.п.? Что случилось летом 2017 года в опере Фландрии, что это произошло? Нужно оперировать какими-то очень специфическими эстетическими категориями, чтобы безусловную природную красоту молодой девушки - или лебедя, -



тем более, в обусловленном консонантно-сказочном поле оперы девятнадцатого века трактовать как «хорошая» или «плохая», «наша» или «не наша». Ведь это, кажется, не балет Чайковского, где шахматное противостояние цветковых сторон задано изначальным сюжетом.

Далее, о смысле и противодействии персонажей, поскольку мы присутствуем не на концертном исполнении, и постановщик настойчиво ацентрирует наше внимание на цвете и его подоплёке. В чём логика драматургии? Терзают и раздевают Садко в спектакле *и те, и эти*, и люди, и нелюди (морские девы). Стало быть, по задумке интерпретаторов, все они одинаково чужды ему, и тем самым смыкаются, образуя единый враждебный лагерь? Призвано ли это озвучить идею, что одинокому бунтарю нигде нет места? Скажите, какая новость! И именно Римский-Корсаков должен стать тапёром этой мысли?

Было бы нечестным отдать столько сил и огня на бессильный протест против постановщика и не сказать ни слова о тех, кто, поневоле подчиняясь кукловоду, тем не менее сделал всё возможное для вящей славы Римского-Корсакова. Исполнители были прекрасны - практически все.



Полнокровно и многоцветно звучал оркестр под управлением Д. Юровского, хотя хотелось бы большей стройности у деревянных духовых и полного исключения случайных киксов у первой трубы.

Хор (хормейстер Ян Швайгер) проделал колоссальную работу показав себя именно как коллектив вокалистов-профессионалов, а не просто статистами, таскающими

туда-сюда диваны и надувные шары. Отдельного признания и благодарности заслуживает работа хора над произношением русского текста.

Волхова в исполнении британской певицы Бетси Хорн пела очень чистым, по-речному прохладным тембром и обратила на себя внимание великолепной артикуляцией. Можно было даже усомниться, что певица - не носитель языка.

Очень и очень пришлась к месту темнокожая певица Рэйхен Брайс-Дэвис, с колоссальной самоотдачей и проникновением исполнившая эпизодическую роль Нежаты. Певица проявила себя незаурядной актрисой: немой финал с отчаянной жестикуляцией над телом Волховы - потрясающая смысловая точка всего спектакля.

Против ожидания, мало впечатлил А. Кочерга в роли Морского царя, представив на суд зрителей скорее мелодекламацию, нежели вокал.

Все три торговых гостя, и бас Тэйл Фавейтс и тенор Адам Смит, были недурны, но особенно ярким был Веденецкий гость Павла Янковского.



Что до подведения итогов... Прямо в зале театра пришла в голову ясная мысль, вывод всего увиденного. Так называемая «режопера», четверть века потратившая на борьбу с оперной рутинной, **сама стала этой рутинной**, и надо срочно и немедленно опять что-то менять.

Ведь даже в этих диких искусственных постановках всё стало предсказуемым.

Думаешь: пора бросать что-нибудь с верхних кулис, скажем, золотые бумажки. Проходит полминуты - летят золотые бумажки.

Идет другая сцена, прикидываешь: пора кого-нибудь раздеть хотя бы до трусов. Проходит минута: нате, пожалуйста.

Думаешь: пора убить кого-нибудь, хотя в сюжете этого нет. Три минуты: получите.

Когда кошмар становится кошмаром легальным, из него ещё труднее вырваться.

Майя Шварцман фото: Annemie Augustijns/operaballet.be

От сенсации к кульминации

Музыкальный фестиваль Мстислава Ростроповича, который прошёл в российской столице уже в пятый раз, с самого основания отличал исключительно высокий уровень - как участников, так и музыкальных произведений, предлагавшихся в фестивальную афишу. Галина Вишневская, курировавшая первые фестивали, была гарантом этой высочайшей планки. Сегодня президент Фонда Ростроповича Ольга Ростропович успешно продолжает линию на приглашение к участию в фестивале только «самых-самых», одновременно с этим формируя по сути уникальную для московского музыкального контекста программу форума.

Ровно в этих же традициях был проведён и нынешний юбилейный фестиваль, программа которого на этот раз содержала не только незаезженный репертуар, но и подлинно сенсационные открытия. К таковым, безусловно, относится второй фестивальный вечер, состоявшийся в стенах Большого зала столичной консерватории и полностью посвящённый близкому другу и наставнику Ростроповича - великому русскому композитору Дмитрию Шостаковичу. Второе знаковое имя фестиваля - Бенджамин Бриттен: большой друг нашей страны и Ростроповича с Вишневской, великий английский композитор прошлого века...

Сначала о сенсации. Казалось бы, что ещё мы не знаем из Шостаковича? Его творчество скрупулёзно изучается исследователями, его музыка часто звучит в наших концертных залах. Да и при жизни композитор, несмотря на драматические повороты его биографии, в общем-то, не был обделён исполнительской практикой - его музыка звучала, владела умами как музыкантов, так и меломанов. И, тем не менее, устроителям сенсация удалась вполне - в Москве прозвучал Шостакович, которого мы ещё никогда доселе не слышали.

Музыковеду Ольге Дигонской посчастливилось напасть в неразобранной части архива композитора на пролог к ненаписанной опере «Оранго», которую по заказу Большого театра к 15-летней годовщине Октябрьской революции сочиняли Шостакович и его либреттисты - Алексей Толстой и Александр Сторчаков. Причин, почему работа оборвалась практически в самом начале, мы не знаем, но, скорее всего, они были творческие, а не политические. Обнаруженный около десяти лет назад автограф с благословения и при деятельном участии вдовы композитора И. А. Шостакович был оркестрован англичанином Джерардом Макберни и в декабре 2011 года исполнен впервые в Лос-Анджелесе, а позже состоялась европейская премьера в Лондоне. «Оранго» задумывался как опера-буфф, полная едкой сатиры не столько социального характера, сколько философского - это насмешка над общественными нравами и стереотипами любого человеческого общежития. Вместе с тем, сюжет повести Сторчакова не даёт возможности говорить об этом гипотетическом произведении лишь в комическом ключе - финал его трагичен. Однако, то, что мы имеем сегодня - музыку пролога - выдержано исключительно в гротескно-сатирическом духе, где очевидна



не только переключки, но и прямые цитаты с такими опусами-современниками «Оранго» как балет «Болт», оперы «Большая молния» и даже «Леди Макбет Мценского уезда» (в её сатирической части). Кроме того, узнаваем и автор более раннего «Носа», то есть принадлежность произведения к шостаковичевской эстетике начала 1930-х совершенно не поддаётся никакому сомнению.

Пролог «Оранго» Шостаковича - Макберни написан для огромного оркестра, столь же внушительного хора и ансамбля солистов полного диапазона и тесситурно-тембральной вариативности голосов. Простой мелодический язык и общая приподнятость эмоционального строя роднит эту музыку с гораздо более поздней опереттой «Москва, Черёмушки», а вот количественно солидные музыкантские ресурсы, задействованные в исполнении, говорят, в том числе, и о том, что буффонность опуса очень условная, и большая лирико-драматическая, а может быть и трагедийная перспектива очень вероятны - нашли ли бы они своё воплощение на практике, к сожалению, мы никогда не узнаем. Но можем предположить, что это именно так. Устроители концерта составили программу таким образом, что «Оранго» прозвучал в первом отделении, а во втором была исполнена 4-я симфония - произведение приблизительно того же периода, но полное подлинной, душераздирающей трагедийности. Похоже, что это было очень правильное решение: весь концерт оказался выдержан в одном музыкально-эстетическом ключе, но высказывания получились на предельном контрасте, и одновременно симфония предстала как гипотетический вариант развития сюжета и музыкальной драматургии неоконченной оперы, которая едва ли имела иные перспективы развития, кроме как катастрофические.

Воплотить эти задумки были приглашены музыканты высочайшего класса. Лондонский оркестр «Филармония» под руководством прославленного финского дирижёра Эсы-Пекки Салонена продемонстрировал идеальный вариант слияния и взаимопонимания между огромным коллективом и его лидером. Сложнейшие и мощнейшие оркестровые бури были поданы маэстро элегантно, хотя апокалиптичность присутствовала - повышенная звучность, даже невероятная надсадность громоподобного всепоглощающего неистовства выходили у финна точными и страшными одновременно,

что в опере, что в симфонии. В оперном фрагменте хорошим союзникам иностранцам оказалась наша Хорошая капелла имени Юрлова, а также преимущественно британские солисты-вокалисты Салли Сильвер, Аллан Клейтон, Стивен Пейдж, Гарри Ваддингтон, Даниэль Норман и другие, которым, несмотря на повышенную звучность хора и оркестра, благодаря феноменальной дикции и очевидно титанической работе по освоению чужого и сложного для них языка, удавалось чётко донести пропеваемый на русском языке текст, прорезая

военных действий, а вот Оуэн, несмотря на свои воззрения, попал на фронты первой мировой, именно там написал свои лучшие антивоенные стихи, и погиб на полях Франции. Неслучайно именно его поэзия избрана Бриттеном для неканонической части оратории-мессы, ибо Реквием - яркий образец протеста против бесчеловечности, жестокости войны как таковой, не пафос победы или прославление героев войны, а именно осуждение бойни как чего-то невозможного и недопустимого является его основной темой.



мощные оркестрово-хоровые толщи.

Второй знаменательный концерт фестиваля - бриттеновский - отыграл другой лондонский оркестр - филармонический. У непосвященного легко может возникнуть путаница: «Филармония», филармонический, оба из Лондона - может быть это одно и то же? Тем не менее, это разные оркестры. «Филармония» чуть моложе Лондонского филармонического, и она пожаловала в Москву впервые, в то время как филармоники приезжали к нам двенадцать лет назад с Владимиром Ашкенази. «Филармония» специализируется на исполнении партитур 20 - 21 веков, при чём эта линия стала особенно доминирующей в её творчестве после прихода на пост художника Салонена. Впрочем, и филармоники в этот раз играли в Москве 20-й век - великий и ужасный Военный реквием Бриттена. Несмотря на своё устрашающее название Реквием на самом деле - антивоенный: известно, что и Бриттен, и его друг и спутник жизни тенор Питер Пирс (для которого композитор написал все теноровые партии в своих произведениях, в том числе и в Реквиеме), и поэт Оуэн, стихи которого перемежают канонические латинские тексты, были пацифистами, хотя судьба у них разная - Бриттен и Пирс уклонились от службы в армии во время второй мировой войны, и Георг VI, вопреки действующему законодательству, отпустил их в эмиграцию в США вплоть до окончания

Именно это - пацифистская идеология - в своё время и не понравилось советским властям, ибо, по их мнению, военная тема освещена Бриттеном была не верно. Следствием этого стало то, что Вишневскую, для которой Бриттен писал сопрановую партию в своём произведении, в Англию не пустили, и на мировой премьере Реквиема в Ковентри в ирнй году её заменила англичанка Хизер Харпер. Правда, через год власти смягчились, и Вишневская вместе с Пирсом и Дитрихом Фишером-Дискау (для которых также писал партии Бриттен изначально и которые мировую премьеру пели) под управлением Бриттена сделала в Лондоне первую студию запись (разошедшуюся по миру с небывалым успехом и до сих пор считающуюся эталонной), позже пела в европейской премьере реквиема в амстердамском Концертгебау. В 1966 году Реквием впервые был исполнен и в Москве - Бриттена тогда стали охотно исполнять и ставить в России годом ранее в Большом театре прошла премьера его «Сна в летнюю ночь», в Ленинграде и Риге пошёл его «Питер Граймс».

В бриттеновском Реквиеме есть и ещё один семантический слой - явно не выраженный, но, безусловно, наличествующий. Дело в том, что композитор посвятил произведение памяти четырёх своих друзей, трое из

которых - Роджер Бурней, Дэвид Джилл и Майкл Халлидей - погибли на фронтах второй мировой войны, а четвёртый, Пирс Данкерлей, также прошедший всю войну и оставшийся невредимым, покончил жизнь самоубийством в 1954 году вследствие огромного социально-психологического давления, которое он испытывал всю жизнь из-за своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Как известно, к этой же категории лиц принадлежали и Бриттен с Пирсом, равно как и поэт Оуэн, поэтому антивоенный смысл Реквиема предстаёт поистине вселенским: композитор выступил против войны не только как социально-политического явления, но против любой ненависти человека к человеку, на чём бы она ни основывалась и какие бы формы не приобретала.

Обо всём об этом напомнил собравшимся перед началом концерта Владимир Юровский в своей пламенной и весьма содержательной вступительной речи. А потом зазвучала музыка - великая музыка Бриттена. Юровский сделал всё (или почти всё), как задумал автор: огромный оркестр был разделён на две неравные группы - основную и камерную, первой дирижировал он сам, второй, аккомпанирующей дуэту мужчин-вокалистов, олицетворяющих солдат войны и ведущих диалог стихами Оуэна, - Невилл Крид. Любопытно напомнить, что на прошлом исполнении Реквиема в российской столице, состоявшемся полтора десятилетия назад, основным составом оркестра дирижировал сам Ростропович, а камерным - замечательный японский маэстро Сейджи Озава. Мощный хор, который в данном случае был представлен в лице Капеллы имени Юрлова, дополнен детскими голосами - хором мальчиков училища имени Свешникова, при этом, согласно замыслу композитора, носители ангельских детских голосов должны быть не видны публике, поэтому мальчики пели из фойе третьего амфитеатра. Не побоюсь заявить высокопарно, что взрослый хор, что детский прозвучали по-настоящему великолепно, порадовав не просто красивым и чистым звуком (здесь только этого было бы совершенно недостаточно), но глубоким проникновением в суть исполняемого.

Распределение сольных партий у Бриттена не случайно: тенор и баритон, желательнее, как на мировой премьере, - англичанин и немец, воплощают несчастных мальчиков - солдат противостоящих армий, отнятых войной у своих матерей, жён, детей и вынужденных отдавать жизни за чьи-то политические идеи, амбиции и устремления. На данном московском концерте эти партии великолепно были исполнены английским тенором Иэном Бостриджем, замечательным интерпретатором бриттеновских партитур (его эталонным Ашенбахом в российской премьере лебединой песни композитора - последней опере «Смерть в Венеции» Москва могла насладиться совсем недавно, в декабре прошлого года) и немецким баритоном Маттиасом Гёрне, также певшим великолепно. Интересно заметить, что каждый является учеником первых исполнителей Реквиемат Бостридж - ученик Пирса, Гёрне - Фишера-Дискау, то есть продолжают музыкальную традицию, заложенную полвека назад. Оба певца были помещены на один из портиков Зала Чайковского, поскольку оба «вещают» уже из потустороннего мира - оба пали жертвами мировой бойни.

На противоположном портике - солистка-сопрано, поющая на латыни канонический текст заупокойной католической мессы. Ею должна быть, по мысли Бриттена, русская певица, но в данном концерте как бы весь славянский мир представляла знаменитая болгарка Александрина Пендачанская. Осенью 2011 года певица выступила в Москве в инаугурационном спектакле «Руслан и Людмила», открывшим после многолетней реконструкции историческую сцену Большого театра, и, к сожалению, её исполнение партии Гориславы большого впечатления не оставило: весьма потёртый голос звучал глухо и напряжённо. В этот раз звучание Пендачанской понравилось: голос был гораздо свежее, запредельные верхние ноты выходили уверенно, а известная доля напряжённости в пении в данном случае не только не мешала, но воспринималась совершенно



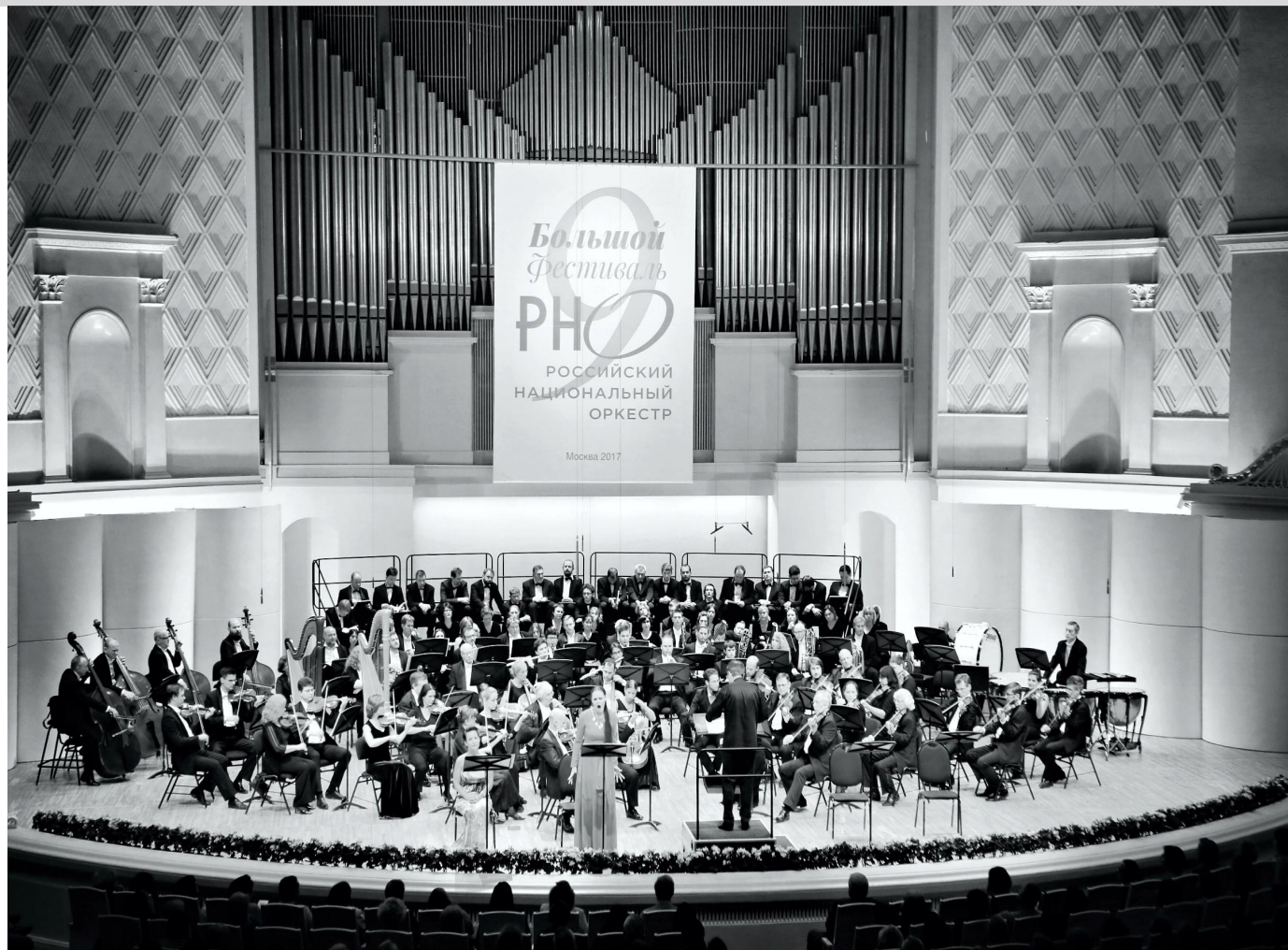
естественно - кто помнит бриттеновскую запись 1963 года, никогда не забудет сверхэмоционального, просто-таки истового пения Вишневецкой.

Все эти замечательные компоненты сложились воедино: Юровскому и его коллеге Криду удалось нарисовать мощную фреску вселенского горя, вселенского зла, какие несут война и ненависть, но и вселенского просветления. Бриттеновский Реквием стал кульминационной точкой фестиваля, в котором, помимо упомянутых программ, было ещё много чего интересного. «Филармония» с Салоненом феерично отыграла симфонии Бетховена и Сибелиуса, Российский национальный оркестр с Михаилом Плетнёвым - не менее феерично Моцарта и Сен-Санса, Филармонический оркестр Радио Франции с Мюнгом-Вуном Чунгом одарил блистательным исполнением произведений Берлиоза, Равеля и Мусоргского, Дворжака и вновь Бетховена, Симфонический оркестр Штутгартского радио порадовал вновь Сибелиусом, а также Брукнером, Лондонский филармонический под занавес фестиваля опять вернулся к Бетховену и Брукнеру. Бесспорно, фестиваль Ростроповича опять получился - был проведён, может быть, даже наиболее блистательно за все пять лет своего существования эти вечера останутся в памяти благодарных москвичей надолго.

*Александр Матусевич
Фото: Ирина Шимчак*

Великая странная опера

9-й Большой фестиваль Российского национального оркестра завершился концертным исполнением «Русалки» Даргомыжского



Оркестровый фестиваль, который почти десятилетие назад придумал Михаил Плетнёв, и чья идея поначалу вызывала немало скепсиса, за прошедшие годы превратился в одно из самых важных музыкальных событий столицы. Московский филармонический сезон с него стартует, фактически, задавая тон всему музыкальному году.

Мультикультурный формат фестиваля предполагает разнообразие: РНО как и раньше остается его смысловым центром, его доминантой, но далеко не единственным лейтмотивом. Интересные солисты и очень разные программы делают этот форум по-настоящему интересным для столичных меломанов - Зал Чайковского гарантировано полон на его концертах.

В двухнедельном марафоне этого года приняли участие Люка Дебарг, Ольга Перетятко-Мариотти, Вадим Репин и Кирилл Карабиц. Помимо хитовой классики от Скрябина, Прокофьева, Россини, Бетховена, Равеля и Сен-Санса, прозвучали и раритетные вещи - сочинения Бориса Лятошинского и Джеймса Макмиллана.

Особая любовь Плетнева последних лет - вокальные

программы, к которым он обращается часто, будь то оперы в концертном исполнении, сольные концерты выдающихся певцов или большие кантатно-ораториальные полотна. Под финал нынешнего фестиваля из этой «епархии» была дана «Русалка» Даргомыжского - опера странной судьбы, почитаемая в качестве базы национального репертуара, в былые годы (в Российской империи и в Советском Союзе) сверхпопулярная, а сегодня практически забытая отечественными театрами, уступившая место тезке Дворжака.

Апологет Глинки, Даргомыжский, тем не менее, пытался найти свой собственный композиторский стиль, свой путь развития национальной оперы - увести ее от белькантовости, от итальянщины, насытить национальными интонациями и психологической глубиной образов. Кажется, в «Русалке» Александр Сергеевич поставил слишком много амбициозных задач - его опера и сказочная, и лирико-бытовая, и народная; она и драма, и одновременно почти водевиль (экспозиционные куплеты Мельника или разговорная роль маленькой Русалочки - именно оттуда); она чем-то похожа на французскую гранд-опера мейерберов-

ского типа и в то же время в ней содержатся ощутимые заявки серьезного симфонического мышления немецкой школы. В ней же - попытка логически завершить неоконченную поэму Пушкина, рождающая как гениальные страницы, так и драматургически несовершенные, «провисающие» фрагменты. «Русалка» полна противоречий - возможно, поэтому ключ к ней до сих пор не найден (если будет найден когда-нибудь) - ни в музыкальном, ни в постановочном плане.

«Русалку» сегодня откровенно боятся режиссеры, не знают толком, что с ней делать: реализм советского закупа никого больше не прельщает, а удачное новое прочтение так никому пока предложить и не удалось (постановку Василия Бархатова 2013 года в Мариинке-2, редкую по нынешним временам, трудно отнести к достижениям).

Однако статус оперы (Стасов называл ее одним из трех - наряду с операми Глинки - столпов русской музыки) заставляет все же периодически к ней обращаться, представляя если не в сценическом, то в концертном исполнении. Недавние аналогичные попытки предпринимали Владимир Федосеев (2013) и Александр Рудин (2016). «Русалка» в финале фестиваля РНО - вполне логичный шаг, тем более, что в последние годы маэстро Плетнёв очень удачно делал именно русские оперы (Чайковского, Римского-Корсакова и Рахманинова). Однако на этот раз «битва» дирижера за национальный шедевр едва ли оказалась выигранной.

Самым замечательным в концерте оказалось звучание РНО, причем преимущественно в чисто оркестровых эпизодах, наиболее убедительными из которых стали танцы во втором акте. Хорошо вышли все инструментальные соло, а, например, увертюра, весьма неровная по своим музыкальным достоинствам, благодаря совершенной игре оркестра зазвучала выразительно, с потрясающей силой драматического высказывания. Однако, увы, настоящего баланса с солистами найти не удалось - оркестр слишком часто заглушал певцов, чьи голоса тонули в толщах оркестровой звучности.

Впрочем, не одного оркестра в том вина. Подбор вокалистов - наиболее слабая сторона этого проекта. Лучшей среди квартета протагонистов оказалась меццо Полина Шамаева из «Новой оперы», исполнившая партию Княгини красивым звуком, выразительно и с практически безупречной дикцией. Пожалуй, лишь ее пение напоминало о русских национальных традициях

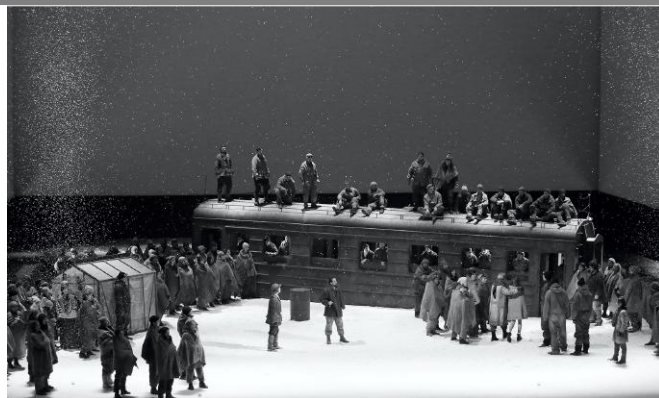


исполнения этой оперы, и именно поэтому солистка прозвучала наиболее естественно и органично. Менее удачно и заметно ниже собственных возможностей показался габтовский бас Петр Мигунов в харизматичной партии Мельника - именно харизмы ему и не хватало, особенно поначалу, отчего хитовая ария первого акта особого впечатления не произвела. Впрочем, в дальнейшем певец показал себя гораздо увереннее, особенно прибавив во второй половине оперы, когда его героя охватывает безумие. Солистка Пермской оперы Зарина Абаева к сожалению с партией Наташи не справилась: ее сопрано не хватало мощности и экспрессии, совершенно отсутствовала столь важная особенно для Даргомыжского четкость пропеваемого слова (дикция в целом не была сильной стороной исполнения). Незвучным оказался средний регистр голоса Абаевой, ключевой для этой драматической партии. Еще менее повезло партии Князя в исполнении белорусского тенора Бориса Рудака, также солиста Пермской оперы: у певца наблюдаются очевидные проблемы с интонацией и верхними нотами, равно как и с осмысленностью пения. Абсолютно как проходные прозвучали малые партии опуса, не оставив особого впечатления (Яна Бесядынская - Ольга, Никита Турский - Сват).

Московский Синодальный хор порадовал стройностью звучания, тембристым, сочным звуком, столь уместным в русской опере, и несколько огорчил посредственной дикцией и весьма скромным артистизмом (что неудивительно для нетеатрального коллектива). И абсолютно всех умилила юная Люба Дурсенева, с детской непосредственностью сыгравшая разговорную роль маленькой Русалочки.

*Александр Матусевич
Фото: Ирина Шимчак*

«Исчезло в них служенье красоте...»



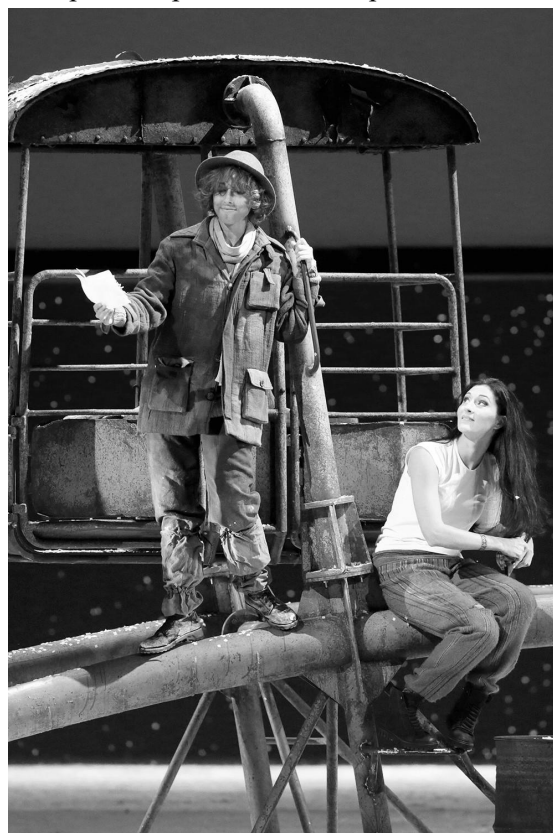
Сцены из спектакля (фото Дамира Юсупова/Большой театр)

Весенняя сказка Островского - Римского-Корсакова в текущем сезоне вдруг стала резко популярной: к не самой простой опере великого композитора обратились сразу два ведущих мировых оперных театра. В апреле «Снегурочка» впервые за многие годы появилась в Парижской национальной опере - в одном из крупнейших оперных домов: ведь еще совсем недавно один из самых поэтичных, но одновременно и самых малопонятных вне русской ментальности опусов гения был главным образом «продуктом для внутреннего потребления». Дмитрий Черняков решил ситуацию исправить, предложив французской публике в этом произведении полный набор самых модных ныне режиссерских ходов по десакрализации сказки и развенчанию мифа: то, чем европейский театр занимается уже десятилетиями, например, в отношении опер Вагнера, теперь применено к русской классике.

«Наш ответ Чемберлену» не заставил себя ждать: Большой театр России закрывает свой сезон премьерой «Снегурочки» в постановке Александра Тителя, который идет, в общем-то, той же дорогой, что и его коллега в Париже. Несмотря на то, что режиссеры принадлежат к разным поколениям, их желание переписать сюжет Островского и раскопать в опере Римского-Корсакова что-нибудь эдакое, чего ранее никто не раскапывал, абсолютно в духе нашего времени - эпохи тотального режиссерского диктата в оперном театре.

Нынешняя постановка «Снегурочки» в Большом уже девятая, и если верить статье Ирины Коткиной в увесистом фолианте, подготовленном редакционно-издательской службой театра к премьере, этой опере никогда особо не везло на его сцене. Пожалуй, лишь певцы разных поколений испытывали к ней интерес, насыщая своим совершенным вокалом великую партитуру - в истории остались замечательные работы Антонины Неждановой и Леонида Собинова, Сергея Лемешева и Ивана Козловского, Надежды Обуховой и Ксении Держинской, Елизаветы Шумской и Ирины Масленниковой, Галины Вишневской и Ирины Архиповой. А вот к работе дирижеров и режиссеров в каждой из этих постановок у критики всегда были большие претензии, и даже легендарный вариант Бориса Покровского 1954 года сочли неудачным, усмотрев в нем чрезмерное обытовление сказки.

Безусловно, как крупную неудачу, если не провал, можно рассматривать и нынешний спектакль - свою «Снегурочку», достойную его сцены, Большой так пока еще и не обрел. У Александра Тителя с Римским-Корсаковым вообще отношения непростые: при очевидном интересе постановщика к творчеству знаменитого сказочника, хорошо получается далеко не всегда. И если его «Ночь перед Рождеством» (Большой, 1990) и «Салтана» (Театр Станиславского, 1999) невозможно было не приветствовать, а к «Майской ночи» (Театр Станиславского, 2008) отнестись с пониманием, хотя и не принимая всецело, то о «Золотом петушке» (Театр Станиславского, 2003) мало кто вспоминает без содрогания. Столь же «привлекательной» оказалась и его «Снегурочка», разъятая и препарированная по всем правилам режиссерского волюнтаризма.



Лель - Александра Кадурина.

Снегурочка - Ольга Селиверстова.

Фото Дамира Юсупова/Большой театр.

Оригинальная концепция спектакля гласит, что действие весенней сказки разворачивается в неуютном пространстве наподобие киношного «Сталкера»: техногенная катастрофа или ядерная война уничтожила на планете почти все живое и погрузила ее в тотальную зимнюю ночь. Осталась лишь жалкая кучка людей, именующих себя берендеями, влачащая на обломках цивилизации самое жалкое существование. На обломках - в прямом

Вообще, как и водится в современном режиссерском театре, Тителя нимало не волнует раскосяк между пропеваемым текстом и тем, что публика видит на сцене. Видимо, зритель должен самостоятельно дофантазировать - и белоснежную бороду по пояс у царя, и цветочки-василечки, которые воспевают главная героиня, находящаяся, также, по-видимому, в перманентном бреде или «под мухой». И много чего еще другого, чего



Царь Берендей – Богдан Волков.

Снегурочка - Ольга Селиверстова.

Фото Дамира Юсупова/ Большой театр.

смысле слова: из под снежного настила торчат верхушки ржавых высоковольтных башен и изгиб «колеса обозрения» из парка культуры, а «хоромы» царя Берендея - это облезлый железнодорожный вагон, каким-то чудом не погребенный под слоем бесконечно падающего пенопластового снега.

Берендей абсолютно деградировали и люмпенизировались - в рваных грязных ватниках, замотанные какими-то тряпками они словно аккуратно списаны художником Владимиром Арефьевым с многочисленных московских бомжей. Верховодит этой шайкой маргиналов юнец, сидящий на «дозе», которого почему-то величают царем, «владыкой среброкудрым» - похоже, степень помещательства выживших после апокалипсиса давно перевалила точку невозврата.



Леший – Марат Гали.

Мороз - Глеб Никольский.

Фото Дамира Юсупова/ Большой театр.

задумывали авторы оперы, но почему-то оставил за скобками режиссер. Зато помойка, на которой протекают все четыре акта оперы, воссоздана с дотошной достоверностью - так и кажется, что ее «аромат» незримо расплзается по залу Большого театра. Столь же «притягательна» и хореография Ларисы Александровой - не припомню, чтобы доводилось видеть на этой сцене такой же антиэстетичный, уродливый и, в общем-то, бессмысленный с позволения сказать танец вербального, смыслов, есть еще музыка! Закроешь глаза - в уши тебе льются созвучия невероятной красоты, ясная и бесконечно притягательная музыкальная мысль, облеченная мастерством гения в изумительные формы. Откроешь - на сцене тотальное уродство, глазу зацепиться не за что. Сила контраста? Режиссура и сценография не обязаны быть иллюстративными? Безусловно. Но и отрицающими существо произведения, которое они интерпретируют, они, кажется, тоже быть не должны. И что дает подобный контраст, будит ли он понаслышке работу мысли или вызывает лишь чувство безразличия?

Волюнтаристская режиссура и антиэстетическая сценография напрочь убивают оперу: ведь мы в театре, здесь важен синтез, и восхищаться отдельно качественно звучащим оркестром под водительством габоковского музрука Тугана Сохиева и достойным вокалом преимущественно молодых солистов труппы никак не выходит. Пресловутое единство зримого и слышимого, рождающее подлинную оперу, за которое на бумаге ратуют все, на деле, как выясняется, вовсе не является безусловной благородной целью, и с охотой приносится в жертву эгоистичному самовыражению авторов спектакля.

Александр МАТУСЕВИЧ